

Барбара
Картленд

Радуга
до небес

Барбара Картленд Пират в любви

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135731

Радуга до небес. Пират в любви: Романы: АСТ; Москва; 1997

ISBN 5-15-000366-2

Оригинал: BarbaraCartland, "THE LOVE PIRATE", 1977

Перевод:

Л. И. Лебедева

Аннотация

Лорд Сэйр пользовался в лондонском свете скверной славой – его донжуанские подвиги были известны настолько широко, что снискали легкомысленному аристократу прозвище Пират в любви. Перипетии дипломатической карьеры заносят Сэйра на пароход, идущий к берегам Борнео. В числе пассажиров – прелестная Бертилла, девушка, с первого взгляда на которую Пират в любви понимает, что оказался, похоже, не охотником, а жертвой. Но однажды на пароходе вспыхивает пожар, и судно гибнет в пламени...

Содержание

Примечание автора	4
Глава 1	5
Глава 2	39
Глава 3	68
Глава 4	99
Глава 5	134
Глава 6	163
Глава 7	200

Барбара Картленд

Пират в любви

Примечание автора

Во время своего правления последний белый раджа Вайнер Брук практически свел на нет охоту за головами, однако, когда японцы во время второй мировой войны захватили Саравак, этот запрет был снят.

Когда раджа и рани вернулись на остров после изгнания японцев, даяки показали им большую коллекцию японских голов, закопченных и развешанных в особом помещении. Воины весело рассказывали, как они посылали самых красивых своих дочерей купаться в заводи в джунглях.

Едва японцы начинали подкрадываться к девушкам, чтобы поглазеть на них, даяки снимали им головы, пока те проходили мимо.

– Собирать японские головы – замечательный спорт, – со смехом говорили даяки. – Очень, очень забавная игра!

Глава 1

1885 год

– Я слышал, что ты снова уезжаешь, Тейдон, – сказал до-
стопочтенный Д'Арси Чарингтон, удобно устраиваясь в за-
ранее заказанном им купе и зажигая сигару.

– Премьер-министр предложил мне проехаться по Даль-
нему Востоку, начиная с Сингапура, – ответил лорд Сэйр. –
Я должен представить ему доклад относительно общих на-
правлений торговли, а также о том, как известные наши ди-
пломаты справляются со своей работой.

Д'Арси Чарингтон рассмеялся.

– Это звучит прямо-таки грандиозно, и я, признаться, тебе
не завидую.

– Все же хоть какая-то перемена, – заметил лорд Сэйр.

– Ты говоришь так, словно рад уехать из Англии. Мне по-
казалось, что ты не слишком веселился во время последнего
уик-энда.

– Обычная суета, – скучающим тоном произнес лорд
Сэйр.

– Бог с тобой, Тейдон! На тебя не угодишь! – воскликнул
Д'Арси Чарингтон. – Там на каждый квадратный ярд прихо-
дилось больше красивых женщин, чем где бы то ни было в
целом мире, и принц развлекался от души.

– Принц – любитель прекрасного пола, – ответил лорд

Сэйр.

– Его королевское высочество поистине фантастичен! – рассмеялся Д'Арси Чарингтон. – Стоит какой-нибудь красавице появиться в комнате, как у него тотчас оживляется лицо и загораются глаза. – Помолчав, он добавил: – Хоть ты и циник, Тейдон, признай все же, что они чертовски хороши.

Лорд Сэйр тоже закурил сигару, прежде чем ответить. Загасив спичку, он медленно проговорил:

– Прошлым вечером мне подумалось, что они ведут себя словно богини, восседающие на вершине Олимпа, а мы – как жалкие смертные, пресмыкающиеся перед ними у подножия горы.

Д'Арси Чарингтон пристально посмотрел на друга.

– По крайней мере в одном я уверен, Тейдон, – сказал он. – Ты никогда и ни перед кем не пресмыкался, каким бы высоким ни был подъем красивой ножки и какими бы соблазнительными ни казались маленькие розовые пальчики.

– Ты, Д'Арси, выражаешься в стиле тех французских романов, которые мы, бывало, читали, живя в Париже, а потом выбрасывали в окошко.

– И нам было весело, правда? Но как ни очаровательны француженки, Тейдон, им все же не сравниться с нашими красавицами.

– Далеко не всегда мужчину привлекает классическая правильность черт и гибкость фигуры, – возразил лорд Сэйр.

– А что же еще? Лорд Сэйр не ответил.

– Вся беда в том, Тейдон, – сказал Д'Арси, – что ты крайне избалован, чрезмерно богат, очень красив и чертовски удачлив. Это противоестественно!

Лорд Сэйр сверкнул глазами.

– Это в каком же смысле? – поинтересовался он.

– Ты срываешь с дерева самые спелые персики, вернее, они сами падают тебе в руки, прежде чем ты пальцем шевельнешь, и в результате ты пресыщен – да-да, именно это слово, старик, – ты пресытился всем, что есть прекрасного в жизни, и просто не знаешь, чего тебе надо.

– Возможно, я предпочел бы, приложив усилия, сам сорвать плод, как ты изволил выразиться, – сказал лорд Сэйр, – или, иначе говоря, предпочел бы сам вести охоту.

– Гертруда в этот уик-энд, кажется, совсем тебя загнала, – с усмешкой заговорил Д'Арси Чарингтон. – Она всегда была очень властной. Если уж кто попал ей в когти – ни за что не выпустит.

Лорд Сэйр смолчал, и хотя его друг прекрасно знал, что Тейдон не имеет обыкновения обсуждать с кем бы то ни было свои любовные дела, все же не удержался и продолжил:

– Вероятно, ты поступаешь мудро, Тейдон, приняв решение уехать, пока это еще возможно. Мне бы не доставило удовольствия наблюдать, как ты следуешь за колесницей Гертруды.

– Я не намерен это делать, – твердо ответил лорд Сэйр.

Его друг едва заметно улыбнулся. Он понял теперь, чем

были вызваны искорки гнева в прекрасных глазах леди Гер-
труды Линдли и по какой причине лорд Сэйр вел себя бо-
лее сдержанно, чем обычно, на вечере в Мальборо-Хаусе¹,
на который по приглашению герцога Мелчестера собрались
сливки высшего общества.

Развлекать принца Уэльского явились супруги самых
знатных аристократов, а также несколько блестящих вдов.

Среди мужчин были и холостяки, как тот же лорд Сэйр и
его друг, но каждого из них молва связывала с какой-нибудь
известной прелестницей.

Мужчины порой служили дичью для прекрасных охот-
ниц, и, как выражался Д'Арси Чарингтон, они гордились сво-
ей добычей, как индейцы гордятся скальпами, прицепленны-
ми к поясам.

Поглядывая на лорда Сэйра, Д'Арси Чарингтон в который
уж раз подумал, что его друг, вне сомнения, один из самых
привлекательных и красивых мужчин своего поколения.

Казалось почти несправедливым, что он к тому же богат
и необычайно умен.

Премьер-министр маркиз Солсбери и его предшествен-
ник мистер Гладстон доверяли лорду Сэйру дела такой важ-
ности, какие не поручили бы ни одному другому столь мо-
лодому человеку.

Официально приписанный к министерству иностранных
дел, лорд Сэйр обладал к тому же неофициальным дипло-

¹ Бывшая королевская резиденция в Лондоне.

матическим статусом, который позволял ему разъезжать по всему миру и составлять личные, обычно секретные доклады о том, что он видел и слышал. Они помолчали

– Когда ты уезжаешь? – спросил Д'Арси.

– Послезавтра.

– Так скоро! Ты уже сказал Гертруде?

– Я считаю разумным никого не предупреждать о своем отъезде, – ответил лорд Сэйр. – Терпеть не могу сцены прощания, к тому же если и обещаю кому-то писать письма, не держу слова.

В голосе его прозвучали очень жесткие нотки; да, подумал Д'Арси, он избегает многих неприятных сцен, ускользая таким образом от женщин.

– Ну что ж, – сказал Д'Арси, – ты отбываешь на новые пастбища, и я тебе завидую. Здесь нечем будет заняться после окончания охотничьего сезона и наступления холодов. Принц поговаривает об отъезде в Канн после Рождества. Лондон опустеет.

– Ты вполне можешь присоединиться к его высочеству.

– Я бы не выдержал и месяца всех этих поклонов и расшаркиваний, – ответил Д'Арси. – Будь у меня выбор, я бы скорее предпочел уехать с тобой.

Лорд Сэйр усмехнулся:

– И был бы сильно разочарован. Мало того, что приходится бесконечно расшаркиваться перед местными набобами и отвешивать им поклоны, там порою чувствуешь себя край-

не уютно Увидел бы ты. в каких условиях мне приходится жить, ты бы немало удивился

– Ну уж. наверное, не к худших чем когда мы вместе служили в армии

– Это верно. – согласился лорд Сэйр – Я почти забыл о такого рода неудобствах, как маневры и форсированные марши, а также о бессмысленных разговорах в общей столовой

– В разговорах во время последнего уик-энда не больше смысла. – заметил Д'Арси Чарингтон – Чарли окончательно впал в маразм со своими старыми историями, которые он без конца повторяет с одними и теми же ужимками. Разве что принца позабавил.

– Я начинаю думать, что слишком уже стар для всей этой суеты, – сказал лорд Сэйр.

– В тридцать один год? – изумился Д'Арси. – Мой дорогой Тейдон, ты явно болен. Уж не любовью ли?

– Вот уж нет! – воскликнул лорд Сэйр. – Для вящей убедительности позволю тебе повторить: не влюблен и влюбляться не намерен.

– Большое облегчение для премьер-министра, – заметил Д'Арси Чарингтон

Лорд Сэйр вопросительно поднял брови.

– Старик панически боится потерять тебя, – пояснил Д'Арси. – Он как-то говорил моему отцу в палате лордов: «Из-за affaire de Coeur² я потерял больше молодых людей,

² сердечных дел (фр.).

чем было убито на полях сражений!»

– Твой отец может успокоить премьер-министра. Любовь совершенно не входит в мои планы, и потому никаких осложнений в моих отношениях с премьер-министром не предвидится.

– Но когда-нибудь ты все-таки женишься.

– Зачем?

– Хотя бы для того, чтобы обзавестись наследником. Должен же кто-то унаследовать всю эту гору имущества. – Д'Арси помолчал и добавил: – Я нередко думаю, что Сэйр-Хаус нуждается в хозяйке и куче детишек, чтобы выглядеть обитаемым. Дом слишком хорош в архитектурном смысле, чтобы пустовать.

– Я люблю его таким, какой он есть, – сказал лорд Сэйр. – К тому же скажи, Д'Арси, ты можешь представить меня женатым?

– Очень легко! Гертруда, например, выглядела бы великолепно в фамильных бриллиантах Сэйров.

– Поскольку мы говорим не для протокола, – ответил лорд Сэйр, – открою тебе, что на роль моей супруги Гертруда подходит меньше, чем кто бы то ни было.

– Потому что она чересчур требовательная и властная? – В голосе Д'Арси прозвучало откровенное сочувствие.

– Да, и, кроме того, сомневаюсь, что у нее есть хоть какие-то мозги. Она красива, спору нет, одна из самых красивых женщин, каких мне приходилось встречать, но не более

того.

– Господи, Тейдон, чего же еще тебе надо?

– Очень многого, если говорить всерьез.

– Скажи мне.

– Ни под каким видом! Сделай я это, ты бы тотчас принялся за поиски создания, мною описанного, а найдя такое совершенство, загнал бы меня в церковь хотя бы ради того, чтобы выступить в роли шафера.

Д'Арси Чарингтон захохотал:

– Ладно, Тейдон, иди своим путем. Наслаждайся своей интеллектуальной изоляцией, но предупреждаю тебя: в старости ты почувствуешь себя очень одиноким, сидя во всей своей славе у себя в Сэйре без спутницы жизни или как там это называется.

– Я буду вполне удовлетворен обществом друзей, таких, как ты, Д'Арси, и стану крестным отцом их детям; впрочем, крестники у меня и сейчас уже есть.

– Бог мой! И что же, ты отрекся от похоти и других искушений дьявола ради них?

– Разумеется, – согласился лорд Сэйр, – но не ради себя самого! Мои крестные отец и мать, которые уже умерли, ничего не делали для меня, когда были живы.

– А ты что делаешь для своих крестников?

– Посылаю им по гинее к Рождеству и по десять гиней к конфирмации и умываю руки.

– Весьма похвально, – насмешливо произнес Д'Арси. – Но

я предпочел бы видеть тебя отцом собственного сына и одной или двух хорошеньких дочек.

– Боже сохрани! – засмеялся лорд Сэйр. – Но более всего, Д'Арси, я хотел бы избежать чужих дочерей. В прошедший уик-энд герцогиня весьма прозрачно намекала, что Кэтрин была бы мне весьма подходящей супругой.

– Надеюсь, ты и мысли такой не допускаешь, – поспешил заметить Д'Арси Чарингтон.

– Почему же? Ведь тебе так хочется, чтобы я женился.

– Только не на дочери герцога! Что может быть более неприятное, чем иметь такого тестя? К тому же, насколько я могу судить, его отпрыски чем-то похожи на скаковых лошадей и невероятно скучны и пресны.

– А тебе не кажется, что все молодые девушки таковы? – спросил лорд Сэйр. – Мне по крайней мере другие не попадались.

– Почему же, кругом полным-полно привлекательных молодых девиц, – возразил Д'Арси Чарингтон. – В конце концов гадкий утенок становится прекрасным лебедем, и та же Гертруда и ей подобные когда-то были птенцами.

– И разумеется, скучными и пресными, – съязвил, в свою очередь, лорд Сэйр.

– Ладно, вернемся к этой теме, когда ты прибудешь с Востока. Вдруг к тому времени ты отдашь свое сердце какой-нибудь пленительной черноокой гурии. Кто знает?

– Кто знает? – повторил лорд Сэйр с легкой улыбкой.

Поезд подъезжал к вокзалу; Д'Арси Чарингтон погасил сигару и надел шляпу.

– Извини, Тейдон, но я выскочу, как только поезд остановится. У меня назначено очень важное свидание.

– Важное свидание? – переспросил лорд Сэйр. – С мужчиной или с женщиной?

– С женщиной, да к тому же управляющим банком.

– А эта персона куда более значительная, нежели многие другие, – усмехнулся лорд Сэйр.

– В моем случае, безусловно, – согласился Д'Арси Чарингтон. – Я не смею сообщить отцу размеры моих долгов, а управляющий, как правило, относится ко мне с пониманием.

– В таком случае желаю удачи! Надеюсь увидеть тебя нынче вечером в Мальборо-Хаусе.

– Да, принц пригласил меня. Может быть, там будет весело.

– А скучно станет, можем оттуда еще кое-куда заехать, – предложил лорд Сэйр. – Мне есть с кем попрощаться, ведь я отбываю на несколько месяцев.

Друг ответил понимающей улыбкой.

– Я уверен, что мадам Аспанали встретит нас с распростертыми объятиями, – сказал он. – Слышал я, что к ней доставили из Парижа новых очаровательных, хотя и не слишком невинных голубок.

– В таком случае, – подхватил лорд Сэйр, – мы покинем Мальборо-Хаус пораньше.

Поезд уже двигался вдоль платформы, на которой выстроились в длинный ряд ожидающие пассажиров носильщики.

Наши джентльмены, однако, полагались на своих слуг – те должны были забрать их вещи из купе, а также из багажного вагона.

Едва поезд остановился, Д'Арси Чарингтон подхватил свою коричневую ротанговую трость и спрыгнул на платформу.

– До свидания, Тейдон! – крикнул он на прощание и исчез в толпе.

Лорд Сэйр не торопился.

Он сложил «Файнэншл тайме», так и не прочитанную из-за того, что они всю дорогу разговаривали с другом, потом встал и надел подбитое мехом пальто с каракулевым воротником.

Он как раз водрузил на голову цилиндр, чуть сдвинув его набок, когда появился его слуга.

– Надеюсь, ваша милость, вы доехали хорошо.

– Вполне удобно, Хигсон, благодарю вас, – ответил на приветствие лорд Сэйр. – Пожалуйста, прихватите газету, я ее не дочитал.

– Слушаю, милорд. Ваш брум дожидается вас, ваша милость. Багаж я погружу в ландо³.

– Спасибо, Хигсон. Я поеду в палату лордов. Домой пере-

³ Брум – двухместная закрытая одноконная карета; ландо – четырехместный экипаж с поднимающимся верхом.

одеться заеду рано, я приглашен сегодня в Мальборо-Хаус.

– Понимаю, милорд.

Лорд Сэйр вышел на платформу и начал прокладывать себе дорогу через густую толпу.

Поезд был переполнен; в числе других пассажиров в нем ехала и группа школьниц, которые, как заметил лорд Сэйр, сели в Оксфорде. Их отпустили домой на Рождество, и девочки выглядели весело и оживленно.

Они прощались друг с другом, в то время как воспитательницы распределяли их по группам.

Некоторых встречали родители; одетые в меха мамы подносили к лицу собольи и горностаевые муфты, чтобы не вдыхать паровозный дым.

Лорд Сэйр, едва отойдя от своего вагона, вспомнил, что не отдал Хигсону еще одно приказание, и повернул назад.

Слуга все еще выгружал из сетки дорожные сумки, портфели и прочий ручной багаж. Слуга Д'Арси Чарингтона был тоже здесь и занимался вещами своего хозяина.

– Хигсон! – позвал лорд Сэйр с платформы. Слуга в мгновение ока возник в дверях купе:

– Да, милорд?

– Зайдите по пути в цветочный магазин и отправьте леди Гертруде Линдли большой букет белых лилий вместе с этой запиской.

– Хорошо, милорд, – ответил слуга, принимая у хозяина запечатанный конверт.

Когда лорд Сэйр снова зашагал по платформе, он уже твердо знал, что посылает Гертруде Линдли последний букет.

Как часто бывало и раньше, ему стало ясно, что и этот роман подошел к концу.

Он и сам не мог бы объяснить себе, почему в какой-то момент ему внезапно становилось скучно, почему то, что казалось столь привлекательным и желанным, переставало им быть.

Гертруда не совершила ничего необычного и ничем его не обидела.

Он просто понял, что она больше не привлекает его, а все ее манеры и ужимочки, казавшиеся ранее такими очаровательными, стали откровенно его раздражать.

Его друг Д'Арси Чарингтон, разумеется, упрекнул бы его в привередливости – женщины, вероятно, объяснили бы это непостоянством, но он ничего не мог поделать со своими чувствами.

Он словно бы пытался поймать нечто неуловимое, верил, что вот-вот добьется желанной цели, – и неизменно разочаровывался.

Ведь трудно себе представить женщину красивее Гертруды, и хотя в комнату она входила с видом Снежной Королевы, в постели была пламенно страстной, бурной и порою неутолимой.

– Что же во мне не так? – спрашивал себя лорд Сэйр, идя

по платформе. – Почему я так скоро охлаждаю, почему ни одна женщина не удовлетворяет меня надолго?

Он знал, что при желании мог бы владеть любой женщиной, заинтересовавшей его; Д'Арси был прав – они слишком легко падали в его объятия.

Он редко сам добивался взаимности. Любовные интриги возникали, как правило, по инициативе женщин.

«Слава Богу, что я уезжаю», – подумал он, понимая, что иначе было бы нелегко вырваться из рук Гертруды.

Как объяснишь ей, почему вдруг переменялись его чувства?

Когда он вышел из поезда на платформу, по ней двигалась плотная толпа, но теперь большинство пассажиров покинуло вокзал, и только носильщики с нагруженными багажом тележками направлялись к выходу.

Лорд Сэйр шел за одним из них; тележка была нагружена так высоко, что за ней ничего не было видно. Внезапно впереди раздался крик.

Носильщик внезапно остановился, так что лорд Сэйр едва не налетел на него.

Оба они явственно услышали отчаянный женский крик, быстро обежали тележку и увидели девушку, лежащую на земле.

Лорд Сэйр наклонился, чтобы помочь девушке подняться, и заметил, что она держится руками за лодыжку.

– Вы сильно ушиблись? – спросил он.

– Только ногу, – ответила она, – ничего особенного.

Но он увидел, что у нее по ноге течет кровь, а чулок порван.

– Очень сожалею, мисс, – заговорил носильщик. – Я не заметил вас, истинная правда.

– Это не ваша вина, – сказала девушка мягким и нежным голосом. – Я сама зазевалась, высматривая, не встречает ли меня кто-нибудь.

– Вы сможете встать, если я помогу вам? – спросил лорд Сэйр.

Она улыбнулась ему, и лорд Сэйр обратил внимание на огромные серые глаза на бледном лице. Он подхватил девушку под руки и осторожно поднял ее.

Она еле слышно вскрикнула от боли, но, выпрямившись, храбро заявила:

– Ничего страшного... Простите, что затруднила вас.

– Я не думаю, что у вас перелом, – сказал лорд Сэйр, – но никогда не знаешь наверняка.

– Ничего страшного, – повторила девушка уверенным тоном. – Спасибо, что помогли мне.

– Как вам кажется, вы в состоянии дойти до выхода? Вас, верно, ждет там экипаж?

– Я надеялась, что мама встретит меня на платформе, – сказала девушка, – во всяком случае, я уверена, что она прислала за мной карету.

– Обопритесь, пожалуйста, на мою руку, – предложил

лорд Сэйр. – Идти здесь недалеко. Чтобы найти кресло на колесах, понадобилось бы немало времени.

– Нет-нет, я вполне могу дойти, – заверила девушка.

Он подставил ей руку, и, опираясь на нее, девушка двинулась вперед медленным шагом – нога у нее явно болела.

До выхода и в самом деле было недалеко, а на площади у вокзала ожидало немало экипажей, в том числе и его собственный брум.

Девушка огляделась и произнесла со вздохом:

– За мной не прислали. Может, носильщик сможет нанять мне карету?

– Я отвезу вас домой, – сказал лорд Сэйр.

– О нет, я бы не хотела причинять затруднения... Вы и без того были так добры...

– Мне это нетрудно, – ответил он.

Лорд Сэйр подвел девушку к дверце брума, и выездной лакей, весьма представительный в своей коричневой ливрее и коричневом же цилиндре с кокардой, распахнул дверцу.

Лорд Сэйр помог девушке сесть, уселся сам с ней рядом, и лакей набросил им на колени подбитый собольим мехом плед.

– Где вы живете? – спросил лорд Сэйр.

– На Парк-лейн, дом девяносто два.

Лорд Сэйр отдал приказание лакею, тот закрыл дверцу, и лошади взяли с места.

– Вы очень любезны, – тихонько проговорила девушка. –

Так глупо вышло, что я не заметила тележку, которая сбила меня с ног.

– Мне кажется, что вы новичок в Лондоне.

– Я не была здесь несколько лет.

– А что с вашим багажом?

– Школа отправит его домой, вернее, уже отправила. Мама, когда она встречает меня, раздражает, что приходится ждать, пока я получу чемодан из багажного вагона.

– Нам, наверное, стоило бы представиться друг другу, – сказал лорд Сэйр. – Поскольку багажа у вас нет, я не имел возможности взглянуть на прикрепленную к нему карточку.

Как он и ожидал, девушка улыбнулась:

– Мое имя Бертилла Элвинстон.

– Я знаком с вашей матушкой! – воскликнул лорд Сэйр.

– Мне кажется, с мамой знакомы все, – сказала Бертилла. – Она очень красива, правда?

– Очень! – согласился лорд Сэйр.

Леди Элвинстон была одной из тех красавиц, которых он в разговоре с Д'Арси Чарингтоном сравнивал с олимпийскими богинями.

Ею – величественной и высокомерной брюнеткой, восхищался принц Уэльский, а также все те, кто подражал его вкусам. Однако лорд Сэйр немало удивился тому, что у нее есть дочь.

Сэр Джордж Элвинстон, как было известно лорду Сэйру, весьма кстати скончался несколько лет тому назад, оставив

свою жену, общепризнанную красавицу из высшего света, в окружении сонма воздыхателей. Но лорд Сэйр, как ни старался, не мог припомнить не только разговора, но даже шепота о том, что у этой четы были дети.

И уж, во всяком случае, никому бы не пришло в голову, что у леди Элвинстон имеется дочь в возрасте Бертиллы.

Из чистого любопытства он спросил:

– Вы возвращаетесь домой из школы?

– Я окончила школу.

– Вы этому рады?

– Дольше оставаться там было просто неловко. Я и так гораздо старше всех остальных девочек.

– Намного? – поинтересовался он.

Она, видимо, несколько смущенная, отвернулась и ответила:

– Мне восемнадцать с половиной лет. Лорд Сэйр высоко поднял брови.

Он отлично знал, что барышни из высшего света обычно становятся так называемыми дебютантками и начинают выезжать в семнадцать лет.

– Полагаю, ваша матушка знает, что вы приехали? – спросил он.

– Я написала ей письмо, – ответила Бертилла, – но мама так занята обычно, что порой просто забывает распечатать мое письмо.

В голосе у Бертиллы при этих словах прозвучали печаль и

растерянность, которые многое сказали лорду Сэйру об отношениях между матерью и дочерью.

– Я правильно вас понял, вы не всегда приезжали в Лондон на каникулы?

– Да, в большинстве случаев я проводила их в Бате, у моей тети, но тетя три месяца назад умерла, так что я не могу туда поехать.

– Я надеюсь, вам понравится Лондон, – заметил лорд Сэйр, – хотя очень многие уезжают из города на Рождество.

– Возможно, мы уедем в деревню, – немного повеселевшим голосом проговорила Бертилла. – Это было так хорошо, когда был жив папа. Я могла ездить верхом, зимой папа брал меня с собой на охоту, но мама не любила деревню и предпочитала жить в Лондоне.

– Вы можете ездить верхом в парке.

– О, я надеюсь на это, хоть ездить верхом здесь совсем не то что скакать галопом по полям и чувствовать себя свободной.

В ее голосе прозвучало нечто, заставившее лорда Сэйра пристальнее приглядеться к девушке.

Он осознал, что если мать обладала бьющей в глаза красотой, то дочери была присуща спокойная прелесть совершенно иного типа.

Бертилла была невысокой, а в моде были красавицы рослые и величественные.

Фигура девушки еще не вполне оформилась, да и в лице

у нее оставалось что-то детское.

Глаза серые и очень большие, а овал лица... Опытный знаток женщин, лорд Сэйр про себя называл его «овал сердечком».

Насколько он мог разглядеть волосы под немодной шляпкой, они у Бертилле были светлые и кудрявые от природы.

Ресницы, как ни удивительно, темные, а взгляд, обращенный на лорда Сэйра, казался очень доверчивым.

Он невольно подумал, что, сиди с ним в экипаже наедине женщина постарше, она непременно принялась бы кокетничать.

Причем кокетство проявлялось бы не только в каждом сказанном ею слове, но и в выражении глаз, губ, во всех ее телодвижениях.

Но Бертилла держалась совершенно естественно и обращалась к нему так, словно ей и в голову не приходило, что он как-никак мужчина.

– Вы не в школьной форме, – помолчав, заметил он.

К его удивлению, она покраснела.

– Я выросла из нее год назад, – объяснила она. – Мама сказала, что не стоит больше тратить деньги на форму, и тетя купила мне в Бате нынешний мой наряд.

Ее платье и жакет из синей шерсти неяркого оттенка, с едва заметным турнюром, были, как подумал лорд Сэйр, именно того стиля, какой и должна была выбрать пожилая тетушка.

Это одеяние не украшало Бертилли, но тем не менее придавало ей какой-то трогательный вид, впрочем, возможно, такое впечатление складывалось из-за ее больших глаз на все еще бледном после пережитого потрясения лице.

– Нога беспокоит вас? – спросил лорд Сэйр.

– Нет, она уже меньше болит, благодарю вас. Как это любезно с вашей стороны, что вы решили отвезти меня домой в своей карете. А лошадь у вас замечательная.

– Я очень горжусь своей конюшней.

– И вы не используете тугие вожжи? Задавая этот вопрос, она смотрела на лорда Сэйра обеспокоенно, словно боялась, что он возразит ей.

– Конечно, нет!

Девушка облегченно вздохнула.

– Я очень рада. Я считаю это жестоким. Мама уверяет, что таким образом можно лучше показать лошадей, а это лестно хозяевам.

Лорд Сэйр отлично знал, что светские модницы любили пользоваться тугими вожжами и поводьями, благодаря чему лошади красиво изгибали шеи, но это причиняло животным сильные мучения уже после часа езды.

Бертилла права: это была жестокость, и лорд Сэйр питал к ней отвращение, но он знал, что так полагают немногие в Лондоне, где знать соревновалась в красоте и роскоши выездов.

– Вы ездите верхом в парке? – спросила Бертилла.

– Почти каждое утро, если я в Лондоне, – ответил лорд Сэйр, – но боюсь, что мы не встретимся, потому что я вскоре уезжаю.

– Я вовсе не об этом думала, – быстро проговорила Бертилла. – Я просто решила, что вы знаете, в какой части парка не встретишь модных всадников и можно скакать галопом.

Лорд Сэйр, которому на мгновение показалось, что девушка хочет снова увидеться с ним, про себя даже позабавился, поняв, что ей и в голову не пришла бы подобная мысль.

– В парке не принято скакать галопом, – ответил он. – В самом деле, пронестись галопом по Роттенроу, с точки зрения высшего общества, – настоящий faux pas⁴. Однако если вы переедете по мосту через Серпентайн, никто вас не увидит.

– Спасибо, что вы мне сказали, – поблагодарила Бертилла. – Только это я и хотела знать. Но мама может и не позволить мне ездить верхом.

Лорд Сэйр понял, насколько тягостным будет это запрещение для девушки, и попытался ее успокоить:

– Уверен, что она разрешит; если память мне не изменяет, леди Элвинстон сама великолепно выглядит на лошади.

– Мама выглядит великолепно, чем бы она ни занималась, – сказала Бертилла с явным восхищением, – но иногда ей бывало скучно ездить верхом, и тогда мы с папой отпра-

⁴ неверный шаг (фр.).

лялись вдвоем.

Лорд Сэйр безошибочно почувствовал, насколько это было ей приятнее, и спросил:

– Вам очень не хватает отца?

– Он всегда радовался мне, – ответила Бертилла. – Ему нравилось бывать со мной.

Вывод напрашивался сам собой, и лорд Сэйр обдумывал, что ответить на это, когда увидел, что они подъехали к дому номер девяносто два на Парк-лейн.

– Вот я и доставил вас домой, – с улыбкой проговорил он, – и надеюсь, что ваша матушка рада будет видеть вас.

– Я тоже надеюсь, – сказала Бертилла. – Огромное спасибо вам за вашу доброту.

Когда лакей отворил дверь кареты, она добавила:

– Я назвала вам свое имя, но не знаю вашего. Я хотела бы написать вам и поблагодарить.

– Нет необходимости делать это, – ответил лорд Сэйр, – но меня зовут Сэйр, Тейдон Сэйр.

С этими словами он вышел из кареты и помог Бертилле спуститься. Это оказалось нелегко, девушке трудно было наступать на больную ногу. Когда дверь дома отворилась, Бертилла протянула руку.

– Спасибо еще раз, – сказала она. – Я вам очень, очень признательна.

– Мне это доставило удовольствие, – сказал лорд Сэйр, приподнимая цилиндр.

Он посмотрел, как Бертилла вошла в парадную дверь, потом вернулся к своему экипажу.

Он ехал и гадал, какая встреча ожидает девушку. И чувствовал, что, поскольку Бертиллу не встретили на вокзале, ее вряд ли ждет теплый прием в этом доме.

В холле Бертилла улыбнулась старому дворецкому, которого знала еще с детских лет.

– Как поживаете, Мэйдстон? – спросила она.

– Рад вас видеть, мисс Бертилла, но вас не ожидали.

– Не ожидали? – удивилась девушка. – Значит, мама не получила мое письмо. Она должна знать, что школы закрываются на рождественские каникулы, а я теперь уже не могу поехать к тете Маргарет.

– Нет, конечно же, нет, мисс, но мне кажется, что ее милость не получила ваше письмо. Она ничего нам не сказала.

– О Боже! – воскликнула Бертилла. – В таком случае мне надо немедленно подняться к ней. Она уже встала?

Бертилле было известно, что ее мать редко встает с постели раньше полудня.

– Ее милость позвонила час назад, мисс Бертилла, но ваше появление ее удивит.

В голосе Мэйдстона прозвучало предостережение – Бертилла распознала его, и когда пошла вверх по лестнице, глаза у девушки были испуганные.

Она видела: в доме многое изменилось с тех пор, как она была здесь в последний раз еще при жизни отца.

Ковер был новый, стены тоже отделаны заново; в холле и на лестничной площадке стояли в вазах оранжерейные цветы – к подобной экстравагантности отец относился отрицательно.

Бертилла миновала двери в гостиную и стала подниматься выше, на второй этаж. Шаги ее все больше замедлялись, а поврежденная нога болела все сильнее.

Она ощутила сильное сердцебиение и упрекнула себя: глупо в самом деле так бояться родной матери... Но она всегда боялась ее.

Когда Бертилла взялась за ручку двери в спальню матери, пальцы у нее задрожали, и ей вдруг захотелось прямо завтра вернуться в школу.

– Войдите! – прозвучал резкий голос леди Элвинстон.

Бертилла медленно отворила дверь.

Как она и ожидала, мать сидела в постели, опираясь на обшитые кружевами подушки, укрытая до пояса горностаевым покрывалом; на ней было отделанное кружевами negligé из розового шифона, которое чрезвычайно шло к ее темным волосам и белой коже.

Она читала какое-то письмо, и целая грудa еще не распечатанных писем лежала рядом с ней на постели. Когда Бертилла вошла в комнату, мать вначале дочитала страницу, а потом уже взглянула на дочь.

Увидев, кто стоит перед ней, леди Элвинстон выдержала небольшую паузу.

– А, это ты! – заговорила она с нескрываемым раздражением. – Я думала, ты приезжаешь завтра.

– Нет, сегодня, мама. Я писала вам.

– Я куда-то засунула письмо, и вообще у меня столько дел!

– Разумеется, мама.

Бертилла подошла к кровати, и леди Элвинстон спросила:

– Почему ты хромаешь?

– Меня сбили с ног на платформе, – ответила Бертилла. – Вышло так глупо с моей стороны. Я не заметила позади себя тележку с огромным количеством багажа.

– Неосторожность как раз в твоём духе! – отрезала леди Элвинстон. – Надеюсь, ты там не устроила сцену?

– Разумеется, нет, мама. Очень любезный джентльмен помог мне встать и отвез меня домой в своём бруме.

– Джентльмен? – Голос у леди Элвинстон сделался ещё более резким.

– Да, мама.

– Кто это был?

– Он сказал, что его зовут Сэйр... Тейдон Сэйр.

– Лорд Сэйр! Господи помилуй! Я бы и вообразить себе не могла, что ты наткнешься именно на него!

Глаза у леди Элвинстон вспыхнули от гнева.

– Мне очень жаль, мама, – поспешила с ответом Бертилла, – но тут уж ничего не поделаешь, ведь вы не прислали за мной экипаж.

– Я же тебе сказала, что ждала твоего приезда только зав-

тра. Исключительно неудачно, что тебе встретился именно лорд Сэйр.

– Почему?

Леди Элвинстон повернула голову и посмотрела на дочь: ее взгляд задержался на полудетском личике и светлых волосах, выбивающихся из-под нелепой и старомодной шляпки.

– Ты ему сказала, кто ты такая?

– Он спросил меня об этом. Он знает вас.

– Черт побери! – выругалась леди Элвинстон, и у Бертилле от изумления широко раскрылись глаза.

– Мама! – невольно вскрикнула она.

– Только и остается, что выругаться, – заявила леди Элвинстон. – Неужели трудно было сообразить, глупая ты девочка, что я не хочу, чтобы кто-либо и менее всего лорд Сэйр знал о существовании моей дочери?

Бертилла промолчала, и леди Элвинстон продолжила:

– Он расскажет о тебе Гертруде Линдли, а та разнесет по всему свету! Она всегда ревновала ко мне.

– Простите, мама. Я не знала, что я вам нежеланна.

– Поразительно! – воскликнула леди Элвинстон. – У тебя не хватило ума понять, что мне вовсе не льстит быть матерью восемнадцатилетней дочери. Я говорю, что мне тридцать, если кто-то настолько невоспитан, чтобы задавать мне вопрос о возрасте, но делаться старше я вовсе не желаю.

– Простите, мама, – повторила Бертилла.

– Я сама должна была понять, что с тобой хлопот не обе-

решься, – сказала леди Элвинстон. – Ты всегда была глупа. Будь у тебя в голове хоть капелька мозгов, ты не сообщила бы ему свое имя или назвала бы придуманное.

– Если бы вы предупредили меня, чего... вы от меня хотите, – самым несчастным голосом проговорила Бертилла.

– Вот уж действительно! Откуда мне было знать, что ты столкнешься с кем-то из моих друзей? Я-то приняла меры, чтобы они тебя не встречали. И вообще, как ты могла отправиться наедине с лордом Сэйром в его брум? Раз тебя никто не встретил, надо было взять наемный экипаж.

– Я так и собиралась сделать, – возразила Бертилла, – но он был так добр, с таким участием отнесся ко мне и сам предложил отвезти меня домой.

– Думаю, он бы не предложил этого, если бы посчитал тебя взрослой, – задумчиво, обращаясь скорее к самой себе, а не к дочери, проговорила леди Элвинстон. – Он решил, что ты еще ребенок. Ты не выглядишь на восемнадцать лет.

Бертилла со страхом припомнила, что лорд Сэйр поинтересовался ее возрастом, а она сказала ему правду, но не решилась теперь поведать об этом матери.

Разумеется, если бы мать задала ей прямой вопрос, она бы не солгала.

Еще с детских лет Бертилла усвоила, что спешить с информацией неразумно, поскольку невозможно предвидеть, как леди Элвинстон воспримет ее.

– Итак... – Леди Элвинстон все еще рассуждала сама с

собой. – Если считать, что я родила тебя в семнадцать лет, то пусть тебе будет четырнадцать, а мне, стало быть, тридцать один.

Она окинула дочь критическим взглядом.

– Вполне сойдешь за четырнадцатилетнюю, – объявила леди Элвинстон. – Ты такая маленькая, такая невзрачная. Если меня спросят, я так и отвечу.

Она взяла с постели еще одно письмо.

– Значит, дело улажено, – сказала она, – к тому же ты здесь пробудешь недолго. Только держись подальше от посторонних глаз.

– Мне придется уехать, мама?

– Послезавтра, – сообщила леди Элвинстон. – Ты будешь жить у тети Агаты, старшей сестры твоего отца.

Бертилла не могла скрыть потрясения:

– С тетей Агатой? Но я думала, что она...

– Агата – миссионерка, как ты отлично знаешь, и я решила, что тебе стоит готовить себя к той же деятельности.

– Вы имеете в виду, – с трудом, запинаясь чуть ли не на каждом слове, заговорила Бертилла, – вы хотите, чтобы... я тоже... стала миссионеркой?

– А почему бы и нет? – пожала плечами леди Элвинстон. – Это вполне достойная карьера для любой девушки. Как ты знаешь, тетя Агата живет в Сараваке.

Бертилла только тихонько охнула, а леди Элвинстон продолжала:

– После смерти Маргарет я написала Агате и сообщила, что, когда ты окончишь школу, я отправлю тебя жить к ней.

– И она... согласилась принять меня?

– Ответ не успел еще прийти, но я уверена, что Агата тебе обрадуется.

– Как вы можете быть в этом уверены, мама? Леди Элвинстон не ответила, и немного погодя

Бертилла решила спросить:

– Когда у вас, мама, в последний раз были известия о тете Агате?

– Неужели ты думаешь, что я помню каждое письмо, которое получаю? – рассердилась леди Элвинстон. – Агата всегда писала твоему отцу на Рождество.

– Но папа уже три года как умер.

Леди Элвинстон взглянула на обеспокоенное лицо и встревоженные глаза дочери, и черты ее словно окаменели.

– Прекрати создавать ненужные затруднения! – отрезала она.

– Но... мама...

– Я больше не намерена выслушивать возражения! Теперь, когда Маргарет умерла, тебе больше некуда деваться. – Она помолчала и добавила: – Большинство девушек были бы только рады повидать мир. Уверена, что тебе это придется по душе, а я всегда говорила, что путешествия расширяют кругозор.

– Я должна буду остаться в Сараваке... навсегда?

– Откуда же взять деньги на обратную дорогу? – заявила леди Элвинстон. – Отправить тебя туда стоит очень дорого, а тебе к тому же понадобятся платья, вообще разная одежда, хоть и немного. Никто и не ждет, чтобы ты была модно одета, потому что некому будет на тебя смотреть, кроме множества туземцев.

Бертилла умоляюще сложила руки.

– Мама, я не хочу жить с тетей Агатой! Я помню, как боялась ее, когда была маленькой, а папа всегда считал ее фанатичкой.

– Твой папа всегда говорил много глупостей, на которые тебе не стоило бы обращать внимания, – возразила леди Элвинстон. – Ты поедешь к своей тете, Бертилла, нравится тебе это или нет. Ты мне здесь не нужна.

– Может быть, одна из папиных двоюродных сестер согласится взять меня к себе? – в полном отчаянии предложила Бертилла.

– Все они живут в Лондоне, а я уже сказала, что здесь ты мне не нужна. Пойми же наконец, мне ни к чему бремя в виде взрослой дочери.

С этими словами леди Элвинстон повернулась к зеркалу на туалетном столике и взгляделась в собственное отражение.

Она осталась вполне довольной своими темными волосами и белой кожей.

– Ты достаточно взрослая, – сказала она, – чтобы понять, что я надеюсь снова выйти замуж, но смею тебя уверить, Бер-

тилла: ничто так не отпугивает мужчину, как дети жены от предыдущего брака.

– Я вполне могу понять это, мама, – согласилась Бертилла, – но, пожалуйста, прошу вас, не отсылайте меня из Англии. Неужели я не могу уехать в деревню? Никто не узнает, что я там, а старые слуги присмотрят за мной.

– Это совершенно неподходящий вариант, – возразила леди Элвинстон. – Этим летом я намерена открыть Элвинстон-парк. Теперь модно проводить уик-энды в деревне, и там я буду принимать кое-кого из своих друзей. – Помолчав, она добавила со вздохом: – Если у меня хватит на это сил.

– Но не могу ли я поехать куда-нибудь еще, мама? Вам не придется тратить на меня слишком много.

– Мой тебе ответ: нет, Бертилла! И я больше не намерена обсуждать это! – твердо заявила леди Элвинстон. – Мне так или иначе придется истратить немало денег, чтобы отправить тебя в Саравак, ты туда поедешь и там останешься.

– Но... мама...

– Уходи и оставь меня одну! – выкрикнула леди Элвинстон. – Ты бы лучше начала собирать свои вещи. Я поручу Доукинс пройтись с тобой по магазинам во второй половине дня, ведь, как я понимаю, у тебя нет летних платьев, а в Сараваке очень жарко, но не вздумай приобретать что-то слишком дорогое.

Леди Элвинстон позвонила в колокольчик, который лежал на столике возле кровати.

Дверь почти мгновенно отворилась, и вошла горничная, длиннолицая пожилая женщина.

– Доукинс, приехала мисс Бертилла, – сказала леди Элвинстон. – Конечно же, явилась не в тот день. Но это дает вам два дня, чтобы помочь ей купить необходимое.

– Я сделаю все, что от меня зависит, миледи, – ответила Доукинс, – но вашей милости известно не хуже, чем мне, что в это время года мы не купим в магазинах летних платьев.

– Постарайтесь сделать все, что можно, и не тратьте слишком много.

Тон у леди Элвинстон был самый решительный; она снова взялась за письма, и Бертилла поняла, что должна удалиться.

Она вышла из комнаты и направилась было в маленькую спальню, где жила раньше, но обнаружила, что комната заставлена платяными шкафами матери.

Не без труда ей удалось выяснить, что спать ей придется в комнатке на верхнем этаже, по соседству со служанками.

Это огорчило ее не больше, чем свидание с матерью: чего, собственно, еще она могла ожидать?

Она всегда знала, что мать ее не любит, что ей неприятно само существование дочери.

Бертилла в горьком раздумье присела на кровать. Разумеется, следовало ожидать, что с ней поступят именно так – отошлют куда-нибудь в глушь.

Она была бы попросту глупа – а глупой она вовсе не была, – если бы не понимала, что после смерти отца стала не

более чем обузой.

Каникулы она проводила у тети в Бате, и мать никогда не писала ей в школу.

Новую одежду ей не присылали до тех пор, пока начальница школы не отправляла леди Элвинстон написанное в самых твердых выражениях письмо с перечнем необходимой для Бертилле одежды и нужных учебников.

Мать не могла найти более отдаленного места и избавиться от нее более решительно, нежели она это сделала теперь, подумала Бертилла.

Она помнила тетю Агату как жесткую, суровую на вид женщину, которую отец сильно не жаловал и которая вечно запугивала свою младшую сестру Маргарет еще тогда, когда обе были девочками.

Тетя Маргарет однажды рассказывала Бертилле, что в ранней молодости у нее был шанс выйти замуж, но Агата этому воспрепятствовала и добилась своего. «Она считала меня недопустимо легкомысленной, – со слабой улыбкой говорила тетя Маргарет. – Агата презирает мирские радости и мирские мысли. Она вечно молилась и прямо-таки зверем на меня набрасывалась, когда мне хотелось потанцевать».

Бертилла вздрогнула при этом воспоминании.

Каково ей будет жить с такой тетушкой?

Бертилла понимала, что, попав в Саравак, она уже не выберется оттуда.

Глава 2

– В этом нет никакого смысла, Доукинс, – сказала Бертилла, когда они вышли из пятого магазина, в котором пытались купить подходящие платья.

– Я ведь говорила ее милости, что в это время года летних платьев не купишь, – сердито отозвалась Доукинс.

Бертилла понимала: горничная устала и от этого сделалась раздражительной даже с продавщицами, которые неизменно отвечали отказом на их просьбы найти нужную Бертилле одежду.

Но они были ни в чем не повинны, эти девушки, они делали все от них зависящее, хотя платили им очень мало и в это время года они просто изнемогали от наплыва покупателей.

Но разве можно в декабре найти в Лондоне легкие платья, необходимые в тропиках?

К тому же Бертилла была слишком миниатюрна, чтобы ей подошли платья на высоких и представительных женщин, умеющих изящно и с достоинством носить турнюры.

– Единственное, что мы можем, Доукинс, – заговорила Бертилла своим мягким голосом, пока они пробирались по тротуару сквозь толпу, – это купить материю, а я во время путешествия сама сошью себе платья.

Она вздохнула и добавила:

– У меня будет много времени.

Девушка не спала всю ночь после того, как мать сообщила, что отсылает ее в Саравак: Бертилле казалось, что ей в одиночку не преодолеть трудности такого пути, и это приводило ее в отчаяние.

За границей она была всего один раз вместе с отцом и с ним же ездила однажды в Шотландию, но ей и в голову не приходило, что придется одной проехать чуть ли не полсвета.

При обычных обстоятельствах, в обществе, скажем, того же отца, горячо любимого, это могло быть захватывающим приключением, но ехать одной... да еще после долгих дней пути по морю оказаться в конце концов у тети Агаты... нет, это истинный кошмар, от него не избавишься после пробуждения.

Чем больше она думала о том, что ей придется жить в обществе одной только тети Агаты да еще притворяться, будто она хочет стать миссионеркой, Бертилле хотелось бежать куда глаза глядят и спрятаться так, чтобы мать не могла ее отыскать.

Но Бертилла понимала, что подобная мысль безнадежна: денег у нее нет, а зарабатывать себе на жизнь она не приучена.

В магазинах она присматривалась к девушкам-продавщицам и видела, какие они худенькие и недокормленные, лица осунувшиеся, а под глазами залегли темные тени.

Без сомнения, это результат изнуряющего образа жизни;

к тому же Бертилла не раз читала в газетах, что девушкам этим платят ничтожно мало.

Отец Бертиллы был человеком разносторонним, и она, учась в школе, старалась быть в курсе того, что его занимало, и вообще в курсе того, что происходит в мире.

Этим она очень отличалась от своих одноклассниц, которых занимали мысли о будущем замужестве.

По мере того как приближалось время окончания школы и, следовательно, выхода в свет, девицы только и говорили что о мужчинах и о способах привлечь к себе их внимание.

Они часами могли, пересмеиваясь, болтать о каком-нибудь пустяковом случае, происшедшем во время каникул, или о мужчине, которого заметили, когда парами прогуливались цепочкой, на школьном жаргоне именуемой «крокодилом».

Бертилле все это было невыносимо скучно.

Она понимала, что и сама когда-нибудь выйдет замуж, но куда интереснее было читать или, если есть возможность, поговорить о многих других вещах, а вовсе не о гипотетическом мужчине, которого она уж никак не могла представить себе в качестве супруга.

Она прекрасно понимала, еще до того, как леди Элвинстон сообщила ей об этом прямо, что мать намерена снова выйти замуж.

Она еще не сняла траур, а прислуга уже судачила о ее обожателях, и Бертилла слышала эти разговоры.

Тетя Маргарет необычайно интересовалась, на каких приемах бывает леди Элвинстон, и читала с огромным любопытством все заметки об этом в светской хронике.

– Твоя мать так красива, дорогая, – говорила она Бертилле. – И подумать невозможно, что она будет жить в одиночестве и останется верной памяти твоего отца.

– Разумеется, нет, – отвечала Бертилла.

Но, говоря так, она упрекала себя самое за измену памяти отца, поскольку так легко соглашалась с тем, что матери нужен новый муж.

Впрочем, она еще в детские годы осознала, что отец обожает мать и гордится ею, чего не скажешь о самой леди Элвинстон, у которой множество своих дел и развлечений.

Отец с полной терпимостью относился к тому, что жена остается в Лондоне, в то время как он с дочерью уезжает в деревню, однако Бертилла понимала: не только в этом разница в образе жизни отца и матери.

Гости, посещавшие Элвинстон-парк во время отсутствия хозяйки, делали порой легкие, но весьма недвусмысленные намеки.

– А Миллисент все еще в Лондоне? – говорил кто-нибудь из гостей, слегка вскинув брови. – Впрочем, она никогда не любила деревню, но вы должны радоваться, дорогой Джордж, что герцог там присмотрит за ней.

На месте герцога мог быть лорд Роулэнд, лорд Хэмпден, сэр Эдуард или еще кто-то, о ком Бертилла знала лишь то,

что имена их постоянно упоминаются в «Придворном вестнике».

И хотя Бертилла понимала, что красота матери привлекает к ней множество воздыхателей и что она в конце концов выберет самого подходящего из них себе в мужа и в отчиму для дочери, девушка все же никак не предполагала, что в результате ей придется не только удалиться из родного дома, но и покинуть Англию.

– Как это перенести? – спрашивала она себя, лежа ночью без сна в темноте.

И теперь, идя рядом с Доукинс по Риджент-стрит, она внимательно присматривалась ко всему, что ее окружало: ведь скоро все это останется лишь воспоминанием.

В конце концов они вернулись на Парк-лейн с несколькими отрезами муслина, подкладочной и бельевой ткани; из всего купленного Бертилла должна была сама сшить для себя необходимые вещи.

– Спасибо, Доукинс, за то, что помогли мне, – как можно ласковее поблагодарила горничную матери Бертиллы, когда они поднимались по лестнице.

– Вот что я сделаю, мисс Бертилла, – объявила Доукинс, обрадованная тем, что вернулась домой, где ее ждет чашка горячего свежего чая. – Я соберу разные мелочи, которыми уже не пользуется ее милость. Пояса, шарфы, ленты, да мало ли что! Вам пригодится.

– Очень любезно с вашей стороны, Доукинс, – улыбнулась

Бертилла.

Матери не было дома. Бертилла сняла пальто и шляпку и спустилась в заднюю гостиную, которой обычно пользовались, когда в доме не было гостей.

Над камином висел портрет отца, и Бертилла долго всматривалась в его умное и доброе лицо, в тысячный раз испытывая желание, чтобы он был жив.

– Что же мне делать, папа? – спросила она. – Как могу я жить с тетей Агатой? Саравак так далеко... ужасно далеко.

Она помолчала, словно ожидая ответа, и укрепилась в мысли, что отец ожидал бы от нее лишь одного – твердости духа.

Во время охоты она никогда и виду не подавала, что ей страшно, хотя предстоящее ей путешествие было куда страшнее, чем скачка с препятствиями. Впрочем, ей ничего другого не оставалось, как набраться побольше храбрости.

– Я постараюсь, папа, – со вздохом произнесла она, – но это, наверно, будет трудно... очень трудно.

Бертилла подошла к книжному шкафу, чтобы выбрать книги на дорогу и, может быть, найти что-нибудь о той части света, куда она отправляется.

Но кроме тоненькой брошюрки об основателе Сингапура сэре Стаффорде Раффлзе, она ничего не нашла. Может, стоит сходить в библиотеку на Маунт-стрит и спросить там?

Жаль, что эта мысль не пришла ей в голову, когда она выходила вместе с Доукинс, а теперь, пожалуй, поздно обра-

щаться к горничной с просьбой проводить ее: та уже сидит за чаем и воспримет эту просьбу с явным неудовольствием.

На борту корабля наверняка найдутся нужные книги, решила наконец Бертилла.

Гнетущее тревожное чувство охватывало ее всякий раз, когда она думала о том, что пускается в путь совершенно одна, и в случае чего ей не к кому будет обратиться за помощью или советом.

Как все-таки странно, что мать отправляет ее без компаньонки.

Бертилла пыталась успокоить себя тем, что миссионеры в своих странствиях по свету полагаются только на самих себя, а монахины спокойно добираются куда им нужно без чьей-либо защиты.

Бертилла сняла с полки несколько книг, чтобы взять их с собой наверх, и в эту минуту в комнату вошла леди Элвинстон.

Бертилла с улыбкой повернулась к матери, чтобы поздороваться с нею, но выражение лица леди Элвинстон напугало ее.

Надо сказать, что леди Элвинстон со сверкающими бриллиантами в ушах, в жакете, отделанном мехом, и в шляпе с темно-красными страусовыми перьями выглядела великолепно.

Однако брови ее были сдвинуты, а темные глаза пылали гневом, когда она взглянула на дочь.

– Как ты смела, – заговорила она голосом, полным ярости, – как ты посмела сообщить лорду Сэйру свой возраст?

– О-он меня с-спросил, – заикаясь и вся побелев, ответила Бертилла.

– И ты, полоумная, сказала ему правду? Леди Элвинстон сняла длинные лайковые перчатки и заговорила со злостью:

– Я должна была предвидеть, что впустить тебя сюда хотя бы на два дня значит причинить себе кучу неприятностей. Чем скорее ты уберешься из этой страны и у меня из-под ног, тем лучше! Для меня!

– Я... очень сожалею, мама.

– Ты и должна сожалеть! Можешь ли ты вообразить, что я почувствовала, когда лорд Сэйр справился о твоём здоровье и поинтересовался, будешь ли ты этой весной представлена ко двору!

Леди Элвинстон отшвырнула перчатки и продолжала:

– К счастью, я-то сообразительна в отличие от тебя. «Представить Бертилле ко двору? – воскликнула я. – Как вам это могло прийти в голову, милорд? Она еще слишком молода!» Он посмотрел на меня весьма недоверчиво и говорит:

«Бертилла мне сказала, что ей уже восемнадцать и она окончила школу». Я нашла силы расхохотаться, хотя мне было не до смеха. Я готова была задушить тебя! «Вы не слишком хорошо разглядели ее, если поверили этому, дорогой лорд Сэйр, – ответила я. – Девочки любят, когда их считают

старше, чем они есть, а Бертилле всего четырнадцать». Он удивился, а я продолжала: «Если бы моя дочь была правдивой – а я боюсь, что она законченная лгунья! – то она должна была бы сообщить вам, что за плохое поведение ее попросту исключили из школы».

– О мама, зачем вы так сказали? – не удержалась Бертилла.

– Мне некогда было думать: что первое пришло в голову, то я и сказала! Нужно же было разубедить его в том, что тебе уже восемнадцать. Ничего себе! Восемнадцать! Тогда мне, выходит, не меньше тридцати шести, а все считают меня моложе.

Бертилла знала, что матери на самом деле тридцать восемь, но она промолчала, а леди Элвинстон заговорила уже спокойнее:

– Думаю, я убедила его. Ты очень маленького роста, а твое идиотское полудетское лицо отражает еще более идиотское состояние твоего разума. И чем скорее ты исчезнешь с глаз моих долой, тем лучше! Да, имей в виду: если ко мне сегодня вечером неожиданно кто-нибудь заедет, сиди у себя в спальне и не смей выходить! Ты и так причинила мне достаточно зла.

– Я не знала, мама, что вы... не хотите признавать меня своей дочерью.

– Теперь ты это знаешь! – заявила леди Элвинстон и вышла из комнаты.

Бертилла с полными слез глазами стояла в нерешительности и смотрела на дверь, за которой скрылась ее мать.

Она всегда чувствовала себя нежеланной с тех пор, как умер отец, но что мать терпеть ее не может, было для нее новостью.

– Ты будешь очень хорошенькой, моя девочка, когда вырастешь, – сказал ей однажды отец, – но, слава Богу, у тебя совсем другая наружность, чем у твоей матери, так что между вами соперничества не будет.

Бертилла тогда очень удивилась: разве такое бывает? Да как она может соперничать с матерью красотой?

Теперь же она инстинктивно почувствовала, что раздражение матери вызвано не только ее возрастом. Отец, вероятно, был прав: соперничество между матерью и дочерью вполне возможно.

А ведь она и в самом деле хорошенькая или, как говорили девочки в школе, привлекательная.

– Когда мой брат приезжал за мной в прошлое воскресенье, – сообщила как-то одна из одноклассниц Бертилле, – он сказал мне, что ты здесь самая красивая.

Бертилла рассмеялась, но слышать эти слова было ей и приятно, и лестно.

«Я бы не хотела, чтобы мама стыдилась меня, – бесхитростно подумала она тогда. – Я ведь слышала, как она жалела свою подругу герцогиню за то, что у нее такие некрасивые дочери».

И даже то, что мать не писала ей в школу писем, не виделась с ней на каникулах, не обсуждала планы на будущее, не подготовило Бертиллу к тому, что ее лишат последних связей с семьей.

«За исключением тети Агаты!» – прошептала Бертилла и вздрогнула.

Шел дождь, небо было темное и унылое, набережная мокрая, а море на горизонте бурное, когда Бертилла поднялась на борт парохода «Коромандел», который должен был увезти ее из Англии.

Корабль был не слишком велик, но весьма внушителен: черный корпус, высокие надстройки, красивая рулевая рубка на капитанском мостике, красный флагманский вымпел на корме.

Все корабли, перевозившие по важнейшим морским линиям Британской империи до двухсот тысяч пассажиров и столько же торговых моряков ежегодно, имели водоизмещение меньше восьми тысяч тонн.

Но почти ежегодно на воду спускали до тысячи новых судов, и крупнейшие компании, такие как «Пенинсула энд ориентал», «Элдер Демпстер» и «Британская Индия», процветание которых было связано с имперской морской торговлей, уже обсуждали вопрос о постройке более крупных и удобных кораблей.

Мореходные компании гордились своими судами и всячески рекламировали их. «Коромандел» со своими четырьмя

высокими мачтами и сложным такелажем мало чем напоминал торговое судно.

Бертилла в эту скверную дождливую погоду чувствовала себя особенно маленькой и одинокой и хотела лишь одного: поскорее попасть в свою каюту.

Всю дорогу в поезде она думала о том, что во время путешествия сможет по крайней мере заниматься шитьем и читать, а если за долгие недели ей не доведется найти подходящего собеседника, что ж, будет довольствоваться собственным обществом.

Как ни храбрилась она, ей трудно было удержать слезы при прощании с Мэйдстоном, который пожелал ей доброго пути.

То, что с матерью не удалось проститься, ее не удивило: Бертилла покидала дом в половине девятого утра, а леди Элвинстон дала строгие указания утром ее не беспокоить.

– Ее милость вернулась домой в два часа ночи, – сообщила Доукинс и, очевидно, желая смягчить тяжелые чувства, которые должна была испытывать Бертилла, добавила: – Ее милость до смерти устала, а к тому же кому приятно, если неуклюжий джентльмен во время танцев наступит на оборку нового платья или оторвет ее. Я всегда говорю, что эти танцы для того лишь и нужны, чтобы задавать побольше работы горничным!

Бертилла попыталась улыбнуться, но у нее это плохо получилось.

– Доукинс, мама просила передать мне что-нибудь?

– Я уверена, мисс Бертилла, ее милость хочет, чтобы вы берегли себя и чтобы все у вас было хорошо, – отвечала Доукинс, но это был вовсе не тот ответ, которого ждала Бертилла.

Билет, паспорт и некоторое количество денег для нее находились у Мэйдстона, а лакею, сидевшему на козлах кареты, было поручено отнести чемоданы Бертиллы в багажный вагон и найти для нее место в поезде поудобнее.

Только взглянув на билет, Бертилла обнаружила, что едет не в первом классе, как она ожидала, а во втором.

Это ее удивило, так как она знала, что и отец, и мать обычно заказывали себе в поезде или на пароходе самые удобные места.

Девушка поняла, что мать попросту не пожелала тратить на нее лишние деньги. Оставалось поблагодарить судьбу, что ее не отправили третьим классом.

Дождь сопровождался сильным ветром, и Бертилла поспешила подняться по трапу на «Коромандел», где ей пришлось в обществе других пассажиров дожидаться, пока ей укажут помер каюты.

Пассажиры второго класса чередой поднимались по одному из трапов, часть их ждала на набережной; другой трап был предоставлен пассажирам первого класса.

Бертилла обратила внимание на то, что ее попутчики из второго класса были главным образом иностранцы. Выгля-

дели они весьма колоритно, и она попыталась определить, откуда они родом.

Был среди них огромный толстый мужчина, этакий Гулливер, вероятно, из Куала-Лумпур, потом сухолицый юрист вроде бы из Сайгона, а еще маленький лупоглазый человечек то ли с Суматры, то ли с Борнео.

Была целая группа китайцев, которые, как подумала Бертилла, должно быть, возвращались в Сингапур, – она знала, что там существует большая китайская община.

Большинство из них имело вполне процветающий вид; приглядевшись, девушка увидела и некоторое количество сильно загорелых европейцев и решила, что это скорее всего плантаторы.

У Бертиллы был с собой атлас, и она надеялась, что на корабле найдется хоть какой-нибудь путеводитель.

Она всегда интересовалась жизнью других народов, и теперь ей предоставлялась возможность во время долгого пути по крайней мере познакомиться с новыми людьми и узнать что-то об их обычаях и истории.

Бертилла заметила, как индийская женщина в великолепном темно-красном сари поспешила набросить его конец себе на голову, увидев, что на нее слишком пристально смотрит какой-то мужчина. Выражение лица этого мужчины чем-то не понравилось и Бертилле.

У него была смуглая кожа и темные волосы; Бертилла вначале затруднилась определить его национальность, потом

подумала, что голландские черты смешаны в нем с малайскими.

Она слышала раньше, что голландцы-плантаторы нередко женились на яванских девушках.

И почувствовала удовлетворение оттого, что, вероятно, правильно определила национальность этого человека; впрочем, проверить это было бы сложно.

Заметив, что человек этот прямо-таки глазеет на нее, Бертилла покраснела и отвернулась. К ее радости, в эту минуту к ней обратился корабельный казначей.

– Мисс Бертилла Элвинстон? – спросил он. – Так-так, мисс, номер вашей каюты тридцать семь, она одноместная. Стюард проводит вас.

Стюард выступил вперед, взял у Бертиллы ее небольшую дорожную сумку и повел девушку по узкому, с низким потолком коридору.

– У меня еще есть багаж, он остался в поезде, – сказала Бертилла.

– Его доставят на борт, мисс, – сообщил стюард и открыл дверь каюты со словами: – Вот ваша каюта, мисс, надеюсь, вы найдете здесь все, что вам требуется.

Каюта, как показалось Бертилле, была чуть побольше маленького шкафа.

Она вспомнила, что Чарлз Диккенс, впервые в жизни поднявшись в 1842 году на борт корабля, охарактеризовал свою каюту как «чудовищно несообразный ящик».

Но Бертилла, обрадовавшись тому, что ей не придется делить помещение с какой-нибудь чужой женщиной, настроена была отнюдь не критически.

Из мебели в тесной каюте были только койка и небольшой комод. Один угол отгорожен занавеской, там можно повесить платья. Там же находился и таз для умывания, его можно было водрузить на нечто вроде туалетного столика, а потом вылить воду в специальный слив.

Все это ничуть не напоминало роскошь, которой, в соответствии с рекламной брошюрой, следовало бы ожидать от «Коромандела». Впрочем, подумала Бертилла, может быть, изображенные в ней салон-столовая с креслами и пальмами в кадках, большие комфортабельные каюты, орган в картинной галерее, комната для карточных игр и особая каюта, где можно написать письмо, – все это есть в первом классе.

«Не важно, – утешала она себя, – зато здесь я предоставлена самой себе».

И все же она не могла избавиться от ощущения, что ее каюта напоминает камеру узника, которого перевозят из одной части света в другую, не справляясь о его желаниях.

Эта мысль подействовала на девушку так угнетающе, что она решила подняться на палубу и понаблюдать за отплытием.

Ей рассказывали, что это веселая и бодрящая картина: играет оркестр, с набережной на борт и обратно бросают ленты серпантина, а провожающие выкрикивают добрые поже-

лания отплывающим в долгий путь.

Но, выйдя на палубу, Бертилла убедилась, что в такую ненастную погоду желающих попрощаться набралось немного.

По набережной двигались главным образом грузчики, все еще переправлявшие на борт багаж и грузы.

По трапу первого класса поднимались запоздалые пассажиры, которые прибыли сюда в последнюю минуту, чтобы избежать толчеи.

Было среди них несколько леди, закутанных в меха и под зонтиками; выглядели они столь же элегантно и держались с таким же достоинством, как мать Бертиллы, когда она куда-нибудь отправлялась.

Этих леди, как правило, сопровождали джентльмены в клетчатых пальто из шотландки, в шляпах или котелках, которые им из-за сильного ветра приходилось придерживать рукой.

Были там и дети в сопровождении одетых в униформу нянь.

Трап уже собирались поднимать, когда Бертилла увидела на набережной мужчину, выступающего с каким-то особенным благородством, – и узнала его.

Бертилла вдруг почувствовала, что сердце у нее сильно забилось.

Широкие плечи, красивое лицо – ни с кем невозможно было спутать человека, который помог ей на станции и довез

ее до дома в своем бруме.

«Это же лорд Сэйр! – сказала она себе. – И он отплывает на „Короманделе“».

Она увидела, как лорд Сэйр поднялся по трапу, а потом прошел еще вверх на палубу первого класса.

«Я его больше не встречу и даже не увижу».

И тем не менее Бертилла обрадовалась, что на борту есть хотя бы один человек, которого она видела раньше, имя которого знала и который все же принадлежал к ее кругу.

На сердце у нее немного полегчало. Уже не таким сильным было ощущение пустоты, охватившее Бертиллу с той минуты, как поезд увез ее из Лондона совершенно одну.

Сходни убрали, и только теперь Бертилла услышала звуки оркестра, сильно приглушенные, поскольку музыканты играли в помещении.

Всего несколько человек на набережной помахали на прощание и поспешили уйти из-под дождя, а корабль отплыл тихо и спокойно, без малейших драматических эффектов.

Холодный ветер с моря задувал все сильнее, хлестал дождь, и Бертилле начала пробирать дрожь.

В то же время она уже не чувствовала себя столь отчаянно одинокой.

И только потому, каким бы абсурдным это ни казалось, что на борту находился лорд Сэйр, – ведь он был добр, очень добр к ней, когда она попала в беду.

Лорд Сэйр тем временем с чувством глубокого облегче-

ния окинул взглядом свою каюту и примыкающую к ней личную гостиную.

Он покинул Лондон, не известив леди Гертруду о своем отъезде, и избежал таким образом неприятной и драматической сцены.

В который уж раз он твердил себе, что, пожалуй, увяз слишком глубоко.

Он рассчитывал на легкий, приятный роман, игру, участницы которой хорошо знают ее правила, а на деле все обернулось чересчур серьезно.

Случилось именно то, чем неизменно, с удручающей монотонностью заканчивались вопреки его желанию все его любовные связи и что от раза к разу делало лорда Сэйра все более циничным.

«Я люблю тебя, Тейдон! Я люблю тебя безумно, отчаянно! Скажи, что ты будешь любить меня вечно, что мы никогда не утратим это очарование, это небесное счастье!»

Примерно такие слова он слышал от каждой женщины, едва вступая в связь с нею, и сразу понимал, чем это грозит, словно любовница подавала ему особый сигнал.

Всем им хотелось связать его, лишить свободы, все они хотели обладать им навсегда.

Большинство из них, как, например, Гертруда Линдли, стремились к браку.

«Черт побери! – бранился лорд Сэйр про себя. – Неужели невозможно любить женщину так, чтобы это не превраща-

лось в пожизненный приговор?!»

Но в его случае неизменно оказывалось именно так, даже если героиней очередного романа была замужняя женщина.

Сила и страстность их поцелуев как бы означала, что любовь должна длиться вечно и он, лорд Сэйр, пожизненно обречен на нее.

А между тем, как он и говорил своему другу Д'Арси Чарингтону, лорд Сэйр вовсе не намерен был жениться.

Он считал, что холостяцкая свобода – это идеальное существование, и сдаваться без борьбы не собирался.

Однако Гертруда Линдли оказалась весьма настойчивой.

Она словно опутывала лорда Сэйра крепкими шелковыми путами, которые мало-помалу начинали его душить и, не будь он предельно осторожен, сделались бы неразрывными.

Гертруда даже вовлекла в свой заговор принца, чтобы вынудить Тейдона сделать ей предложение.

– Только вы, сир, – говорила она, глядя на наследника престола своими бархатными темными глазами, – в состоянии понять, как сильно я люблю и насколько это чувство отличается от всего, что я испытывала до сих пор.

Она настойчиво умоляла принца о помощи, а так как он всегда был склонен помогать красивым женщинам, то Гертруда в конце концов упросила его поговорить с лордом Сэйром.

– Мне думается, Сэйр, что вы жестоки по отношению к столь очаровательному созданию, – произнес принц своим

глубоким голосом как-то после обеда в Мальборо-Хаусе.

– К какому созданию, сир? – поинтересовался лорд Сэйр, хотя прекрасно знал, что предстоит ему услышать от его высочества.

Принц усмехнулся:

– Это ответ, который мне нравится давать самому, мой мальчик! Вы не хуже моего знаете, что я имею в виду леди Гертруду.

– Но она всегда уверяет меня, сир, что я сделал ее совершенно счастливой, – мягко произнес лорд Сэйр.

– Это и в самом деле так! – воскликнул принц. – Вы прекрасный образец мужчины, Сэйр, и, насколько я слышал, великолеплный любовник.

– Не смею в этом отношении сравнивать себя с вашим королевским высочеством, – ответил лорд Сэйр, – но позволю себе скромно заметить, что делаю все от меня зависящее.

Принц хохотал, пока не закашлялся. Он глотнул бренди и спросил:

– Скажите откровенно, Сэйр, каковы ваши намерения по отношению к ней?

– Никаких иных, сир, кроме желания сохранить существующее положение вещей.

Принц явно пришел в замешательство.

Лорд Сэйр отлично знал, что принцу нравилось выступать в роли королевского свата. Ему, разумеется, хотелось бы сообщить леди Гертруде, что Тейдон Сэйр в ближайшие дни

сделает ей столь желанное предложение.

Но лорд Сэйр не завоевал бы репутацию прекрасного дипломата, если бы не знал, как обращаться с его высочеством.

Он наклонился к принцу и произнес так тихо, чтобы его не могли услышать другие джентльмены за столом:

– Я хотел бы, сир, получить возможность поговорить с вами лично и конфиденциально. Я нуждаюсь в вашей помощи по другим вопросам, о которых не могу беседовать здесь.

Глаза у принца заблестели.

Мать-королева так долго держала его в стороне от политических дел, что он был рад получить информацию подобного рода из любого источника.

Он хотел быть в курсе событий и отчаянно обижался на то, что его намеренно не посвящают в секреты министерства иностранных дел.

Намек, сделанный лордом Сэйром, был для принца все равно что предложение жаждущему выпить.

– При первой возможности, Сэйр, я устрою так, чтобы мы с вами могли переговорить, – сказал принц.

Лорд Сэйр был убежден, что после этого проблемы леди Гертруды полностью вылетели у его высочества из головы.

Хотя ему и удалось удовлетворить самолюбие принца, все же лорд Сэйр почувствовал сильное облегчение оттого, что уехал тайно, не прощаясь, и был избавлен от дальнейшей необходимости быть замешанным в будуарную политику.

Там вели игру по правилам, установленным леди, вхожи-

ми в Мальборо-Хаус.

Принц мог быть весьма грозным противником и – лорд Сэйр знал это на основании опыта – умелым интриганом.

Гертруда не сомневалась: Тейдон riskовать не будет и, чтобы не вызвать неодобрение его высочества, не станет прямо и категорически заявлять ему о своем нежелании жениться на ней.

Вряд ли бы лорда Сэйра подвергли полному ostracismу, если бы он не повиновался воле принца, но он-то знал: принц может быть не только настоящим и теплым другом, но и чрезвычайно опасным врагом.

«Я благополучно улизнул!» – сказал себе лорд Сэйр.

Он уселся поудобнее в одно из глубоких кресел, стоящих в каюте, отсюда слышно было, как его слуга распаковывает вещи в соседнем помещении.

Лорд Сэйр привез с собой все свежие газеты, он взял номер «Таймса» и принялся читать сначала передовицу, а затем парламентский отчет.

Немного погодя его слуга Коснет принес хозяину список пассажиров.

– Пароход битком набит, милорд, – заметил Коснет, кладя список на стол. – Но вроде бы кое-кто собирается сойти на Мальте и в Александрии.

– Я и опасался, что мы тут попадем в толпу, – ответил лорд Сэйр, имея в виду, что на палубе во время прогулок будет очень уж людно. – Есть на борту кто-нибудь из знакомых,

Коснет?

Слуга его был, что называется, на короткой ноге со многими его друзьями и знакомыми.

– Есть тот персидский джентльмен, милорд, с которым мы встречались года три назад, когда жили в нашем посольстве в Тегеране.

– Отлично! – отозвался лорд Сэйр. – Я буду рад повидаться с ним снова.

– А еще лорд и леди Сэндфорд, distinguished миссис Муррей и леди Эллентон. Полагаю, милорд с ними знаком.

– Разумеется, – пробормотал лорд Сэйр.

Скучная публика, за исключением разве что миссис Муррей, жены дипломата, которую он встречал несколько раз и находил привлекательной.

С легкой улыбкой на губах он снова обратился к чтению газеты.

Путешествие может оказаться не слишком скучным, а миссис Муррей с ее рыжими волосами и удлиненными зелеными глазами вовсе не похожа на Гертруду.

Первая вечерняя трапеза во втором классе немало удивила Бертилли.

Она воображала, что будет сидеть за отдельным столиком, но все пассажиры уселись за длинные общие столы достаточно тесно, и невозможно было избежать общения с соседями слева и справа.

Рядом с ней сидел с одной стороны владелец каучуковой

плантации, который приезжал на родину с Малайи и теперь жаждал поскорее вернуться к жене и трем детям.

Он весьма пространно рассказывал о двух своих сыновьях, а также о том, какие доходы намерен получить со своей плантации.

С другой стороны сидел пожилой шотландец, европейский представитель китайца, владевшего несколькими магазинами в Сингапуре.

Вблизи нее были белые европейцы, но она заметила, что в конце салона, к счастью, далеко от нее, сидит тот самый «голландо-малаец», который пожирал ее глазами во время посадки.

Бертилла убедилась, что он поглядывал на нее в течение всего обеда, и у нее возникло неприятное предчувствие, что после еды он с ней заговорит.

Она избежала его, раньше всех пассажиров покинув столовую и немедленно удалившись к себе в каюту.

Бертилла распаковала вещи, и теперь, когда корабль уже вышел в открытое море, каюта больше не казалась такой тесной и темной.

Кругом лежали ее собственные вещи, и было почти как дома.

Они шли по Ла-Маншу, море было бурное, и потому Бертилла разделась, взяла книгу, которую ей особенно хотелось прочесть, легла в постель и включила лампу для чтения.

«Вполне удобно, – подумала она, – вот привыкну получше

к кораблю и к людям на его борту, тогда, может быть, даже друзей среди них удастся завести».

И тут же с улыбкой представила себе, какой дикостью показалось бы ее матери не то что вступать в дружеские отношения, а даже просто говорить с людьми, путешествующими вторым классом.

С пассажирами первого класса она, даже если бы захотела, не смогла бы встречаться, стало быть, нужно уметь довольствоваться тем, что имеешь.

Еду подавали сносную, хоть и не слишком вкусную; к тому же Бертилла была уверена, что ей удастся здесь побольше узнать о людях, которые живут в той части света, куда она держит путь.

Она распознала китайцев, индийцев, по крайней мере двух человек с острова Бали и, разумеется, « полуголландца-полумалайца ».

«Кажется, он малоприятная личность», – определила про себя Бертилла и решила держаться от него подальше.

Однако легко принять решение ночью и куда труднее выполнить его днем.

Когда Бертилла в самом теплом своем пальто вышла на палубу, море по-прежнему волновалось, и народу там почти не было.

Она намеревалась быстрым шагом обойти всю палубу по кругу, однако это оказалось невозможным из-за качки.

Она немного постояла, глядя на волны, перехлестываю-

щие через нос корабля, и уже собиралась уходить, когда услышала голос с явственным голландским акцентом:

– Доброе утро, мисс Элвинстон!

Это был, разумеется, голландско-малайский метис, и Бертилла ответила как можно суше:

– Доброе утро!

– Вы очень храбрая. Я думал, вы не покинете каюту в такой бурный день.

– Надеюсь, что я неплохой моряк, – ответила на это Бертилла.

Она собиралась уйти, но из-за качки было почти невозможно миновать этого человека, стоящего чересчур близко.

Она осталась у борта, вцепившись в поручни и глядя на море.

– Надеюсь, мисс Элвинстон, что мы подружимся во время путешествия.

– Откуда вам известно мое имя? – спросила девушка.

Мужчина разразился смехом, который исходил, казалось, из самых глубин его плотного тела.

– Я не сыщик, – объявил он. – Просто спросил казначея.

Бертилла промолчала, а метис продолжал:

– Мое имя Ван да Кемпфер, и, как я уже сказал, надеюсь, что мы станем друзьями. Я понял, что вы путешествуете одна.

– У меня много работы в каюте, – сказала Бертилла.

Она понимала, что это прозвучало глупо, но не знала, как

отделаться от этого громоздкого человека, который так настырно навязывался ей.

Ей неприятно было говорить с ним, она хотела убежать, но не знала, как это сделать.

– Леди, путешествующие в одиночестве, нуждаются в мужской защите, – вещал мистер Ван да Кемпфер. – Я хотел бы выступить в таком качестве по отношению к вам, мисс Элвинстон.

– Благодарю вас, но я сама в состоянии себя защитить.

Он снова расхохотался.

– Для этого вы слишком хрупки и слишком хороши собой. Разве вам не приходило в голову, насколько опасно такой красивой леди, как вы, находиться в одиночестве в толпе незнакомцев?

В его голосе прозвучали ноты, от которых Бертилла вздрогнула.

– Вы очень любезны, мистер Ван да Кемпфер, но я хочу вернуться к себе в каюту.

– Прежде чем вы это сделаете, позвольте мне предложить вам что-нибудь выпить. Пойдемте в коктейль-бар. Уверен, что бокал шампанского поможет вам обрести «морские ноги».

– Спасибо, нет, – ответила Бертилла.

Она повернулась, чтобы уйти, но корабль сильно качнуло, и ее бросило к мистеру Ван да Кемпферу. Он засмеялся и подхватил ее под руки.

– Позвольте вам помочь, – сказал он. – Я же говорил, что на море немало опасностей, в том числе и волны.

Без скандала Бертилла не могла бы высвободиться из его рук.

Он силой провел ее по палубе, потом через тяжелую дверь, и они оказались в тепле, вдали от ветра, от которого волосы Бертилла разметались по щекам.

– А теперь давайте выпьем шампанского, – предложил метис, увлекая Бертиллу к коктейль-бару.

– Нет, благодарю вас. Я не пью, – сказала она.

– Самое время начать, – отвечал Ван да Кемпфер.

Резким и сильным движением Бертилла вырвала у него свою руку и, прежде чем он успел удержать девушку, пустилась наутек.

В ушах у нее все еще звучал его смех, а когда она влетела в свою каюту, сердце у нее бешено колотилось и губы пересохли.

– Я глупая... ужасно глупая! – ругала она себя.

В самом деле, чего она испугалась?

Этот общительный и предприимчивый мужчина решил, что, поскольку она путешествует одна, его участие будет принято с радостью и удовольствием.

«Мне просто следует его не замечать», – подумала Бертилла.

Но при этом она испытывала неприятное чувство, что сделать это будет нелегко.

Глава 3

– Мне надо вернуться к себе в каюту. Розмари Муррей произнесла это мягко и с явным сожалением в голосе.

– Это было бы разумно, – согласился лорд Сэйр.

Она стиснула руки жестом отчаяния.

– Господи, как мне надоело быть благоразумной! Я занимаюсь этим всю свою жизнь.

Она повернулась, опустила голову на его обнаженное плечо и проговорила со страстью:

– Но я не раскаиваюсь. Наша встреча скрасит все, даже ужасную скуку, которая ждет меня в Египте.

Лорд Сэйр не ответил, и немного погодя она продолжала:

– Ах, если б можно было уехать с тобой в Сингапур и не сходить на берег в Александрии!

Голос у нее задрожал от волнения, когда она добавила:

– Обещай, что ты не забудешь меня. Я стану молиться, чтобы мы встретились снова и чтобы все было так же чудесно, как сейчас.

– Я тоже буду надеяться на это, – сказал лорд Сэйр, зная при этом, что кривит душой.

Ему нравился этот флирт, как он вполне точно называл про себя их отношения с миссис Муррей, флирт на расстоянии между белыми скалами Дувра и Александрией.

Эта рыжеволосая женщина оправдала его ожидания: отдалась ему на свой лад, почти как Гертруда, – с бурной, неистовой страстью.

Но как обычно, он уже пресытился и знал, что, едва она сойдет на берег в Александрии, он испытает не сожаление, а чувство облегчения.

Она надевала полупрозрачное negligé, в котором проскользнула по коридору в его каюту, а он смотрел на нее и размышлял, почему и она относится к тому типу женщин, от которых он так скоро устает?

Нет сомнений, что она красива, фигура у нее прекрасная, любовные утехы воспринимает с той примитивной жадностью, которая увлекала его.

И тем не менее его первоначальный пыл день ото дня ослабевал и сменялся скукой по мере того, как они плыли по Средиземному морю. Лорд Сэйр уже с нетерпением дожидался завтрашнего утра.

Он набросил на себя длинный парчовый халат и стоял, глядя на Розмари, а она повернулась к нему, издав звук, похожий на всхлип.

– Я люблю тебя! О Тейдон, я люблю тебя! – воскликнула она. – Ты похитил мое сердце. Я никогда не встречу человека, который бы занял твое место в моей душе!

Она обняла его за шею и прижалась губами к его губам, и он поцеловал ее, как она и ожидала.

– Тебе нужно идти, – проговорил он, когда она прижалась

к нему всем телом. – Ты же знаешь, что на корабле у стен более чуткие уши, чем где бы то ни было.

Розмари Муррей тяжело вздохнула.

– Я люблю тебя! Я буду любить тебя вечно, – проговорила она с полным драматизма пафосом. – И мы встретимся снова – да, Тейдон, я это знаю!

Лорд Сэйр открыл дверь, посмотрел, пусто ли в коридоре, и дал знак Розмари, что она может идти.

Она так и сделала, поцеловав его в щеку, когда проходила мимо, и аромат ее экзотических духов обволок Тейдона, а потом потянулся за женщиной по коридору.

Лорд Сэйр закрыл дверь каюты и глубоко вздохнул.

Все кончено.

Еще одно любовное увлечение завершилось точно так же, как и все предыдущие.

Лорд Сэйр подумал, что Д'Арси Чарингтон посмеялся бы над ним и непременно спросил бы:

– Чего ты ждешь, Тейдон? Чего ждешь? Вся беда в том, что он и сам не знает ответа. Тейдон посмотрел на фотографию, которая осталась лежать на стуле у него в каюте.

Розмари Муррей принесла ее с собой два часа назад.

– Я знаю, что ты захочешь оставить ее у себя на память обо мне, – сказала она.

Лорд Сэйр прочитал надпись: «Твоя навеки Розмари».

Это было неосторожно – так не должна поступать разумная замужняя женщина.

Но в этом-то и заключалась одна из неизменных особенностей его любовных приключений: женщины не только удостоивали лорда Сэйра своими фотографиями, но и засыпали бесчисленными страстными и очень неосторожными письмами, и просто невысказано было себе представить, к каким последствиям это привело бы, прочитай хоть одно подобное письмо посторонний человек.

Женщины отдавали лорду Сэйру не только свои сердца и тела, но и свое доброе имя.

Поэтому он был чрезвычайно осторожен и делал все от него зависящее, чтобы его возлюбленные не пострадали из-за собственного неблагоразумия.

Выходило, что он гораздо больше, чем они сами, пекся об их репутации.

Если бы он не удерживал их, они бы не задумываясь посещали его дом в Лондоне и не стесняясь выражали бы свои чувства к нему на публике.

– Будь все оно проклято, им как будто не терпится погубить себя в глазах света! – сказал он как-то Д'Арси Чарингтону.

Его друг расхохотался.

– Цепи условностей ничего не значат для них, когда дело касается связи с тобой, – ответил он.

И все же лорд Сэйр был достаточно умен, чтобы избегать явных скандалов.

Разумеется, люди судачили о нем и, конечно же, о многом

догадывались, но одно дело – строить догадки и совсем другое – подтвердить их доказательствами.

Лорд Сэйр был совершенно уверен, что ни у ревнивых мужей, ни у светского общества в целом нет никаких доказательств даже малейшей его неосторожности.

Он взглянул на часы возле постели и увидел, что уже около двух ночи.

Он собрался было лечь, но вдруг почувствовал, насколько неприятен ему запах духов Розмари Муррей, которым пропитались подушки, и вообще было противно, что постель в беспорядке и простыни все измяты.

Повинуясь внезапному импульсу, лорд Сэйр сбросил халат и оделся с быстротой, которая раздражала его слугу, любившего считать себя необходимым хозяину.

Он достал из гардероба пальто и, не надев шляпу, покинул каюту и вышел на палубу.

Несмотря на поздний час, из курительной комнаты доносился громкий смех.

Любители выпить обычно засиживались там на крытых плюшем диванах, потягивая напитки, которые стояли перед ними на столиках.

Были среди пассажиров и такие, кто, казалось, и вовсе не ложился спать, но сейчас в салоне было пусто, и только несколько усталых стюардов могли заметить лорда Сэйра, когда он поднимался на палубу.

Но на крытой палубе ему показалось душно, захотелось

вдохнуть свежего воздуха, и он поднялся на самую верхнюю палубу, где обычно, когда море было спокойным, устраивались игры.

Днем тут бывало шумно, многие мужчины занимались разного рода физическими упражнениями, ребятишки играли в прятки между дымовыми трубами, мачтами и надстройками.

Здесь только начали устанавливать парусиновый тент, который должен был закрывать палубу от жарких солнечных лучей во время перехода по Красному морю. Но большая часть пространства была еще открыта веяниям ночи, и лорд Сэйр смотрел на звезды, и прохладный ветер овеивал ему лицо.

В Бискайском заливе море было бурное, но едва они вошли в Средиземное, как погода улучшилась и стало даже слишком тепло для этого времени года.

Впрочем, по ночам было еще холодновато.

Чем ближе подходили они к Александрии, тем делалось теплее, и лорд Сэйр, как и многие другие пассажиры, ощущал жаркое дыхание Красного моря.

Солнце, говорил он себе, спалит воспоминания о густых туманах и резких холодах Англии.

На палубе было пустынно, и Тейдон разгуливал, сунув руки в карманы и думая вовсе не о Розмари Муррей, как следовало бы ожидать, но о своей миссии на Востоке и о людях, с которыми ему предстояло встретиться.

Им все еще овладевало некое предощущение приключений, когда приходилось отправляться в места, где он раньше не бывал.

На этот раз он должен был посетить незнакомые края и потому намерен был узнать как можно больше об истории и обычаях новых для него стран.

Он двигался по дуге вдоль борта и когда дошел до кормы, то из тени возле трубы его окликнул женский голос:

– Лорд... Сэйр!

Он повернул голову, раздраженный тем, что ему помешали думать, и увидел перед собой какое-то маленькое существо.

При слабом свете звезд он различил очень бледное лицо и огромные глаза.

– Простите меня... пожалуйста, простите меня... но мне нужна ваша помощь, – продолжала женщина.

Внезапно он вспомнил, где слышал этот голос раньше и где видел это личико «сердечком».

– Мисс Элвинстон! – воскликнул он. – Вот уж не знал, что и вы на борту!

– Мне нельзя было приходиться сюда наверх, но я тут пряталась, а еще я не знала, как мне добраться до вас и попросить о помощи.

– Вы прячетесь? – удивился лорд Сэйр. – Но от кого?

Бертилла с опаской оглянулась через плечо, словно боялась, что их подслушают.

Потом она протянула руку и ухватилась за поручень; лорд Сэйр только теперь заметил, что девушка дрожит.

– Что с вами случилось? – спросил он. – И почему вы здесь в такой поздний час?

– Об этом я и хотела вам рассказать, – ответила она. – Я понимаю, что создаю... сложности... и не должна бы беспокоить вас, но я просто не вижу другого выхода... не знаю, как мне быть.

В ее словах была такая тревога, такой страх, что лорд Сэйр поспешил сказать:

– Вы прекрасно знаете, что я помогу вам, если это в моих силах. Давайте где-нибудь присядем, хорошо?

Он огляделся и увидел, что все кресла с палубы на ночь убрали, но под одной из мачт есть закрепленная деревянная скамейка.

– Сядем там; – предложил он и, поддерживая девушку под локоть, повел ее к скамейке.

Бертилла шла рядом с Тейдоном, шифоновый шарф ее соскользнул с головы, и лорд Сэйр обратил внимание, как сияют волосы девушки в свете звезд.

Бертилла сжала руки.

– Вам это может показаться глупым и нелепым, – проговорила она, – но я просто не знаю, как поступить... и мне больше не к кому обратиться.

– Давайте начнем с самого начала, – предложил лорд Сэйр. – Прежде всего – почему вы очутились здесь? Я счи-

тал, что вы катаетесь верхом в Гайд-парке.

– Я понимаю, – ответила Бертилла, – но мама решила... отослать меня.

– И далеко ли?

– В Саравак... к моей тетке, она там миссионерствует.

– Миссионерствует? – переспросил лорд Сэйр.

– Д-да. Мама хочет, чтобы я тоже стала... миссионеркой, а мне больше некуда было деваться.

Голос Бертиллы гораздо больше, чем слова, выдавал страх и отвращение к ожидающему ее будущему.

Лорд Сэйр сжал губы и припомнил, как ему всегда не нравилась леди Элвинстон. Он считал ее жестокой, бесчувственной женщиной и теперь убедился, что его ощущения были верными.

– Итак, вы направляетесь в Саравак, – проговорил он вслух. – А кто же сопровождает вас?

– Н-никто, – запинаясь, ответила Бертилла. – В этом вся беда,

– Никто?

Лорд Сэйр с трудом поверил ушам своим.

То, что одна из первых дам высшего света могла отправить дочь, к тому же такую юную и неопытную, как Бертилла, в путешествие чуть не на край света без компаньонки, казалось ему просто невероятным.

Он знал, что девушки довольно часто ездят в Индию или в другую часть Британской империи: кто к родителям, кто к

друзьям, но это путешествие они всегда совершают под при-
смотром женщины постарше, житейски умудренной; вдовы
армейских офицеров, к примеру, нередко брали на свое по-
печение по нескольку девушек, что порой оказывалось для
них достаточно обременительным.

Но отправить девушку совсем одну, без сопровождения...
Лорд Сэйр на несколько секунд даже потерял дар речи от
возмущения.

– Я, конечно, достаточно взрослая, чтобы самой о себе по-
заботиться, – продолжала Бертилла, – но, понимаете, я пу-
тешествую вторым классом, а там есть... один человек...

– Что за человек? – резко спросил лорд Сэйр.

– Он... он голландец, но мне кажется, в нем есть и малай-
ская кровь, и он не оставляет меня в покое.

Лорд Сэйр промолчал, и Бертилла снова стиснула руки
жестом беспомощного отчаяния.

– Вы сочтете меня за идиотку... По крайней мере мама
всегда меня так называет... Я не могу отделаться от него.
Почти все время я провожу у себя в каюте, но...

Голос ее совсем упал, она явно искала подходящие слова,
и лорд Сэйр мягко спросил:

– Что же произошло?

Инстинктивно, без всяких ее объяснений, он понимал,
что девушка доведена до крайности.

– В последние дни по вечерам, с тех пор как мы плывем по
Средиземному морю, стюард приносил мне подарки, – гово-

рила Бертилла. – Шоколад и разные другие вещи, которые можно купить на борту. Я отсылала все обратно, но он пишет мне записки и настаивает, чтобы я согласилась с ним выпить. – Она тихонько вздохнула. – Он пытался уговорить меня в первый же вечер, но я тогда убежала.

– Что случилось сегодня? – негромко спросил лорд Сэйр.

– Когда я вернулась в каюту после ужина... Я всегда стараюсь уйти из столовой как можно раньше, чтобы он не успел остановить меня... Я хотела запереть дверь...

Она примолкла, и лорд Сэйр увидел страх у нее в глазах; девушка продолжила почти шепотом:

– Ключ исчез... и задвижка тоже. Лорд Сэйр выпрямился.

– Безобразие! – произнес он возмущенно. – Такое на порядочном корабле недопустимо!

Ему стало ясно: стюард получил хорошую взятку, а надзор за вторым классом был далеко не таким строгим, как за первым.

– Итак, вы поднялись сюда, – сказал он немного погодя.

– Я не знала, как мне быть. Вы знаете, пассажирам второго класса не разрешают сюда подниматься, но там он отыскал бы меня, и я бы не смогла убежать.

Ужас в ее голосе звучал так явственно, что лорд Сэйр понял, насколько этот человек – он прекрасно представлял себе мужчину подобного типа – запугал этого полуробенка.

Впрочем, подумал лорд Сэйр, мужчину нельзя осуждать слишком строго.

Для него женщина, путешествующая в одиночестве, не более чем легкая добыча; голландцу просто не приходило в голову, что общественное положение Бертилла совсем иное, чем у него, тем более что при ней нет даже компаньонки или хотя бы горничной.

Бертилла смотрела на него сейчас такими же полными доверия глазами, как, помнилось лорду Сэйру, смотрел на него когда-то живший у него спаниель.

– Не стоит так волноваться, – сказал он, положив ладонь на ее стиснутые на коленях руки.

Дотронулся – и был просто поражен.

– Да вы совсем окоченели! – воскликнул он. – И неудивительно, вы же просидели тут несколько часов.

– Я убежала из каюты в такой спешке, – объяснила Бертилла. – Схватила первое попавшееся пальто, а оно оказалось очень тонким.

– Я намерен увести вас вниз, – сказал лорд Сэйр, – и заказать для вас теплое питье. А потом разберусь со всем этим, твердо вам обещаю.

– Мне совестно беспокоить вас.

– Никакого беспокойства тут нет, и вы поступили совершенно правильно, обратившись ко мне за помощью. Жаль только, что не сделали этого раньше.

Бертилла глубоко вздохнула.

– Вы так добры... но мама очень рассердилась бы, если бы узнала, что я говорила с вами.

Лорд Сэйр вспомнил, как леди Элвинстон налгала – теперь-то он понимал, что то была сплошная ложь! – на свою дочь.

Разумеется, девушка выглядела очень юной, но разбирающийся в женщинах мужчина, каким, в частности, не без основания считали его самого, никогда не поверил бы, что ей всего четырнадцать лет.

Весьма сомневался он и в том, что Бертилла могла совершить столь вызывающий поступок, что ее исключили из школы.

– Я предлагаю, – сказал он, – забыть сейчас о вашей ма-тушке. К тому же она никоим образом не сможет узнать о нашем с вами разговоре, а это утешительно.

Лорд Сэйр увидел улыбку на лице девушки.

– Конечно, так думать нехорошо, но вы правы, мама об этом не узнает.

– Так идемте со мной, – предложил Тейдон. Они спустились по трапу на закрытую палубу, и он открыл перед Бертиллою дверь, из которой повеяло теплом, словно обещающим защиту.

Она замерзла на верхней палубе и понимала, что не только ночная прохлада тому причиной, но и пережитый ею страх.

Невозможно было рассказать лорду Сэйру, насколько день ото дня возрастал ее ужас перед мистером Ван да Кемпфером.

Куда бы она ни шла, ей казалось, что он подкарауливает

ее.

Она почти не могла есть, потому что он не сводил с нее глаз. Она страшилась каждого стука в дверь своей каюты, который, как правило, возвещал о появлении нового подарка или записки от этого человека.

В отчаянии она лихорадочно думала, не будет ли разумнее встретиться с ним, сказать, чтобы он оставил ее в покое, и пригрозить, что в противном случае она пожалуется капитану.

Но нет, говорить с ним при людях на такую тему невыносимо, а наедине... она начинала дрожать при одной мысли о том, как он поведет себя наедине, когда некому будет осадить его.

За всю свою жизнь она еще никогда и никого так не боялась.

Бертилла, разумеется, встречала мужчин у тети Маргарет в Бате, но все это были люди пожилые и скучные.

Доводилось ей разговаривать с ними и возле бювета, где пили минеральную воду, а порою тетя Маргарет приглашала на чай или на обед отставных армейских офицеров с женами.

Те мужчины говорили Бертилле комплименты, иногда подшучивали над ней в очень милой и добродушной манере, и, конечно, во всем этом не было ничего пугающего.

Ничего такого, что вынудило бы ее возмутиться душой и телом, как это было при встречах с мистером Ван да Кемпфером.

Бертилла была совершенно невинна и не имела представления о характере любовных отношений между мужчиной и женщиной.

Она знала, что это нечто большее, нежели обмен поцелуями, и что близкие отношения доставляют радость тем, кто встречается друг с другом на домашних вечерах во время поездок в загородные имения; такие поездки любила ее мать и бывала во многих местах.

Бертилла однажды слышала, как отец и мать спорили о каком-то человеке; отец с гневом говорил, что не может допустить с его стороны вольности по отношению к женщине, носящей имя Элвинстон.

– Ты просто смешон, Джордж, – пренебрежительным тоном возражала Элвинстон. – Если Фрэнсис влюблен в меня до безумия, что я могу с этим поделать?

– Прежде всего тебе не следует его поощрять, – гремел сэръ Джордж. – И ты заблуждаешься, если думаешь, что я позволю тебе поехать одной в Довакорт, где этот мальчишка, несомненно, будет спать в соседней комнате!

– Но, Джордж! Твои обвинения непереносимы! – не слишком уверенно возразила леди Элвинстои.

Бертилла тогда сильно смутилась, но при этом подумала, что этот Фрэнсис, кем были там ни был, очевидно, любовник матери.

Бертилла читала о любовниках в своих книгах по истории, и хотя тема эта в школе не затрагивалась, ей известно было

о существовании дам, которые блистали при дворе Карла II.

Роль мадам Ментенон или мадам Помпадур во Франции ни для кого не составляла тайны, так же как и отношения Георга IV с миссис Фицгерберт, а уже в старости – с леди Херфорд и леди Конингем.

Об отношениях подобного рода умалчивали в классных комнатах, но Бертилла много читала и пришла к убеждению, что любовь – сильнейшее оружие в руках женщины, оружие, которым пользовались во все века.

Но любовь – в этом она была совершенно уверена – не имела ничего общего с тем, чего хотел мистер Ван да Кемпфер.

Она знала, что скорее умрет, чем позволит ему дотронуться до себя, и даже мысль о его толстых, губах вызывала у нее тошноту.

Лорд Сэйр привел ее не в салон, хотя там никого не было, а в комнату, где писали письма, которая, как он полагал, безусловно, пуста в этот час.

Там стояло несколько столов с глубоко закрепленными в них чернильницами и стопками промокательной бумаги; был здесь и удобный диван.

– Садитесь сюда, – предложил Бертилле лорд Сэйр, – а я пойду и закажу вам горячее питье, оно убережет вас от простуды.

При свете, в котором блестели светлые волосы девушки, Тейдон увидел в ее глазах то же выражение, что так сильно

поразило его на палубе.

Он улыбнулся, чтобы успокоить Бертилли, и добавил:

– Здесь вы в полной безопасности, да и оставлю я вас всего на одну-две минуты. Пойду поищу стюарда.

Он ушел и отсутствовал гораздо больше двух минут, и еще до его возвращения в комнату вошел стюард с подносом.

На подносе стояли кофейник, одна чашка и два стаканчика бренди.

– С молоком, мадам? – утвердительно спросил стюард, наливая кофе.

В голосе стюарда было такое обыденное, ординарное спокойствие, что Бертилла почувствовала, как улечиваются и страхи ее, и возбуждение.

Напугана она была не только Ван да Кемпфером, но и тем, что вступила в разговор с лордом Сэйром.

Ее мать, несомненно, пришла бы в неистовство, узнай она об этом, и если бы не охватившее ее отчаяние, то из страха перед леди Элвинстон Бертилла ни за что не обратилась бы к лорду Сэйру.

Он вернулся и, приблизившись к дивану, на котором сидела Бертилла, сбросил пальто на один из стульев.

– Согрелись хоть немного? – спросил он. Она подняла голову и посмотрела на него; лорд

Сэйр увидел, что щеки ее слегка разрумянились.

– Кофе восхитительный! – сказала она.

– Я хочу, чтобы вы выпили бренди.

– Не люблю бренди, – сморщив нос, ответила Бертилла.

– Это не важно, – возразил он, – выпейте его как лекарство. Средиземноморские ночи коварны, а я уверен, что вам не хотелось бы пролежать в постели три-четыре дня.

В глубине ее глаз он снова увидел страх и поспешил сказать:

– Не волнуйтесь. Я поговорил с казначеем, и ваши вещи уже сейчас переносят в каюту первого класса.

Бертилла удивленно поглядела на него, потом сказала:

– Боюсь, что разница в оплате мне... не по карману.

– Вам ничего не придется платить, – успокоил ее лорд Сэйр. – Я объяснил казначею нелепую ситуацию, в которую вы попали. Он принес глубочайшие извинения и выразил свое сочувствие. Кто-то сошел на Мальте, освободилась каюта и будет предоставлена вам без дополнительной оплаты.

– Вы уверены? – спросила она.

– Ведь я просил вас положиться на меня.

– О... благодарю вас! Я не в состоянии выразить свою признательность словами! Я так и предполагала... чувствовала, что вы меня спасете.

– Так поверьте мне и выпейте бренди. Бертилла повиновалась, хоть и не удержала гримасу горечи, когда коньяк попал ей в горло.

– Я, пожалуй, выпью еще кофе, чтобы избавиться от привкуса, – сказала она.

– Вполне разумная мысль, – согласился Тейдон, – а теперь

я попрошу вас забыть о неприятном случае и только радоваться путешествию.

– Он не доберется до меня, раз я на другой палубе? – негромко проговорила Бертилла с полувопросительной интонацией.

– Можете забыть о нем, – твердо заявил лорд Сэйр. – Хотя мне кажется, вам не следовало бы путешествовать в одиночку.

– Мама не могла позволить себе кого-то отправить со мной.

– Не могу не заметить, что ей было бы лучше не посылать вас в Саравак. Это совершенно первобытная, неразвитая страна, но, как вы, вероятно, знаете, раджа там – белый человек.

– Я слышала о сэре Чарлзе Бруке, но не более того.

Бертилла огляделась по сторонам и поняла, что столь расхваленная в рекламной брошюре библиотека находится именно в этой комнате.

Одна стена была сплошь уставлена застекленными книжными полками с книгами на них.

Лорд Сэйр проследил за направлением взгляда девушки.

– Думаю, вы найдете здесь немало интересного для себя, – сказал он. – А если нет, то попробую купить вам книжку о Сараваке, когда мы доберемся до Александрии. Это будет завтра.

– Вы очень добры... очень, очень добры ко мне, – побла-

годарила его Бертилла. – Я мечтала увидеть Александрию, но мне, наверное, было бы неблагоприятно сходить на берег.

Она явно думала о Ван да Кемпфере, и лорд Сэйр заметил:

– Конечно, вам не следует бродить по Александрии в одиночестве. Попробую договориться с кем-нибудь, кто возьмет вас с собой, если мне самому не удастся сопровождать вас.

Бертилла покачала головой.

– Я вовсе не хочу беспокоить вас, – возразила она. – Пожалуйста, забудьте обо мне. Теперь, когда я переселилась на эту палубу, я сама о себе позабочусь.

– Что-то я не слишком в этом уверен, – произнес лорд Сэйр с улыбкой, которая смягчила остроту его слов. – По-моему, вы из тех, кто прямо-таки нарываяется на неприятности.

Бертилла взглянула на него озабоченно, и лорд Сэйр продолжал:

– Носильщики наезжают на вас своими тележками, вы встречаете людоедов там, где их никто не ожидал бы встретить, и один Бог знает, что случится с вами в Красном море или в самом Сараваке среди охотников за головами!

Лорд Сэйр всего лишь шутил, так говорил бы он с любой знакомой молодой женщиной, но, заметив в глазах у девушки испуг, поспешил добавить:

– Я просто поддразниваю вас. И вполне уверен, что ваше злосчастье, если оно и существовало, улетело вместе с северным ветром.

– Мне сильно повезло, что вы оказались здесь, – сказала Бертилла. – Я видела, как вы поднимались на борт, мне стало как-то теплее оттого, что на корабле есть человек, которого я знаю и который был ко мне добр. Но я не хотела бы посягать на ваше время.

Немногие женщины в его жизни, подумал лорд Сэйр, говорили ему нечто подобное. Почти все они готовы были посягнуть и на его время, и на него самого, хотел он того или нет.

– Никакого посягательства тут нет, – возразил он, – и не считайте себя обузой, а я постараюсь сделать для вас все, что в моих силах. Впереди путешествие, которому, я надеюсь, вы станете с этих пор только радоваться. Сам я люблю жаркий климат, а новые страны влекут меня к себе как приключение, мне интересен и мир населяющих их людей.

– Согласна с вами, – сказала Бертилла. – Все вышло так нелепо, потому что я по глупости совершенно зря испугалась.

– В данном случае как раз не зря, – ответил лорд Сэйр. – Сами вы оказались беспомощной и не браните себя за это. Просто забудьте о том, что случилось, и думайте о завтрашнем дне.

Он говорил ласково, как с ребенком, и в больших серых глазах Бертиллы блеснули слезы.

– Никто еще не был так добр ко мне, – слегка задыхаясь от волнения, проговорила она, – и я уверена, будь папа жив, он

поблагодарил бы вас. Поверьте, я признательна вам от всего сердца.

Убедившись, что Бертилла устроилась в новой каюте, лорд Сэйр вернулся к себе.

Он лег в постель, чувствуя не только жалость к Бертилле, но и глубокое негодование по поводу поведения ее матери.

Впрочем, чего было и ожидать от одной из тех пресловутых красавиц, которые, как выражался Д'Арси Чарингтон, выглядели словно богини на Олимпе, а в собственных домах вели себя как дьяволицы.

Бертилла, однако, поставила Тейдона перед проблемой, которую надо было хорошенько обдумать.

Он прекрасно понимал, что если и дальше станет опекать ее, то неизбежно возникнут кривотолки.

Совершенно ясно, что сплетницы уже трещат, как попугаи, по поводу его отношений с миссис Муррей.

Они вели себя очень осторожно, но пассажиры не могли не видеть, что лорд Сэйр и зеленоглазая очаровательница прогуливаются вместе по палубе, что сидят они всегда рядом и что миссис Муррей глядит на него влюбленными глазами.

Никто не мог ничего доказать, но любителям посудачить не запретишь строить любые предположения.

Появиться на людях вместе с Бертиллою, такой юной, значило бы дать повод сплетничать о ней женщинам, у которых не было других занятий и интересов в длительном путешествии.

В то же время нельзя было оставлять Бертиллу в одиночестве, лишить ее возможности хоть с кем-то перемолвиться словом. Да и страх перед не в меру предприимчивым голландцем мог снова овладеть ею.

Лорд Сэйр знал женщин страстных, разгневанных, одержимых желанием, сыплющих едкими обвинениями, но не мог припомнить общения с женщиной, которая бы чего-то боялась.

Бертилла, дрожащая, с вздрагивающими губами и крепко стиснутыми руками, казалась ему необычайно трогательной.

Ему подумалось также, что ни разу еще он не встречал таких глаз, выражающих все, что она чувствует.

– Миллисент Элвинстон следовало бы пристрелить! – громко произнес он в темноте.

И решил сделать для Бертииллы хотя бы самое малое: устроить так, чтобы кто-то из женщин на время плавания взял бы ее под свое покровительство.

Не в его власти было повлиять на ее дальнейшую судьбу, но он прекрасно понимал, насколько угнетает девушку перспектива стать миссионеркой.

Лорд Сэйр вполне мог себе представить, что за человек тетушка Бертииллы, так как ему неоднократно приходилось иметь дело с миссионерами.

Большинство из них были людьми истинно верующими в свое призвание спасать души от ада, обращать язычников в христианство, но женщины-миссионерки чаще всего оказы-

вались ожесточенными, суровыми и агрессивными.

У них не оставалось иного выбора, как только следовать за своими мужьями в чужие земли, тогда как лучше для них было бы оставаться дома.

Лорд Сэйр с искренней грустью думал о будущем Бертилле.

Он знал, что отвращать язычников от веры их отцов – задача неблагодарная.

Прежде чем уснуть, однако, он пришел к одному решению насчет Бертилле.

На следующее утро после обычной прогулки по палубе, которую лорд Сэйр совершал, пока все еще спали, он отправился на поиски леди Сэндфорд.

С этой дамой он был знаком уже несколько лет, но во время поездки старался избегать ее, так как считал скучной.

Теперь он устроился на палубе возле нее, спросил сначала о здоровье мужа, а потом обратился к ней тем тоном, который обычно обезоруживал женщин:

– Мне нужен ваш совет.

Леди Сэндфорд выглядела удивленной, но и явно польщенной.

Муж очень тепло рассказывал ей о деятельности лорда Сэйра, но сама она считала его высокомерным молодым человеком, к тому же во время плавания он не выражал никакого намерения примкнуть к их обществу.

Но сейчас она опустила на колени свое вязанье и сказала

вполне простодушно:

– Мой совет, лорд Сэйр?

– Я только что обнаружил, что на борту находится дочь леди Элвинстон, – ответил лорд Сэйр, – и, по правде говоря, меня это поставило в довольно затруднительное положение.

Леди Сэндфорд слушала его очень внимательно, и он продолжал:

– Вышло так, что я виделся с леди Элвинстон в Мальборо-Хаусе накануне моего отъезда, и она сообщила мне, что ее дочь отправляется в Саравак. К сожалению, это как-то ускользнуло у меня из памяти.

Тейдон заметил искорку, промелькнувшую в маленьких и некрасивых глазках собеседницы, и понял, что причиной его забывчивости она считает рыжеволосую и зеленоглазую пассажирку, которая вытеснила все прочее из его памяти.

– Вчера я узнал, что из-за оплошности пароходной компании, и оплошности весьма предосудительной, мисс Элвинстон оказалась во втором классе.

– Во втором классе! – воскликнула леди Сэндфорд.

– Это произошло по недосмотру клерка, – объяснил лорд Сэйр, – но вы легко себе представите, насколько я почувствовал себя виноватым из-за того, что не побеспокоился расспросить о мисс Элвинстон.

– Со стороны пароходства это и в самом деле недопустимая и непростительная ошибка, – сказала леди Сэндфорд. – А как обстоит дело теперь?

– Я понял, что казначей уже перевел ее сюда, – ответил лорд Сэйр. – Но девушке, естественно, не с кем и словом обмолвиться, и я могу себе представить, насколько задеты ее чувства тем, что ей пришлось вытерпеть.

– Во втором классе, разумеется, немало вполне достойных людей, – произнесла леди Сэндфорд с оттенком сомнения, – однако боюсь, что там немало и чужеземцев.

Тон, которым она произнесла последнее слово, не оставлял сомнения в том, как она относится к нежелательным чужакам, и лорд Сэйр поспешил сказать:

– Вот поэтому, леди Сэндфорд, и возникла моя дилемма.

Леди Сэндфорд улыбнулась:

– Я полагаю, лорд Сэйр, вы бы хотели, чтобы я позаботилась об этой юной леди?

– Это вполне отвечало бы вашей обычной сердечной отзывчивости, – со всей доступной ему искренностью произнес лорд Сэйр и добавил почти саркастически: – Даю вам слово, леди Сэндфорд, я совершенно утратил представление о том, как себя вести со столь юными особами. Прошло достаточно лет с тех пор, как сам я был дебютантом в свете.

Леди Сэндфорд рассмеялась:

– Предоставьте это мне, лорд Сэйр. Как зовут девушку?

Лорд Сэйр поднес ко лбу ладонь.

– Сейчас... дайте подумать. Леди Элвинстон. мне сказала, но боюсь, что я слушал не слишком внимательно. Имя начинается на букву «б»... да, совершенно точно... Белинда...

или Бертильда. Словом, что-то в этом роде.

– Не затрудняйтесь, – с улыбкой проговорила леди Сэндфорд.

– Вы воплощенная доброта! – воскликнул лорд Сэйр. – Я крайне признателен вам за то, что вы отпускаете мне грехи.

– Я прекрасно понимаю, что ваша голова была занята другим, – сказала леди Сэндфорд не без иронии. – Полагаю, что как раз сейчас кое-кто старается привлечь ваше внимание.

Лорд Сэйр оглянулся и увидел, что на палубу вышла миссис Муррей.

Она выглядела весьма привлекательно в платье из зеленого шелка под цвет ее глаз и в большой соломенной шляпе, затеняющей лицо.

– Кажется, миссис Муррей хочет попрощаться со мной, – произнес лорд Сэйр.

– Я уверена, что именно этого она и хочет, – согласилась леди Сэндфорд.

Лорд Сэйр поднялся и легкой походкой направился навстречу зеленым глазам, которые смотрели на него с укоризной.

Когда пароход причалил к пристани в Александрии, Бертилла, выйдя на палубу, была удивлена и одновременно обрадована прямо-таки пылким приветствием леди Сэндфорд.

– Я вас ищущу, мисс Элвинстон, – заговорила леди Сэндфорд, – с той самой минуты, как узнала, что вы на борту. Я знаю вашу маму, дорогая моя, и уверена, что она попросила

бы меня присмотреть за вами в те долгие и чудовищно жаркие дни, пока мы будем плыть по Красному морю.

– Это очень любезно с вашей стороны, – ответила удивленная Бертилла.

Леди Сэндфорд оказалась и в самом деле весьма любезной, когда взяла девушку с собой на берег и они долго катались в экипаже по улицам Александрии. Бертилла любовалась знаменитым портом и древними античными руинами.

Ей очень хотелось кое-что купить, но она твердо решила экономить свои скромные средства, которые могли очень пригодиться и позже во время плавания, а тем более в Сингапуре, где ей придется пересаживаться на другой корабль.

К некоторому своему ужасу, она узнала, что этот другой корабль совершает рейсы только раз в две недели.

Надо будет подыскать самый дешевый отель, иначе она рискует явиться к тете без единого пенни.

Она старалась не думать о своей будущей жизни в Сараваке, но это надвигалось на нее, словно темная грозовая туча на горизонте, растущая с каждым днем, приближавшим девушку к обители тети Агаты.

Самый звук этого имени пробуждал воспоминание о страхе, который Бертилла испытывала в детстве от грубого голоса тетки. Этот голос становился совсем злым, когда она говорила с отцом...

Вечером, когда Бертилла пила в салоне кофе вместе с леди Сэндфорд, лорд Сэйр подошел к ним.

Бертилла подумала, что лорд Сэйр выглядит очень изысканно – ни один мужчина на корабле не выдерживал сравнения с ним.

– Добрый вечер, леди Сэндфорд, – поздоровался он. – Добрый вечер, мисс Элвинстон.

– Добрый... вечер!

Бертилла не могла понять, отчего ей так трудно выговорить самые обыкновенные слова – прозвучали они так, словно она сильно заикается.

– Мы с Бертилкой провели очень интересный день в Александрии, – сообщила леди Сэндфорд. – Нам было очень хорошо, не правда ли, дорогая?

– Это было чудесно! – воскликнула Бертилла. – Я и не думала, что этот город так прекрасен.

– Уверен, что в здешней библиотеке вы найдете книги по истории Александрии, – сказал лорд Сэйр.

Бертилле показалось, что говорит он совершенно равнодушно, словно разговор ему не интересен.

– Я подошел только поблагодарить вас, – повернулся он к леди Сэндфорд. – У меня много работы, боюсь, я совсем запустил ее во время путешествия. Прошу прощения, но я покидаю вас и отправляюсь к себе в каюту к своим бумагам. Пора привести их в порядок.

Леди Сэндфорд улыбнулась:

– Вам не за что благодарить меня, лорд Сэйр. Я очень рада, что Бертилла теперь со мной. Джордж на море похож на

медведя с больной головой, и мне так приятно поговорить с кем-то молодым.

Лорд Сэйр пожелал им спокойной ночи и ушел, а Бертилла задумчиво смотрела ему вслед.

Не успел он скрыться за дверью, как к леди Сэндфорд и Бертилле подошла леди Эллентон и уселась возле них.

Ей было лет тридцать пять. Беленькая и пухленькая супруга колониального чиновника, она на первых порах производила неотразимое впечатление на только что приехавших из Англии молодых людей.

– Он очарователен, не так ли? – обратилась она к леди Сэндфорд.

– Лорд Сэйр? – отозвалась леди Сэндфорд. – Да, так считают многие.

– Неудивительно, что многие женщины, в их числе и леди Гертруда Линдли, отдают ему свои сердца.

– Мне не приходилось встречать леди Гертруду, – заметила леди Сэндфорд.

– Но Дэзи вы знали?

– Разумеется!

– Бедняжка с трудом оправилась, даже и теперь еще страдает. Ах, сколько мук приносят в нашу жизнь красивые мужчины!

Леди Эллентон говорила вполне благодушно и добавила с легким смешком:

– Вы, я думаю, знаете его новое прозвище?

– Не имею представления, – сухо зато заметила леди Сэндфорд, принимаясь за свое вязанье, но Бертилла заметила, что слушает она очень внимательно.

Леди Эллентон наклонилась поближе к леди Сэндфорд как бы для того, чтобы ее не услышала Бертилла, но та разобрала каждое слово.

– Пират в любви! – проговорила она. – Вот как его прозвали, и, я считаю, очень удачно!

– Вот как? Но почему же? – поинтересовалась леди Сэндфорд.

– Потому что он берет в плен любую женщину, которая ему понравится, отбирает у нее все ее сокровища и удаляется в поисках следующей жертвы. Именно так поступают настоящие пираты!

Леди Эллентон посмеивалась, однако Бертилла подумала, что глаза и улыбка у нее злые.

«Она просто ревнует! – решила девушка. – Ей хочется, чтобы лорд Сэйр обратил на нее внимание, но она для этого недостаточно привлекательна!»

Глава 4

Кто-то подошел и остановился у поручней рядом с Бертиллоу, и она, не поворачивая головы, догадалась, кто это.

Они достигли Малаккского пролива после долгого плаванья по Красному морю, потом вокруг острова Цейлон и через Андаманское море.

Теперь Малайский полуостров находился слева от них и казался Бертилле прекраснее, чем она могла ожидать.

Корабль держался близко к берегу, поросшему густым лесом, среди которого Бертилла различала знакомые ей по рисункам в путеводителе хлебное дерево, мангустан, мускатный орех, манго, а также вечнозеленый дуб.

Она старалась распознать их, когда лорд Сэйр спросил:

– Что вы ищете?

Бертилла с улыбкой повернулась к нему.

– Пожалуйста, – попросила она, – расскажите мне об этой волшебной, прекрасной стране. Я боюсь что-нибудь упустить.

Он рассмеялся.

– Вы поставили передо мной непосильную задачу. В Малайе так много и древнего, и нового, что всякий раз, возвращаясь сюда, я думаю, что мне следовало бы написать историческую книгу о ней.

– Я читала о сэре Томасе Стамфорде Раффлзе, который

основал Сингапур, – сказала Бертилла. – Мне думается, вы могли бы стать таким, как он.

Лорд Сэйр посмотрел на нее с удивлением, потом, облокотившись на поручень рядом с девушкой, спросил:

– Вы не могли бы объяснить, что вы имели в виду?

– Я считаю, что вы могли бы построить большой порт или создать новую страну благодаря своей сильной воле и упорству.

– Вы полагаете, что я ими обладаю? Легкая ирония прозвучала в словах лорда Сэйра, но Бертилла ответила совершенно серьезно:

– Уверена, что обладаете, и мир нуждается в таких, как вы.

Глядя на ее профиль, в то время как она всматривалась в деревья, в примитивные домики на сваях и в ребятишек, плескавшихся у берега, лорд Сэйр подумал, что Бертилла не похожа ни на одну из женщин, каких он знал до сих пор.

Озабоченный тем, чтобы никоим образом не скомпрометировать ее, он не подходил к ней и не говорил с ней наедине, пока Александрия не осталась далеко позади и они не прошли значительное расстояние по Красному морю.

Потом он заметил, что она, как и он сам, предпочитает ускользнуть от общества и побыть в одиночестве.

Он видел ее в укромных уголках на палубе, куда мало кто заходил; вставала Бертилла очень рано, вместе с теми, кто, заботясь о своем здоровье, занимался физическими упраж-

нениями.

Только тогда он заговорил с ней и нашел, что она очень умна и в то же время скромна необычайно.

Те немногие женщины из круга его знакомых, у которых, как говорится, были мозги, всячески демонстрировали свой ум и свое превосходство в этом отношении над «весьма посредственными мужчинами».

Бертилла задавала ему вопросы, и глаза у нее делались большими и серьезными, когда она слушала его объяснения.

И он понимал, что она запоминает услышанное, присоединяя новые знания к почерпнутым ранее в корабельной библиотеке или из книг, которые он купил для нее в Александрии.

Он переслал книги к ней в каюту так, чтобы никто не узнал о его подарке, а Бертилла оказалась достаточно разумной, чтобы не благодарить его публично.

Но он получил коротенькую записочку от нее, написанную аккуратным, ровным почерком, совершенно несходным с небрежными и вычурными каракулями в письмах, которые он обычно получал от женщин.

Лорд Сэйр заметил, что Бертилла во время всего путешествия очень просто одета.

Но платье из дешевого муслина необъяснимо шло ей; Тейдон подумал, что причиной тому ее естественное изящество, делавшее привлекательным все, что она носила.

– Не знаю, – произнес он вслух, – был ли бы я счастлив,

живи я в этих краях даже на положении сэра Стамфорда Раффлза и обладая его властью.

– Вы могли бы стать белым раджой, как сэр Чарлз Брук, – предположила Бертилла.

Лорду Сэйру стало ясно, что все ее мысли сосредоточены на том месте, куда она направлялась и где, возможно, ей придется провести весь остаток жизни.

Он начал рассказывать ей о романтике Саравака, о том, что в результате правления там белого раджи, сэра Чарлза Брука, Саравак занял уникальное положение в истории страны.

Рассказывал он куда более увлекательно, чем любая книга, как первый белый раджа Джеймс Брук получил этот титул от султана Борнео в 1841 году за помощь в подавлении восстания, а потом титул был унаследован его племянником, нынешним правителем.

– Подвластный ему народ живет счастливо, и люди эти весьма добры и дружелюбны.

– Но ведь они охотники за головами, – возразила Бертилла.

– Я полагаю, белые раджи немало сделали, чтобы подавить этот ужасный обычай, – с улыбкой произнес Тейдон, – но уверяю вас, даяки кротки, честны и трогательно добры. Их женщины красивы и удивительно бесстрашны.

– Охота за головами – это их религия? – спросила девушка.

– Они не поклоняются никаким богам за исключением одного давно погибшего героя, у них нет жрецов и религиозных обрядов.

– Тогда зачем же, если они так счастливы... Она вдруг умолкла, но лорд Сэйр понял, о чем она собиралась спросить.

– Там, где британцы устанавливают свою власть, сразу появляются миссионеры, – пояснил он. – Они верят, что Господь призвал их обращать в христианство людей других национальностей, независимо от того, хотят они быть обращенными или нет.

В голосе лорда Сэйра прозвучал сарказм, и Бертилла поняла, что он не верит в действенность подобного обращения в христианскую веру; немного помолчав, она сказала:

– Считаете ли вы, что только христианин может попасть на небеса?

– Бог ты мой, нет! – воскликнул лорд Сэйр. – Кроме того, если и существует царство небесное, то я убежден, что их много и при этом совершенно различных.

Бертилла улыбнулась, а он продолжал:

– Царство небесное для христиан, нирвана для буддистов и весьма привлекательный рай, полный прекрасных женщин, для магометан. Уверен, что и у даяков есть особое место, где они могут собирать любое количество голов, никого при этом не убивая.

Бертилла рассмеялась.

– Именно этому я хотела бы верить. Я считаю, что вера – дело частное и очень личное, и если люди счастливы, то не нужно вмешиваться.

Лорд Сэйр чувствовал, что Бертилла вряд ли скажет своей тетке в Сараваке то, что говорит сейчас ему; он понимал, как она боится конца своего путешествия, и проговорил как можно мягче:

– Забудьте о грядущем и радуйтесь настоящему.

– Только этим я и занимаюсь в течение всей этой очаровательной поездки, – сказала Бертилла. – По ночам, когда вода фосфоресцирует, мне чудится, что корабль наш заколдован и мы будем плыть вечно и бесконечно и никогда не доплывем до порта.

– Теоретически очень приятная мысль, – ответил лорд Сэйр, – но только представьте себе, как мы наскучим друг другу. И как рассорятся между собой многие из пассажиров, когда корабль двинется вокруг света во второй раз!

– Это верно, – со смехом согласилась Бертилла. – Леди Эллентон и леди Сэндфорд прошлым вечером так рассердились друг на друга, что сегодня с утра не разговаривают.

– Ваш заколдованный корабль может быть счастливым лишь в том случае, если на борту останетесь только вы и, может быть, еще один человек, готовый разделить с вами тяготы пути.

– Мне кажется, очень трудно выбрать надежного спутника навсегда, – ответила Бертилла.

Лорд Сэйр едва заметно усмехнулся. Если бы он обратился с такими словами к любой из своих знакомых женщин, то, без сомнения, услышал бы в ответ, что она была бы совершенно счастлива отправиться в вечное плавание именно с ним.

Но он понимал, что Бертилла сказала ему то, что думает, вполне честно и бескорыстно.

«Именно поэтому мне нравится быть с ней, – подумал лорд Сэйр, – и, пожалуй, трудно отказываться от ее общества, как я делал это в последние дни».

– В Малайе много диких зверей? – спросила она.

– Очень много, – ответил он. – Любой плантатор скажет вам, что тигры представляют серьезную опасность для его рабочих, и леопарды тоже.

– А обезьяны здесь есть?

– Вас позабавят длиннохвостые макаки, а также белки-летяги.

– Надеюсь, мне удастся увидеть их в Сингапуре, – вздохнула Бертилла, – но все зависит от того, когда отправляется пароход в Саравак.

– Вы их увидите, если мне удастся устроить поездку по стране, – пообещал лорд Сэйр.

И увидел, как вспыхнули радостью серые глаза девушки.

– Как бы я была рада! – воскликнула она. – Это просто замечательно – путешествовать с вами! Ведь вы все знаете и можете рассказать мне.

Но прежде чем он заговорил, она уже спохватилась:

– Впрочем, нехорошо с моей стороны рассчитывать на вас... Ведь после приезда в Сингапур вы будете очень заняты. Вы и так были необычайно добры ко мне.

– Я только рад, что мог быть вам полезен.

– Леди Сэндфорд так любезна и внимательна ко мне, я радуюсь каждой минуте путешествия после отплытия из Александрии. – Она подняла на лорда Сэйра свои серые глаза и сказала: – Если мне не представится другой возможности, я благодарю вас сейчас... благодарю за все!

– Я уже сказал вам, Бертилла, что вам не надо меня благодарить.

– Но как мне иначе выразить свою признательность?

– Я надеюсь... – начал он, но тут же умолк. Какой смысл произносить банальности о своей надежде на счастье этого ребенка в будущем? Если его представления о тетке Бертилле верны, ничего подобного девушку не ждет.

Было что-то глубоко трогательное в ней, когда она вот так стояла и смотрела на береговую линию.

Мысль о том, что ей придется провести годы, обучая туземных ребятишек и борясь за обращение их в христианство, казалась противоестественной.

Только такая бессердечная и эгоистичная женщина, как леди Элвинстон, могла обречь свою дочь на подобное существование.

«Однако, – с горечью сказал себе лорд Сэйр, – от меня

ничего не зависит, так пусть хоть у Бертилле останется приятное впечатление об этом путешествии».

Бертилла думала о том же.

«Я его никогда не забуду, – говорила она себе. – Я не забуду его доброту, буду помнить звук его голоса и выражение красивого лица».

Она была убеждена, что никогда больше не встретит такого красивого мужчину, такую сильную и оригинальную личность.

Разумеется, он мог бы сделать в жизни не меньше, чем сэр Стамфорд Раффлз, а может, и больше. Он умеет руководить и отдавать распоряжения, люди охотно последуют за ним, потому что он сумеет их воодушевить.

Вполне понятно, что женщины считают его неотразимым и безнадежно влюбляются в него.

Лежа без сна в ночной темноте, она, быть может, станет гадать, что он говорит им в минуты любви и каковы его... поцелуи... При этой мысли Бертилла вспыхнула.

Странное и незнакомое ощущение возникло у нее в груди, когда локоть лорда Сэйра, опиравшегося на поручень рядом с Бертиллой, коснулся ее локтя.

Лорд Сэйр оставался возле нее недолго, и когда его шаги стали удаляться вниз по трапу, девушка почувствовала, что сердце ее следует за ним.

Послезавтра рано утром корабль причалит в гавани Сингапура.

Лорд Сэйр попросается с ней, и хотя он говорил, что постарается устроить поездку по стране, ему будет не до этого, когда его окружают важные официальные и просто значительные лица, ожидающие его в Сингапуре. Он просто забудет о ней.

Там, конечно, будут и красивые женщины, и, возможно, он найдет их такими же привлекательными, как леди Гертруда... и миссис Муррей.

Бертилла не видела миссис Муррей, потому что та сошла в Александрии, но очень много слышала о ней от леди Эллентон, и увлеченность лорда Сэйра этой женщиной предстала перед ней в пересказе.

А еще была какая-то неизвестная Дэзи, упоминались и многие другие имена в разговорах, которые дамы на корабле постоянно вели о лорде Сэйре, будто им больше нечем было заняться.

Даже неизменные сплетни о принце Уэльском и его нескончаемых увлечениях не интересовали дам так сильно, как любовные дела лорда Сэйра, тем более что он находился у них перед глазами и они отдавали должное его несомненному обаянию в своих панегириках.

Бертилла слушала все это, но восхищение ее своим благодетелем ничуть не уменьшалось. Просто к ее отношению добавлялось нечто новое.

Да разве может мужчина, такой красивый и такой неотразимый, не подвергаться преследованию женщин? А поскольку-

ку он тоже человек, то и сам ими увлекается.

Бертилле ни на минуту не приходило в голову, что он может заинтересоваться ею.

Она считала себя незначительной и незаметной, а лорд Сэйр принадлежал недоступному ей миру.

Она была всего только признательна, как нищий у его дверей, за те крохи добра, которые он уделил ей. Он воплощал в себе героев ее девичьих мечтаний и тех рыцарей, о которых она читала в книгах.

Солнце склонялось к закату, стало прохладнее, хотя жара еще не совсем спала.

Большинство пассажиров даже ленились подняться из шезлонгов и взглянуть на берега, мимо которых они проплывали.

Там были мангровые леса⁵, илестые отмели, скалистые обрывы и коралловые рифы, а все остальное тонуло в зелени деревьев.

Многие деревья были отягощены плодами, другие усыпаны невероятно яркими цветами, такими прекрасными, что Бертилле очень захотелось взглянуть на них поближе.

Она переделалась в вечернее платье и, услышав сигнал к обеду, вошла в салон и первым делом взглянула на столик, за которым, как всегда в одиночестве, сидел лорд Сэйр.

Салон первого класса весьма отличался от столовой вто-

⁵ Мангровые леса – заросли кустов и деревьев с воздушными корнями на приливно-отливной полосе тропических морей.

рого класса, где все пассажиры ели, сидя за общими хромоногими столами.

Здесь каждому пассажиру предоставляли удобное кресло, по углам комнаты были расставлены растения в горшках, негромко играл оркестр, создавая атмосферу радости и удовольствия.

Белоснежные льняные скатерти, безупречная сервировка, готовые к услугам молчаливо застывшие бородатые стюарды – все эти атрибуты роскоши скоро исчезнут для Бертилле навсегда.

Путешествие подходило к концу, и все казались более оживленными, нежели в последние несколько недель изнуряющей жары.

Привлекательные женщины вроде леди Эллентон надели самые нарядные свои платья, их драгоценности так и сверкали при электрическом свете.

После обеда леди Сэндфорд получила приглашение на вист, а Бертилла устроилась в салоне с книжкой.

Ей очень хотелось выйти на палубу, но было не вполне прилично встать и пойти туда одной.

Она решила сделать вид, что отправляется спать; попозже, когда леди Сэндфорд и прочие пассажиры немолодого возраста удалятся на покой, она незаметно проскользнет на палубу.

Бертилле хотелось полюбоваться на фосфоресцирующие волны и на звезды, сияющие над темными деревьями.

В Малайе, казалось ей, есть нечто загадочное и возбуждающее, и что плохого, если сегодня вечером и завтра она позволит себе пренебречь условностями?

Ведь, уехав в Саравак, она никогда больше не встретит никого из своих попутчиков.

Она пожелала спокойной ночи леди Сэндфорд и ушла к себе в каюту, чтобы переждать, сидя в кресле с книгой, пока общество не разойдется.

Довольно скоро захлопали двери и послышались оживленные пожелания: «Приятных снов!» и «До завтра!»

Бертилла поглядела на часы: уже немного за полночь – лорд и леди Сэндфорд теперь явно у себя.

Было так тепло, что Бертилла не стала набрасывать пальто поверх вечернего платья, но достала из ящика комода мягкий шифоновый шарф.

Он принадлежал к числу тех уже не нужных ее матери вещей, которыми снабдила ее Доукинс, и все они и вправду оказались полезными.

Были среди них полоски кружев, которыми Бертилла отделала свои новые платья, были пояса разного цвета – надевая их попеременно с одним и тем же платьем, она придавала ему иной вид.

Еще были искусственные шелковые цветы – их Бертилла прикрепила к корсажу сшитого ею скромного вечернего платья.

Она накинула на плечи шарф и повернулась к зеркалу

проверить, в порядке ли прическа.

Быть может, хотя она и не смела на это рассчитывать, лорд Сэйр опять поднимется к ней на верхнюю палубу.

Внезапно Бертилла услышала шум за дверью, он становился громче с каждой секундой; она отворила дверь и увидела, что коридор полон дыма.

Должно быть, от изумления она открыла рот, потому что в следующее мгновение начала кашлять, а глаза у нее заслезились.

Она поспешила на площадку, на которую выходила дверь кабинета казначея, и обнаружила там толпу пассажиров не только первого класса, но и нижних палуб.

Она увидела малайцев, индийцев, китайцев и подумала, что, видимо, пожар начался в нижних отсеках корабля, и все люди устремились наверх.

– Пожар! Пожар!

Стюарды вновь и вновь выкрикивали это слово, а команда пыталась собрать людей на палубе и навести хоть какой-то порядок.

– Идите к шлюпкам! Идите к шлюпкам! Инструкцию повторяли снова и снова.

Толпа несла Бертиллу к выходу на палубу, и тут она вдруг увидела черноволосую голову мистера Ван да Кемпфера, поднимающегося по лестнице наверх.

Инстинктивно, потому что боялась этого человека, Бертилла начала проталкиваться против общего движения к

шлюпкам и наконец спряталась в кофейной.

Эта комната была расположена рядом с кабинетом казначея и вроде бы пустовала.

Бертилла могла наблюдать через большие иллюминаторы за тем, что происходит на палубе; ей показалось, что особенно спешить незачем.

Надо набраться терпения и подождать, пока мистер Ван да Кемпфер не уедет в одной из первых шлюпок, тогда она сможет выйти.

Шлюпки спускали на воду одну за другой, офицеры помогали женщинам и детям сесть в них и следили за тем, чтобы в лодке было достаточно мужчин, способных грести.

Все шло своим чередом, никакой паники, только кое-кто из ребятишек плакал, а мамыши были бледные и обеспокоенные.

Тем не менее шум стоял оглушительный не только из-за громких выкриков членов команды, но и потому, что пароводные сирены были включены на полную мощность.

Бертилла увидела из своего убежища в кофейной, как две или даже три шлюпки отвалили от борта и поплыли к берегу, постепенно скрываясь в темноте.

Хорошо хоть, берег недалеко, значит, лодкам плыть придется недолго.

Все происходило очень быстро, но с нижних палуб, кажется, еще поднимались люди.

Внезапно Бертилла услышала звук взрыва, корабль со-

дрогнулся.

Надо было поскорее выйти на палубу и найти место в шлюпке.

Но ей очень не хотелось попасть в толпу на палубе; казалось, что в кофейной безопаснее и вообще не так страшно.

Потом она увидела лорда Сэйра.

Он по-прежнему был в вечернем костюме – значит, до пожара не ложился в постель.

Вместе с корабельными офицерами он распределял людей по шлюпкам и очень резко говорил с каким-то мужчиной, который хотел попасть в лодку раньше пожилой женщины.

Лорд Сэйр держался совершенно спокойно, и Бертилла подумала, что он выделяется среди всех.

Казалось, люди, к которым он обращался, верили ему так же, как верила она, и были убеждены, что он обеспечит им безопасность.

Она так увлеченно наблюдала за ним, что не заметила, как опустела площадка возле кофейной комнаты.

Опустела и палуба, на ней уже не осталось офицеров, занимающихся высадкой пассажиров в шлюпки.

Бертилла поняла, что пора уходить.

Когда она появилась на палубе, один из офицеров обратился к ней почти со злостью:

– Где же вы были, мадам? Все женщины уже отправлены на берег.

Он взял ее за руку и быстро повел к шлюпке, которая бы-

ла почти заполнена людьми; лорд Сэйр обернулся и увидел Бертилла.

– Бертилла! – воскликнул он. – Я думал, вы давно отплыли.

С этими словами он поднял ее и перенес в шлюпку.

Только теперь, повернувшись лицом к кораблю, Бертилла увидела, что пламя вырывается из иллюминаторов салона и что весь корабль окутан дымом.

– Полагаю, что теперь все, – сказал офицер лорду Сэйру. – Садитесь и вы, милорд.

Лорд Сэйр подчинился, за ним последовал офицер, и шлюпку спустили на воду.

И тут Бертилла увидела, что вся корма корабля охвачена огнем.

– Отталкивайтесь! Отталкивайтесь! – закричал офицер.

Гребцы повиновались; в это время где-то внутри горящего судна раздался новый взрыв, и корабль накренился.

Красно-золотые языки пламени рвались к небу; «Коромандел» лег на правый борт и начал погружаться в воду.

– Корабль тонет! – крикнули в шлюпке.

– С этим уже ничего не поделаешь, – отозвался кто-то.

– Гребите к берегу! – скомандовал офицер.

Бертилла теперь видела, что до берега куда дальше, чем ей казалось с борта.

С уровня воды темная масса деревьев представлялась невероятно далекой.

Сделалось так темно, что другие шлюпки, плывущие к берегу, невозможно стало различить; слышался только плеск весел.

Лорд Сэйр пробрался к Бертилле и сел с нею рядом.

– Ну как, все в порядке? – спросил он. Она очень обрадовалась, что он рядом с ней, и

поначалу не могла думать ни о чем другом; потом спохватилась и ответила:

– Все хорошо! Что случилось на корабле?

– Кажется, взрыв в машинном отделении, с возникшим огнем не справились, – ответил лорд Сэйр. – Но я думаю, что до точного объяснения вряд ли докопаются.

Он посмотрел в ту сторону, где «Коромандел» в сиянии пламени, которое вздымалось выше мачт, уходил в забвение.

– Лорд и леди Сэндфорд в безопасности? – спросила Бертилла.

– Я сам проследил за этим, – сказал лорд Сэйр. – Почему вы не отплыли вместе с ними?

– Была такая толпа, – ответила Бертилла, – и к тому же я подумала, что глупо поддаваться всеобщей спешке.

– Вы могли и опоздать.

Он снова посмотрел на горящий корабль. Не могла же Бертилла сказать ему, что наблюдала за ним и в его присутствии интуитивно чувствовала себя в безопасности.

Наконец лодка настолько приблизилась к берегу, что можно было увидеть мерцающие на нем огоньки.

– Куда мы подплывем? И что с нами будет, когда мы высадимся? – спросила Бертилла.

Лорд Сэйр, почувствовав в ее голосе беспокойство, повернул к девушке голову и улыбнулся.

– Мы будем в полной безопасности, – заверил он ее. – Малайцы очень дружелюбны, а поскольку мы уже недалеко от Сингапура, можно быть уверенными, что для нас найдутся и кров, и постель.

Он говорил убедительно и неожиданно взял руки Бертилле в свои.

– Ведь вы не боитесь? – спросил он.

– Нет... пока я с вами, – ответила она.

Его пальцы слегка сжались, и чуть погодя Бертилла проговорила, посмеиваясь:

– Вы спасаете меня уже в третий раз, но теперь в этом нет моей вины.

– Что, без сомнения, весьма утешительно, – согласился лорд Сэйр, и Бертилла поняла по его тону, что он улыбается.

Офицер отдал команду причаливать.

Гребцы опустили весла; двое-трое из них спрыгнули в воду и подтащили лодку к каменистому берегу.

Пассажиры с других шлюпок были уже на суше, с некоторого отдаления доносились их голоса.

Появились обнаженные до пояса малайцы с фонарями, как подумала было Бертилла, но у многих были просто факелы.

Она сидела рядом с лордом Сэйром и ждала, пока все не выйдут на берег, потом лорд Сэйр помог ей перебраться через скамейки, а корабельный офицер перенес ее на землю.

Туземец говорили на непонятном языке – малайском, как решила Бертилла.

Многие пассажиры понимали их речь, а порой объяснялись сами, китайцы же вполне могли говорить на родном языке – малайцы его знали.

Только теперь до Бертиллы дошло, что она в шлюпке – единственная женщина.

– Я полагаю, милорд, – обратился офицер к лорду Сэйру, – что эти люди помогут найти приют для вас и для леди.

Как бы в ответ на это замечание стоявший рядом с ним туземец произнес на ломаном английском:

– Найду вам место, где спать эту ночь.

– Есть здесь поблизости дом, принадлежащий европейцу? – осведомился лорд Сэйр.

– Я его спрошу, – предложил офицер и обратился к малайцу на его родном языке, на что тот разразился целым потоком слов.

– Он говорит, – начал переводить офицер, едва туземец умолк, чтобы перевести дух, – что ближайший приличный дом, где живут белые люди, находится в одной миле отсюда, но идти придется через лес. Он вас проводит, если вы ему заплатите.

– Ему непременно заплатят, – ответил лорд Сэйр. – Спро-

сите, как зовут хозяина дома.

Офицер выполнил просьбу и сказал, поговорив с малайцем:

– Этот человек называет имя, похожее на Хендерсон.

– Отлично! – обрадовался лорд Сэйр. – Я его знаю. Попросите туземца проводить нас, я его щедро вознагражу.

Моряк взгляделся в окружающие их темные деревья.

– Вы считаете, что все будет в порядке, милорд?

– Надеюсь, – ответил лорд Сэйр. – Мне известно, что здешние леса считаются непроходимыми, но у туземцев всегда есть свои тропки.

– Это верно, – согласился офицер, – но, может, лучше дождаться рассвета?

– Да нет, мы, пожалуй, рискнем, – сказал лорд Сэйр.

Спохватившись, он обратился к Бертилле:

– Разумеется, если вы согласны.

– Да, конечно, – ответила она.

Морской офицер объяснил малайцу, что от него требуется, и тот зашагал по берегу, держа в руке фонарь со вставленной в него свечой.

Лорд Сэйр и Бертилла последовали за ним и едва сошли с прибрежной гальки, как оказались в лесу.

Деревья высились совсем близко к кромке воды, и на фоне неба их громады казались совсем темными и пугающими. Малаец шел впереди, петляя между стволами и ловко избегая зарослей кустов и опутывающих все лиан.

Словно бы поняв, что это придаст Бертилле храбрости, лорд Сэйр взял ее под руку и повел за собой, словно ребенка.

Она крепко держалась за него.

Море осталось позади, и все, что они теперь видели, был свет фонаря да отблески этого света на стволах деревьев и зелени кустов.

Шли они медленно, и Бертилла наконец ощутила то, что в путеводителе по Малайе называли «чудесными ночными ароматами леса».

Необычные неизведанные запахи исходили от стволов деревьев, от цветов, которыми были усыпаны их ветви, и от цветов, растущих на земле.

Они шли и шли, окруженные загадочной жизнью леса, и Бертилла мало-помалу начала прислушиваться.

Она слышала движения мелких животных в подлеске, трепетание крыльев испугнутых птиц, а может, то были белки-летяги, которых ей так хотелось увидеть.

Она гадала, видят ли их сейчас обезьяны... а чего доброго, и тигры затаились где-то во тьме.

Ее пальцы непроизвольно сжались крепче, и лорд Сэйр остановился, чтобы спросить:

– Что-то не так? Мы не слишком быстро идем?

– Нет-нет, все в порядке, – ответила Бертилла.

– Не страшно?

– С вами нет, но будь я одна...

– Я защищу вас, – сказал он весело. – Боюсь только, что

единственное мое оружие – это голые руки.

– Слабое оружие против тигра.

– Уверен, что с тигром справится наш проводник.

С этими словами он бросил взгляд на идущего впереди малайца, Бертилла тоже пригляделась к нему и увидела в правой руке у туземца примитивное копьё.

– Как видите, у нас вооруженная охрана, – усмехнулся лорд Сэйр.

Она понимала, что он старается подбодрить ее: ведь он же чувствовал, что лес кажется ей угрожающим и таинственным.

Как было бы ужасно оказаться на борту горящего корабля без лорда Сэйра, подумала Бертилла. Хуже всего, если бы в роли ее покровителя выступил мистер Ван да Кемпфер.

Но ей повезло: она в безопасности, когда ее держит за руку лорд Сэйр. Мало того, она неожиданно оказалась наедине с ним.

– В конце концов, – заговорила она, – это просто необычайное приключение, и в свое время о нем напишут в вашей биографии.

– Вам все еще представляется, что я прославлюсь и удостоюсь такой чести?

– Само собой разумеется! – воскликнула она. – Они расскажут в этой биографии, как вы блуждали по джунглям Малайи и задушили тигра голыми руками, чем спасли множество людей от безвременной гибели.

Его звонкий смех нарушил лесную тишину.

– Вы просто задались целью сделать из меня героя, – сказал он, – а поскольку мне это весьма лестно, не стану вам перечить.

Тем временем деревья начали редеть, а немного погодя впереди показался свет.

– Хендерсон... дом... – заявил проводник, показывая пальцем.

Он пошел быстрее, видимо, желая поскорее получить обещанные деньги.

Когда они подошли ближе, Бертилла увидела, что дом представляет собой очень большое бунгало с островерхой черепичной крышей.

Несмотря на поздний час, почти во всех окнах горел свет; они вошли в сад, и тут Бертилла заметила, что дом окружен верандой.

Очевидно, у них там вечерний прием в разгаре, подумала девушка, и ей вдруг стало неловко за свой внешний вид.

Она была в том же простом платье, которое надела по случаю обеда, и в накинутом на плечи шифоновом шарфе.

Волосы ее всю дорогу цеплялись за ветки деревьев и кустов, подол платья и туфли были в грязи и в пятнах зелени.

Она поглядела на лорда Сэйра и подумала, что ему хоть сейчас в какой-нибудь лондонский бальный зал.

Только бы ему не пришлось стыдиться за нее! Очень хотелось бы на это надеяться.

Они поднялись на веранду, и проводник громко постучал по распахнутой двери.

В доме послышался говор нескольких голосов, а потом чей-то один – мужской – произнес:

– Кто бы это мог явиться в такое время?

В дверях показался седой загорелый мужчина в белом костюме; в руке он держал стакан.

Лорд Сэйр выступил вперед и воскликнул:

– Мистер Хендерсон! Я – лорд Сэйр. Мы не встречались уже несколько лет. Корабль, на котором я направлялся в Сингапур, затонул в Малаккском проливе.

– Боже милостивый! – отозвался мистер Хендерсон и протянул руку. – Разумеется, я помню вас, лорд Сэйр. Мы встречались в доме губернатора. Вы говорите, что ваш корабль затонул?

– На «Короманделе» вспыхнул пожар, но все, кто был на борту, спасены.

– Благодарение небесам! – сказал мистер Хендерсон. – Но входите же!

– Позвольте представить вам мисс Бертиллиу Элвинстон, мою спутницу.

Бертилла подала руку, и мистер Хендерсон сердечно ее пожал.

Лорд Сэйр вознаградил проводника несколькими золотыми монетами, после чего неожиданных гостей провели в уютную гостиную, в которой сидели и выпивали человек шесть

гостей.

Миссис Хендерсон была пухленькая улыбчивая женщина средних лет, прямо-таки источавшая приветливость и доброту.

Гости, по-видимому, были плантаторы, как и хозяин дома.

Они засыпали лорда Сэйра вопросами и, пока он рассказывал о событиях на корабле, то и дело издавали восклицания ужаса.

– А куда же направились другие пассажиры? – спросила миссис Хендерсон.

– Да кругом здесь полно домов, где их могут приютить, – ответил ее муж. – Хотя бы Фрэнклины и Уотсоны, они живут близко к морю, как и мы.

– Я взял бы на себя смелость сказать, – вставил свое слово лорд Сэйр, – что большинство пассажиров побоялось бы ночью идти через лес. Когда я спросил, чей дом находится ближе всех, мне назвали ваш, вот я и пошел на риск добираться к вам в темноте.

– Очень рада, что вы пошли на этот риск, – улыбнулась миссис Хендерсон.

Она позвонила слугам и велела принести еду и питье для лорда Сэйра и Бертилы.

По случаю их появления начались бурные разговоры, все пришли в невероятное возбуждение, и только через час Бертилла почувствовала, что ей очень хочется спать.

Миссис Хендерсон заметила это.

– Если вы в чем-то сильно нуждаетесь, дорогая, – сказала она, – так это в крепком сне.

– Увы, у нас с собой только то, что на нас надето, – заметил лорд Сэйр, прежде чем Бертилла откликнулась на слова хозяйки.

– Мы снабдим вас всем необходимым, – заявила миссис Хендерсон. – Вы, лорд Сэйр, прекрасно знаете, что сингапурские портные самые быстрые в мире. Мы закажем вам здесь гардероб не хуже, чем в Лондоне, и получим все в готовом виде через двадцать четыре часа.

– Надеюсь, вы правы, – сказал лорд Сэйр. – У меня вовсе нет желания явиться к губернатору в вечернем костюме.

– Мы этого и не допустим, – пообещала миссис Хендерсон.

Вскоре Бертилла последовала за хозяйкой дома, которая повела ее в предназначенную девушке спальню; по дороге туда она думала, как же ей при ее скудных средствах расплатиться за новые наряды.

Бертилла проснулась оттого, что солнце заглянуло в окна уютной и красивой спальни, выходявшей прямо в сад.

Девушка подошла к окну и пришла в восторг, впервые в жизни увидев такое количество цветущих орхидей.

До сих пор она видела эти цветы редко: мать иногда прикалывала орхидею на вечернее платье, а на великосветских свадьбах ими украшали себя невесты.

Но она и не мыслила, что когда-нибудь увидит тысячи ор-

хидей всех оттенков растущими на клумбах; очевидно, путеводитель не лгал, утверждая, что эти цветы распространены по всей стране в диком виде.

Бертилла размышляла о том, что придется надеть к завтраку все то же вечернее платье, как вдруг появилась горничная с платьем в руках.

Платье принадлежало дочери миссис Хендерсон, объяснила горничная. Оно вполне подошло Бертилле, разве что оказалось чуть широко в талии.

Платье было гораздо дороже и красивее ее собственных, оно очень шло к ее волосам, и девушка надеялась, что теперь лорду Сэйру не придется ее стесняться.

Одевшись, она в некотором смущении спустилась на веранду, где, как ей сказали, завтракали хозяин с хозяйкой.

Она обнаружила, что лорд Сэйр, как и она, позаимствовал дневной костюм и выглядел совершенно по-иному в белой чесуче.

– Мы уже послали в Сингапур за портными, – объявила миссис Хендерсон, поздоровавшись с Бертиллой, – и теперь вам остается только сделать покупки, не заходя в магазин. Должна заметить, что меня это особенно радует в жизни на Востоке.

– Боюсь, что не смогу приобрести для себя что-то дорогое, – сказала Бертилла, вспомнив, что ей придется оплачивать проживание в отеле, пока она не уедет в Саравак.

– Пусть это вас не беспокоит, – вмешался лорд Сэйр, – я

совершенно уверен, что мы получим от пароходной компании полную компенсацию за то, что потеряли.

Он ободряюще улыбнулся Бертилле и добавил:

– Единственная сложность в том, что нам придется подождать, пока уладят дело со страховой компанией, но на это время, Бертилла, позвольте мне быть вашим банкиром.

– Вы очень любезны, – начала Бертилла, – однако...

Тут она примолкла, сообразив, насколько неловко в присутствии посторонних объяснять ему, что она не хочет быть ему обузой.

Но прежде чем она заговорила снова, в разговор вступила миссис Хендерсон:

– Пожалуйста, лорд Сэйр, не беспокойтесь о подобных мелочах. Я намерена позаботиться о мисс Элвинстон, а лучше сказать – о Бертилле, если она мне позволит. Прошло так много времени с тех пор, как я одевала свою дочь. Моя девочка вышла замуж пять лет назад, так пусть это будет моим подарком новой гостье Сингапура.

Бертилла пыталась протестовать, но миссис Хендерсон миг отмела все ее возражения.

– Я сама этого хочу, – заявила она, – а мой муж подтвердит, что, если я себе вбила что-нибудь в голову, противиться мне бесполезно.

А вскоре Бертилла оценила, как это замечательно, что портные, все сплошь китайцы, приехали прямо сюда со свертками материи, которые они разложили на веранде для

обозрения.

Там были атлас, лами, разнообразные вышитые шелка, один красивее другого.

Бертилла растерялась, но миссис Хендерсон отлично знала, чего она хочет, и проявила твердость и дотошность в выборе материи.

– Пожалуйста... пожалуйста, больше не нужно, – твердила девушка, но хозяйка дома и не думала ее слушаться.

– В Сараваке мне все равно некуда будет надевать эти платья, – произнесла она наконец в полной растерянности.

– В Сараваке? – воскликнула миссис Хендерсон. – Чего ради вы поедете в Саравак?

– Я должна там жить со своей тетей.

– Ну, знаете, вы и в самом деле шкатулка с сюрпризами! – сказала изумленная миссис Хендерсон. – Вот уж никак не могла подумать, что вы в вашем возрасте захотите жить в такой глуши.

– У меня нет выбора.

– Насколько мне известно, в Сараваке очень скучно, но вам в утешение приятно будет иметь несколько хороших платьев, – сказала миссис Хендерсон. – Думаю, не стоит особо спешить уезжать туда, и в Сингапуре успеют полюбоваться вашими новыми нарядами.

Бертилла не нашлась, что возразить на это.

Про себя она считала, что по долгу совести ей следует уехать в Саравак как можно скорее.

Но не могла же она в самом деле уехать туда в одном вечернем платье, в котором явилась к Хендерсонам и которое, как она не без оснований полагала, сильно пострадало от прогулки по лесу.

– Предоставьте все мне, – решительно произнесла миссис Хендерсон, и в эту минуту Бертилла была счастлива ей поклониться.

За ленчем она узнала, что лорд и леди Сэндфорд в полной безопасности и уже перебрались из неудобного помещения, где они ночевали, в дом плантатора в нескольких милях отсюда.

– Я известил их о том, что мы здесь и устроились очень хорошо, – сообщил Бертилле лорд Сэйр.

– Очень рада, – ответила она. – Я не хотела бы, чтобы леди Сэндфорд беспокоилась обо мне.

– Правильнее было бы уехать вам вместе с ней, когда пожар только начался, – сказал лорд Сэйр.

Но при этом он улыбнулся, и Бертилла поняла, что он все не упрекает ее.

– Я предпочла бы уехать с вами, – честно призналась она. – И... миссис Хендерсон так добра.

– Если вас беспокоит то, что она тратится на вас, – понизив голос, проговорил лорд Сэйр, – то позвольте вас заверить, что Хендерсоны очень богаты и могут себе позволить быть щедрыми.

Бертилла ответила ему кроткой улыбкой – в благодар-

ность за то, что он понимает и щадит ее чувства.

А он подумал, что, несмотря на одолженное ею нарядное платье, несмотря на улыбку, в растерянности этой девушки есть что-то трогательное.

Впервые в жизни он испытал желание защитить женщину и уберечь ее от тяжелых и неприятных ощущений.

В прошлом если кто и нуждался в защите, так это прежде всего он сам.

«Богини» вроде Гертруды да и прочие его возлюбленные вполне могли сами постоять за себя и своими силами добиться в этом мире всего, чего хотят.

Вопреки женственности их облика по сути они были истинными амазонками, женщинами, готовыми сражаться за все, чего им хотелось.

А Бертилла совсем другая...

Дело не просто в том, что он от души стремился успокоить ее, когда ей становилось страшно; дело в том, что она всегда казалась слишком маленькой и неуверенной в себе, чтобы оставаться одной.

Глядя, как она отворачивается от него и смотрит в сад, залитый солнцем, лорд Сэйр понимал, что она опасается, как бы не стать обузой для него.

Любая другая женщина в подобных обстоятельствах требовала бы его внимания, считала бы себя вправе повелевать им и при этом претендовала бы на лесть и на всеобщее сочувствие.

Бертилла же, напротив, старалась избежать малейшего внимания к своей особе.

Однако он заметил, что благодаря своему обаянию и тому, что она умела слушать людей не только ушами, но и всей душой, им нравилось говорить с ней и находиться в ее обществе.

– Бертилла – очень милая девушка, – сказала лорду Сэйру миссис Хендерсон в тот же вечер, когда Бертилла уже ушла к себе в комнату.

– Она еще очень молода, и все происходящее удивляет ее, – ответил он.

– Не настолько она молода, чтобы не думать и не чувствовать, – возразила миссис Хендерсон. – Она с такой радостью принимает то, что для нее делают. В наши дни это необычно. Большинство людей, старых и молодых, считают сейчас, что все им обязаны.

Именно так и поступали в прошлом все женщины, которых он знал, подумал лорд Сэйр.

– Что это за чепуха насчет того, что девушка должна ехать в Саравак? – спросила миссис Хендерсон.

– Я понял, что ее мать, леди Элвинстон, отправила дочь жить с теткой в Сараваке.

Миссис Хендерсон подняла глаза на лорда Сэйра.

– Вы имеете в виду Агату Элвинстон, когда говорите о тетке Бертилле?

– Полагаю, что именно так ее и зовут.

– Милостивый Боже, Бертилле ждет ужасная жизнь с этой старой ведьмой! Время от времени она приезжает в Сингапур и надоедает всем, и клянчит деньги у всех; люди готовы отдать ей что угодно, только бы отвязаться от нее!

Миссис Хендерсон помолчала и добавила:

– Теперь я припоминаю, что сэр Чарлз Брук рассказывал о ней, когда мы обедали у губернатора в прошлом году. Мы сидели за столом, и кто-то – сейчас уже не помню кто – заговорил о миссионерах.

– Я убежден, что в этой части света они совершенно не нужны, – вставил лорд Сэйр.

– Да, так они и в самом деле говорили о миссис Элвинстон. Хотелось бы мне вспомнить, что именно, однако у меня все вылетело из головы.

Лорд Сэйр ничего не ответил, и миссис Хендерсон заговорила снова:

– Вы должны удержать Бертилле от поездки в Саравак! Ей вовсе ни к чему тратить жизнь на то, чтобы обращать в христианство охотников за головами, которые и без того счастливы.

– Боюсь, что судьба Бертилле от меня не зависит, – улыbnувшись, проговорил лорд Сэйр, – но мне, конечно, очень жаль девушку.

Миссис Хендерсон с некоторым трудом поднялась с кресла, на котором до сих пор сидела.

– Возможно, сейчас ее судьба и не зависит от вас, лорд

Сэйр, – сказала она, – но если позволите, я бы посоветовала вам принять в ней участие.

С этими словами она вышла из комнаты, а лорд Сэйр в полном изумлении уставился ей вслед.

Немного погодя он поднялся и налил себе выпить.

Глава 5

Лорд Сэйр окинул комнату взглядом, но не увидел Бертилли.

Зато здесь толпилось множество народу – всех этих людей Хендерсоны пригласили познакомиться с приезжими.

Некоторые из близких соседей привезли с собой пассажиров с «Коромандела», неожиданно попавших к ним в качестве гостей.

Среди них лорд Сэйр увидел немало знакомых лиц; лорда и леди Сэндфорд не было, зато блистала своим присутствием леди Эллентон.

Плантаторы Малайи были народ веселый, они то и дело разражались громким и сердечным смехом.

Веселья добавил популярный здесь напиток под названием «пунш плантатора».

Главной составной его частью был ром, смешанный с небольшим количеством местного бренди, а также с различными фруктовыми соками, в частности, с ананасовым.

Многие из гостей танцевали в соседней комнате, крупная и очень шумная женщина аккомпанировала танцам на фортепиано.

Время от времени эта женщина принималась петь, остальные подхватывали, и танцы час от часу делались все оживленнее.

Лорд Сэйр вышел на веранду и обнаружил там такую же толпу, из которой то и дело слышались восклицания «Бой!», означавшие требование принести еще спиртного.

Он предположил, что Бертилла удалилась в сад в поисках уединенного местечка: она и на корабле избегала всякого рода сборищ.

Он побродил между клумбами орхидей и деревьями красного жасмина в цвету и в конце концов нашел девушку.

Бертилла стояла и любовалась пейзажем, таким светлым и загадочным в лунном сиянии.

Она была в новом платье, сшитом, как и обещала миссис Хендерсон, в течение суток; лорд Сэйр уже видел Бертиллу в этом наряде за обедом и нашел, что платье очень ей идет.

До сих пор он видел девушку одетой просто и даже бедно. Платье, выбранное миссис Хендерсон, снабжено было даже небольшим, но весьма элегантным турнюром.

С обеих сторон турнюр украшали букетики искусственных розовых розочек, такие же цветы прикреплены были к низко вырезанному корсажу.

Такое платье с восторгом надела бы любая из лондонских светских дебютанток; когда Бертилла вошла в комнату и посмотрела на лорда Сэйра, он понял, что она безмолвно спрашивает, одобрил ли он ее платье.

И вообще он заметил, что со времени их прихода в дом Хендерсонов она постоянно ищет его одобрения ее словам и поступкам.

Нет, она не задавала ему неловких вопросов и не ждала комплиментов, как сделала бы любая другая женщина; она просто поднимала на него свои серые глаза и по выражению его глаз узнавала ответ.

«Она нуждается в руководстве», – чуть ли не сто раз повторял себе лорд Сэйр.

Однако столь же часто он говорил себе, что было бы ошибкой слишком решительно вмешиваться в будущее Бертилле: ведь он не властен предложить ей вместо жизни у тетки в Сараваке иной вариант.

И тем не менее он невольно задумывался, каким образом Бертилла могла бы зарабатывать себе на жизнь в Сингапуре.

Но ничего не мог придумать, а привлекать к этому миссис Хендерсон не хотел.

Тейдон безошибочно догадывался, что милая дама намерена сыграть в данном случае роль свахи, и это его раздражало: с какой стати, стоит ему подольше поговорить с женщиной, как уже кто-то непременно ожидает звона свадебных колоколов.

Но не думать о Бертилле и ее проблемах он не мог; лорд Сэйр замечал, что в счастливой, простосердечной атмосфере дома Хендерсонов девушка начинает расцветать, как цветок в саду.

Он пристально наблюдал за тем, как разгораются ясным светом ее глаза, веселеет улыбка, исчезает прежняя неуверенность в себе.

«Это все ее чертова мамаша, – рассуждал он сам с собой. – Из-за нее Бертилла так всего боится».

Чем-то эта девочка напоминает щенка, готового доверять всем на свете, пока не столкнется с тычками и грубостью вместо доброго отношения.

Глядя сейчас на девушку на фоне цветущего жасмина, он вдруг подумал, что слегка опасается, не обидел бы ее кто-нибудь из плантаторов.

Во время обеда он заметил, что мужчины помоложе настойчиво ищут ее общества.

Такая привлекательная девушка, как Бертилла, непременно столкнется в этой стране и с домогательствами, и с соблазнами: ведь здесь так мало молодых и хорошеньких англичанок.

Тейдон прекрасно помнил, с каким страхом в глазах говорила Бертилла о голландце на борту «Коромандела», и дал себе слово, если это будет в его силах, не допустить ничего подобного в дальнейшем.

Он почти бесшумно ступал по траве, но Бертилла почувствовала его присутствие, повернула к нему голову раньше, чем он подошел поближе, и при лунном свете Тейдон увидел улыбку у нее на губах.

– Я гадал, куда это вы запропастились, – сказал он.

– Здесь так красиво, – отозвалась Бертилла. – Что может быть прекраснее?

– А там, в доме, многие джентльмены хотели бы потанце-

вать с вами.

– Я предпочла бы побыть здесь, особенно теперь, когда вы...

Фраза показалась ей слишком личной, и Бертилла не стала договаривать; немного погодя лорд Сэйр сказал:

– Хочу предупредить вас, что завтра я уезжаю с мистером Хендерсоном осматривать его плантацию. Владения у него обширные, и на осмотр у нас уйдет весь день. Хендерсон выращивает немало новых культур, которыми раньше в Малайе никто не занимался. Хочу познакомиться с результатами.

Он намеренно рассказал ей подробно о том, что ему предстоит сделать, помня о своем обещании показать ей страну: ему не хотелось, чтобы она огорчилась, что на этот раз не поедет с ним.

Поездка предстояла чисто деловая, впечатления от нее он должен был включить в свой отчет по возвращении в Англию.

Бертилла промолчала, и немного погодя лорд Сэйр заговорил снова:

– Я уверен, что найду день, когда попрошу вас сопровождать меня.

Бертилла слегка отвернулась от него и негромко спросила:
– Как долго могу я оставаться здесь? Может быть, мне следует ехать в Саравак?

– Я ждал этого вопроса, – ответил лорд Сэйр. – Незачем спешить, Бертилла. Миссис Хендерсон не устает твердить,

как она рада, что вы у нее гостите.

– Она очень добра.

– Вы еще узнаете, что люди в Малайе вообще добры и любезны, им нравится, когда у них гостят подолгу. Именно поэтому я и хотел предложить вам, чтобы вы побыли у Хендерсонов несколько недель.

– Это возможно?

В голосе ее лорд Сэйр услышал неприкрытую радость.

– Почему же нет? – сказал он. – Я не собираюсь перебираться и правительственную резиденцию, пока полностью не восстановлю свои гардероб.

– Боюсь, что на корабле вы потеряли гораздо больше, чем свой гардероб.

Лорд Сэйр подивился тому, что Бертилла с присущей ей тонкостью оценила его невосполнимую потерю: пропали все его заметки, книги и много важных бумаг.

Вслух он произнес:

– Может, оно и к лучшему, что теперь, разнообразия ради, мне придется положиться на собственную память. Те, кто постоянно имеет дело с бюрократией, рано или поздно становятся рабами написанного слова.

– Ваш ум, мне кажется, справится с делом лучше любого меморандума.

– Хочется надеяться, что вы правы, хоть сам я в этом сильно сомневаюсь! – улыбнулся лорд Сэйр.

– А когда вы переедете в Сингапур, сколько вы там про-

будете?

Сам удивляясь своей проницательности, лорд Сэйр понял, чем вызван ее вопрос: когда он где-то поблизости, Бертилле есть к кому обратиться в беде, у кого попросить помощи и защиты.

И он дал ей тот ответ, которого она ждала:

– Достаточно долго, и прежде чем покину эту часть света, я намерен посетить Суматру, Яву, Бали и – кто знает? – возможно, и Саравак.

– Это и в самом деле возможно... что вы туда приедете?

– Я непременно включу Саравак в свое расписание, – пообещал лорд Сэйр.

Он увидел, что его ответ внезапно пробудил в девушке искорку счастья, и снова подумал, насколько же она ранима, насколько страшит ее, такую юную и неопытную, неведомое будущее.

Подчиняясь импульсу, лорд Сэйр сказал:

– Когда я переберусь в правительственную резиденцию в Сингапуре, то переговорю с губернатором: быть может, удастся устроить так, чтобы вы пожили там у кого-нибудь некоторое время.

Бертилла что-то невнятно пробормотала в ответ, а он продолжал:

– Я знаю, что вам хотелось бы увидеть, как воплотились в действительность за последние тридцать лет планы и мечты сэра Стамфорда Раффлза.

– Было бы просто замечательно взглянуть на порт и на все здания, о которых я читала в подаренной вами книге.

Бертилла помолчала и добавила:

– Я собираюсь остановиться в... недорогом отеле, пока буду ждать парохода, но мне не хотелось бы просить миссис Хендерсон рекомендовать мне такой отель. Она так добра и щедра, что это было бы равносильно просьбе заплатить за меня по счету.

– И речи быть не может, чтобы вы жили в отеле одна, – твердым голосом произнес лорд Сэйр. – Я ведь говорил вам, Бертилла, что в этой стране люди чрезвычайно гостеприимны, и я устрою вас у кого-нибудь в городе в качестве гостыи.

И вдруг осознал, как неприятна ему сама мысль о том, что Бертилле придется из одного нелегкого положения переходить в другое и полагаться на милость чужих людей.

Но и поселить ее одну в гостиничном номере тоже немислимо.

«Только леди Элвинстон могла придумать такой дьявольский план», – мелькнуло у Тейдона в голове, но вслух он сказал:

– Предоставьте это мне. Я что-нибудь придумаю, будьте уверены!

– Нет таких слов, какими можно было бы описать вашу доброту! – слегка задыхаясь от волнения, проговорила Бертилла. – Вчера вечером я как раз думала, что английский язык плохо приспособлен для того, чтобы выражать чувства.

– Пожалуй, это и в самом деле так, – согласился лорд Сэйр, – но вот французы, например, – большие мастера, когда приходится говорить о любви.

Он произнес это небрежно – замечание, которое высказал бы почти автоматически, флиртуя с любой из знакомых женщин.

Однако Бертилла не ответила ему одной из тех остроумных реплик, которые он привык слышать. Вместо этого она проговорила тихим, убитым голосом:

– Любовь – это то, о чем я никогда и ничего... не узнаю в Сараваке.

– Почему вы так считаете? – спросил лорд Сэйр.

– Потому что в подаренной вами книге сказано, что там очень мало европейцев, а те, кто есть, не интересуются миссионерами.

То была неоспоримая правда, и лорду Сэйру нечего было ответить. Но его поразило, насколько верно Бертилла оценивает свое положение.

– Может, все сложится лучше, чем вы предполагаете, – сказал он.

Девушка повернулась к нему и сказала, глядя прямо в глаза:

– Не хочу, чтобы вы думали, будто я жалуясь. Я с огромной радостью стану вспоминать все это, когда у меня... не останется ничего.

Лорда Сэйра глубоко тронула ее искренность.

Бертилла продолжала смотреть на него снизу вверх, лунный свет серебрил ее белокурые волосы, а серые глаза казались темными и загадочными, да и вся она выглядела такой красивой и неземной.

Она точно существо из другого мира, подумал лорд Сэйр, сам не сознавая, что делает, он протянул руки и привлек девушку к себе.

Очарование и прелесть этой ночи, сочувствие и нежность к Бертилле заставили Тейдона забыть об осторожности, благородии и привычном самоконтроле.

Долгую минуту он смотрел на девушку, потом наклонился и поцеловал ее.

Поцеловал нежно и одновременно властно, словно хотел уловить неуловимое и сделать его своим.

Ощувив мягкость и невинность ее губ, внезапную экстаическую дрожь ее тела, он прижался к ней губами еще более властно и со страстью.

Но в страсти оставалась нежность, словно он прикоснулся к цветку.

Бертилле показалось, что небо открылось перед нею, и она там, в обители славы и восторга, невероятных, неопикуемых.

Она лишь понимала, что к этому стремилась, к этому неосознанно рвалась ее душа.

От прикосновения лорда Сэйра все ее существо слилось с ним, она невероятным и чудесным образом сделалась частью его существа.

Его губы привели ее в состояние экстаза, который был ей неведом, ее охватило божественное чувство обожания.

Это любовь!

Это любовь – и даже нечто большее. Это частица Бога, в которого она веровала, и одновременно человеческие и земные радость и восторг.

Оба они не представляли, как долго лорд Сэйр держал ее в объятиях.

Наконец он поднял голову и заглянул в самую глубину ее глаз, а Бертилла раскрыла губы, и Тейдон услышал ее шепот:

– Это самое... чудесное... самое необыкновенное из всего, что было у меня в жизни.

Едва голос ее – мягкий, вибрирующий, полный глубокого восхищения – успел умолкнуть, как по всему саду разнесся, пробудив эхо, внезапный, громкий крик:

– Сэйр! Где вы там, Сэйр?

Это мистер Хендерсон окликал своего самого важного гостя.

Лорд Сэйр инстинктивно выпрямился, а Бертилла, выскользнув из надежного убежища его объятий, скрылась в темноте.

Секунду назад она была здесь – и вот исчезла...

Лорду Сэйру вовсе не хотелось возвращаться в дом после того, как они с Бертиллой упали с волшебной горы в низину обыденности.

Очень медленно он в одиночестве прошел по лужайке к

дому.

Он шел и представлял себе, как Бертилла скрылась в свою комнату и как ей тоже неприятно выходить сейчас к веселящимся гостям, которые столпились на веранде и в гостиной, где музыка гремела все громче.

Он не ошибся в своих предположениях.

Бертилла, проследив, как он возвращается к дому, как освещенный золотым светом из окон подходит к хозяину и поднимается вместе с ним на веранду, направилась к своей комнате.

– Вас ждет старый друг, – услышала Бертилла голос мистера Хендерсона. – Он приехал сюда из Сингапура повидаться с вами.

Больше она не стала слушать.

Осторожно, прячась в тени, обошла дом, отворила заднюю дверь и никем не замеченная проникла к себе в спальню.

До нее слабо доносились голоса и звуки музыки, однако все это не имело значения в сравнении с тем, что происходило у Бертиллы в душе, озаренной светом происшедшего с ней чуда.

Теперь она поняла, что такое любовь, теперь она узнала, что поцелуй может быть счастьем, которое не описать, не выразить словами.

– Я люблю его! – шептала она. – Я люблю его! И он меня поцеловал! Он поцеловал меня, и я стала совсем другой, не

такой, как раньше!

Она твердила себе, что для него это ничего не значит, но для нее – откровение, снизошедшее с небес.

В будущем, когда она останется одна, ей только стоит закрыть глаза, чтобы представить себя в его объятиях и почувствовать на своих губах его губы.

Победная песнь счастья звучала у нее в сердце: какой бы одинокой, какой бы несчастной она ни стала, происшедшего с ней сегодня у нее уже никому не отнять.

Оно принадлежит ей – на все времена; даже если в ее жизни больше не случится ничего подобного, ее бесценное сокровище останется при ней.

Бертилла не легла в постель, а сидела в кресле, чувствуя себя так, словно ее со всех сторон окружал солнечный свет; тело ее неописуемо трепетало, как бы наполняясь новой жизненной силой.

«Я люблю его! Люблю и буду обожать всю жизнь!» – думала она.

Ей ни разу не пришло в голову, что она имеет какие-то права на лорда Сэйра или может, в свою очередь, что-то для него значить.

В его жизни было так много женщин, прекрасных, необычайных, похожих, как ей казалось, на ее мать.

Эти женщины вращались в том же придворном кругу, что и лорд Сэйр; таким незначительным личностям, как Бертилла, входа в это общество нет.

Он был среди этих женщин словно король, и они радостно отдавали ему все, чего бы он ни пожелал, потому что он неотразим.

Но Бертилла понимала, что с ней все иначе, по-другому, особенно.

Ей нечего было отдать ему, и все же он с такой душевной тонкостью, с такой щедростью подарил ей необыкновенное счастье, когда она меньше всего этого ожидала.

Он ее поцеловал!

Бертилла лелеяла ощущение счастья, как лелеет ребенка мать; оно принадлежало ей, и в то же время сама она была его частью.

Она очень долго сидела, перебирая в памяти случившееся и наслаждаясь им.

Когда девушка наконец разделась и легла в постель, в доме стало уже тихо и большинство гостей уехало.

Заснула Бертилла уже на рассвете и даже испугалась, когда, пробудившись, увидела, что утро давно наступило.

Она знала, что лорд Сэйр уже уехал на плантации с мистером Хендерсоном, но поспешила одеться, чтобы поскорее принести хозяйке дома извинения за то, что опоздала к завтраку.

Повернувшись к зеркалу, она ожидала увидеть себя в нем совсем другой, чем прежде, – из-за переполнявшего ее счастья.

Ей показалось, что в глазах зажегся новый свет и даже гу-

бы улыбаются особенно мягко.

Воспоминания обволакивали ее словно золотой дымкой, и Бертилле очень не хотелось выходить из спальни, не хотелось вести обычные разговоры с обыкновенными людьми.

Даже солнечный свет сделался золотистее, и цветы в саду сверкали всеми красками ярче, чем прежде.

Бертилла вышла из своей спальни и пошла по коридору, куда выходили двери комнат для гостей.

Завтрак, как всегда, был накрыт на веранде, а не в столовой, и Бертилла уже собиралась выйти туда, как вдруг услышала, что кто-то назвал ее имя.

Девушки невольно остановилась.

– Что вы думаете о Бертилле Элвинстон? – спросил кто-то.

Голос знакомый... да это же леди Эллентон.

Вчера она присутствовала на вечере, приехала вместе с плантатором по фамилии Уотсон, в доме которого остановилась, и с ходу обрушила на лорда Сэйра такой поток излияний, что Бертилла, уже зная, насколько подобные вещи неприятны лорду Сэйру, вчуже почувствовала себя неловко.

– Я считаю, что эта девушка очень мила, да и манеры у нее прекрасные, – ответила миссис Хендерсон.

Леди Эллентон издала знакомый Бертилле смешок.

– Ничего не могу с собой поделать, – сказала гостя. – Мне кажется забавным, что лорд Сэйр, этот Пират в любви, потерпел крушение, которое само по себе, разумеется, роман-

тично, не с одной из тех очаровательных женщин, в каких он влюблялся раньше, а с этой ничем не примечательной и недоразвитой девочкой.

– Я считаю Бертилли исключительно умной, – сказала миссис Хендерсон.

– Но ее не назовешь утонченной, – возразила леди Эллен-тон, – а я смею вас заверить на основании долгих наблюдений, что лорд Сэйр вступал в любовные связи только с женщинами утонченными.

– Не думаю, что горящий корабль можно считать подходящим местом для любовных отношений, – заметила миссис Хендерсон.

По тону ее Бертилла поняла, что она не одобряет леди Эллен-тон и намерена защищать своих гостей. Но леди Эллен-тон снова хихикнула.

– Поскольку речь идет о лорде Сэйре, место действия не имеет особого значения. Я слышала, что в Сингапуре его уже дожидается одна из его последних пассий, леди Бойнер.

– Леди Бойнер? – переспросила миссис Хендерсон.

– Да. Они с мужем, как мне говорили, только что приехали из Индии. Леди Бойнер весьма привлекательна. Смею вам сказать, что во время своего последнего приезда в Калькутту лорд Сэйр был совершенно ею околдован.

– Ну что ж, я уверена, ему будет приятно снова встретиться со старой приятельницей, – заметила миссис Хендерсон.

– Лучше бы ему отделаться от обузы, которую он сам взва-

лил себе на шею, – продолжала леди Эллентон. – Я хорошо знаю леди Бойнер, она чудовищно ревнива. Ходят слухи, что она едва не застрелила любовника, который изменил ей с другой женщиной.

– Боже милосердный! – воскликнула миссис Хендерсон. – Надеюсь, ничего подобного не произойдет в Сингапуре!

– Полагаю, лорд Сэйр сумеет оградить себя, – ответила леди Эллентон, – иначе, уверяю вас, мы увидим, как это белокурое создание повиснет у него на шее.

– Я уверена, что Бертилла на такое не способна, – сухо возразила миссис Хендерсон.

– Надеюсь, что вы правы, – сказала леди Эллентон, – но лорд Сэйр всегда казался мне рыцарем, а рыцарское благородство порой весьма дорого обходится мужчине.

Миссис Хендерсон отодвинула свой стул.

– Прошу меня извинить, леди Эллентон, – сказала она, – но я должна пойти посмотреть, что там с Бертиллой. Я велела горничной не будить ее, но теперь она, вероятно, уже встала.

Эти слова миссис Хендерсон, видимо, произносила уже на ходу, потому что в эту же минуту она появилась в гостиной и увидела стоявшую у двери Бертиллу.

Одного взгляда было достаточно пожилой женщине, чтобы понять: Бертилла все слышала.

Миссис Хендерсон обняла девушку за плечи и увела в другой конец комнаты, чтобы дать ей время прийти в себя.

– Не обращайтесь внимания, – ласково проговорила она. – Эта дама – просто обозленная сплетница. Если хотите знать мое мнение, она просто вне себя оттого, что лорд Сэйр не обратил на нее никакого внимания.

Бертилла не ответила.

Горло ее словно стиснул спазм.

Лорд Сэйр вернулся позже, чем предполагал: солнце уже садилось во всем своем великолепии.

Когда они подъезжали к дому, мистер Хендерсон сказал:

– Не знаю, как вы, лорд Сэйр, но я чертовски был бы рад чего-нибудь выпить. Во рту у меня словно эскадрон ночевал!

– Возможно, увлечение пуншем тому виной, – предположил лорд Сэйр.

– Пожалуй, я сделал его чересчур крепким вчера вечером для некоторых моих гостей. Боюсь, у них сегодня с утра похмелье.

– А у вас? – поинтересовался лорд Сэйр.

– Меня ничто не берет! – похвастался мистер Хендерсон. – Я вырос в Шотландии, где мужчин приучают к виски с юных лет. А перед тем как перебраться сюда, я несколько лет жил в Австралии, а там мужчина в смысле выпивки получает, можно сказать, высшее образование.

– Верю вам на слово, – сухогато отозвался лорд Сэйр.

Сам он пил весьма умеренно и недолюбливал сильно пьющих мужчин, будь то в Англии или другой части света.

Причем отлично знал, что истинные британцы и есть са-

мые горькие пьяницы.

У жителей Австралии была репутация любителей пива; там производили и вино – один или даже два отличных сорта, но сам лорд Сэйр, как и большинство богатых людей, все-таки предпочитал шампанское.

Для так называемых созидателей империи шампанское приобрело особое значение и сделалось повседневным напитком.

Принц Уэльский любил рассказывать историю о том, как Уэст Риджуэй, позднее губернатор Цейлона, совершал поход под командованием лорда Робертса из Кабула до Кандагара и всю дорогу мечтал об охлажденном шампанском.

Здесь принц делал паузу и затем добавлял:

– Риджуэй сам мне говорил, что, когда Роберте направил его со спешным донесением на одну из ближайших железнодорожных станций, ему первым делом пришло в голову, что на каждой индийской станции, несомненно, имеется охлажденное шампанское.

– Так оно и было? – задал лорд Сэйр вопрос, которого от него явно ожидали.

Принц расхохотался и хохотал до тех пор, пока у него не начался приступ кашля; когда он наконец смог говорить, то сказал:

– Риджуэй телеграфом послал заказ на бутылку и скакал сломя голову три дня и три ночи. Увы, его ждало разочарование! Потом он признался: «Лед растаял, шампанское от-

давало пробкой, а на следующее утро голова у меня просто раскалывалась!»

Мистер Хендерсон подъехал к дому и остановил усталых лошадей.

– Что касается выпивки, Сэйр, – заговорил он, – то я могу предложить вам чего только душа пожелает.

– Если у меня есть право выбора, – ответил лорд Сэйр, – то я предпочел бы бокал шампанского.

– Вы его получите! – громко заявил мистер Хендерсон. – И притом наилучшего урожая.

Он поднялся по лестнице впереди своего гостя, окликая по дороге жену.

– Я здесь, – отозвалась миссис Хендерсон, выходя из гостиной, и звонко поцеловала мужа в щеку. – Какой ты разгоряченный и пыльный! – упрекнула она его.

– А чего ты ожидала? – возразил муж. – Мы проехали много миль, и Сэйр получил, по-моему, сильное впечатление от того, что увидел.

– Очень сильное, – подтвердил лорд Сэйр. – С вашего разрешения я пойду умоюсь.

– Шампанское будет здесь к вашему возвращению! – крикнул ему вслед мистер Хендерсон и принялся отдавать приказания слугам.

Десять минут спустя, полностью переодевшись, лорд Сэйр вернулся на веранду.

Его слуга Коснет – он высадился на берег с другими пас-

сажирами – присоединился к хозяину два дня назад.

Было истинным облегчением получать теперь все необходимое вовремя и в полном порядке, к тому же лорд Сэйр поручил Коснету заботы о новом своем гардеробе, заказанном местным портным.

Слуга отлично знал, что именно требуется хозяину, и новый гардероб пополнялся день ото дня новыми вещами, сшитыми не хуже, чем на Савил-роу⁶.

– Входите и присаживайтесь, лорд Сэйр, – пригласила миссис Хендерсон, улыбаясь.

Тейдон увидел, что рядом со столиком стоит ведро со льдом, а во льду торчит бутылка шампанского.

Слуга наполнил бокал и тут же поставил бутылку на лед для охлаждения.

– А где Бертилла? — спросил лорд Сэйр. Он удобно устроился в глубоком бамбуковом кресле, уложенном шелковыми подушками.

Миссис Хендерсон, помолчав с минуту, ответила негромко:

– Бертилла уехала.

– Уехала? Что вы этим хотите сказать? – быстро спросил лорд Сэйр.

– Сегодня в четыре пополудни отплыл пароход на Сарвак. Она настояла, что уедет на этом пароходе.

⁶ Савил-роу – улица в Лондоне, на которой расположены ателье самых модных портных.

– Настояла? Но почему? Не понимаю! Миссис Хендерсон выглядела крайне смущенной.

– Я не могла ее удержать, лорд Сэйр. Сделала все от меня зависящее, уверяю вас, но она меня не послушала.

Лорд Сэйр поставил на стол бокал с шампанским.

– Но ведь что-то вынудило ее принять подобное решение!

Последовала новая пауза, прежде чем миссис Хендерсон заговорила с еще более смущенным видом:

– Боюсь, она кое-что невольно подслушала.

– Вы будете любезны сообщить мне, что именно?

В голосе лорда Сэйра прозвучала незнакомая миссис Хендерсон повелительная нота.

– Вышло крайне неудачно, – запинаясь, начала миссис Хендерсон, – что леди Эллентон начала этот разговор на веранде. Я, разумеется, не подозревала, что Бертилла как раз вошла в гостиную и все услышала.

– Леди Эллентон! – воскликнул лорд Сэйр. – Что она здесь делала?

– Она снова приехала сюда сегодня утром с мистером Уотсоном. Он оставил ее за завтраком, а сам пошел повидаться с нашим надсмотрщиком по поводу каких-то растений, которые хотел получить себе в обмен на другие.

– И что произошло? – спросил лорд Сэйр.

– Вы хотели бы, чтобы я в точности повторила слова леди Эллентон?

– Я на этом настаиваю. Ведь я отвечаю за Бертиллу и не

могу понять причину столь поспешного отъезда.

– Я умоляла ее остаться, просто умоляла! – сказала миссис Хендерсон. – Честное слово, лорд Сэйр, я люблю эту девушку. Она такое милое, деликатное создание. Ни за что на свете я не хотела бы причинить ей боль!

– А ей причинили боль?

– Иначе и быть не могло, если учесть, что тут наговорила леди Эллентон.

Лорд Сэйр сжал губы.

Леди Эллентон принадлежала к ненавистному для него типу светских сплетниц.

На них легко можно нарваться в любой точке мира, но особенно в таких небольших обществах, как сингапурское.

Они причиняли много зла, язвительно и без всякого чувства меры обсуждая всех и вся.

– Ах, если бы у меня хватило соображения остановить эту женщину, едва она упомянула имя Бертилле! – сетовала миссис Хендерсон. – Но я старалась быть вежливой. Она, в конце концов, гостя у меня в доме, рассуждала я, и только когда зло свершилось и Бертилла решила уехать, я поняла, какую сыграла дуру!

– Прежде всего прошу вас, – прервал ее лорд Сэйр, – повторите слово в слово, что сказала леди Эллентон.

Миссис Хендерсон собралась с духом и повторила.

Когда она кончила, наступило долгое молчание. Она не смотрела на лорда Сэйра – не могла на него смотреть! – пока

рассказывала. Теперь она повернула к нему голову, чтобы понять, какова его реакция на услышанное.

И подумала: «Для него, конечно, потрясение узнать, что о нем говорят, но это приведет к добрым последствиям! Уж слишком он самонадеян».

Лорд Сэйр на какое-то время глубоко задумался, потом спросил:

– А откуда Бертилла узнала, что пароход на Саравак отходит сегодня?

– Она непременно хотела узнать, когда будет пароход, а у моего мужа есть расписание.

– Понятно... И вы отправили ее в Сингапур?

– Я отвезла ее, – возразила миссис Хендерсон. – Да разве бы я отпустила бедную девочку одну?

Женщина испытующе посмотрела на лорда Сэйра и добавила:

– Поверьте, я просила и умоляла ее дождаться вашего возвращения! Право же, я только на коленях не стояла перед ней, но она и слушать ничего не хотела. Непременно пожелала уехать, и только заперев ее как узницу, я могла бы ее удержать!

– Можно понять ее, – медленно проговорил лорд Сэйр.

Он и вправду с несвойственной ему прозорливостью понял настойчивое желание Бертиллы уехать. Она несколько не похожа ни на одну из знакомых ему женщин.

Она сама ему сказала, что считает происшедшее вчера ве-

чером чем-то чудесным и совершенным, и, значит, не могла перенести, чтобы кто-то осквернил это чудо.

Не могла, потому что оно, это чудо, накладывало отпечаток на всю ее дальнейшую жизнь, потому что это был никогда еще не испытанный ею восторг, который, вероятно, никогда больше не повторится.

Нет, она не могла остаться.

Она ничего не требовала от него, ничего не ждала, хотела только сохранить что получила, сохранить незапятнанным, чтобы никто в мире, и он сам, не посягнул на это.

Лорд Сэйр как будто понимал ее чувства и читал ее мысли.

Бертилла ушла из его жизни так же неожиданно, как и во-рвалась в нее.

И впервые за много лет лорд Сэйр глубоко заглянул в себя и был напуган тем, что увидел.

Пока он был молод и полон идеалов, он думал о женщинах с уважением; они казались ему драгоценными созданиями, достойными мужского поклонения и преданности.

Он очень любил свою мать. В его восприятии она олицетворяла собой истинную женщину – была нежной, сострадательной, все понимающей.

Она любила отца с бескорыстной преданностью, и это сделало их брак идиллией, с какой лорду Сэйру больше никогда не приходилось встречаться.

Единственной печалью родителей было то, что у них всего

один ребенок и потому он избалован.

Воспитанный в семейной гармонии, Тейдон вышел в мир с повышенными требованиями – и неизбежно разочаровался.

Вначале его ужасало, что замужние женщины легко идут на измену, что брачные обеты для них – пустые слова, что они готовы очертя голову вступать в любовные отношения с любым мужчиной, пробудившим в них интерес.

Он ужасался, а вместе с тем неизменно потворствовал их неверности и принимал дары, предлагаемые столь легко и свободно.

Увы, человеку это свойственно!

Однако в глубине души он страдал оттого, что у его идолов были глиняные ноги, оттого, что ни одна женщина не могла удержаться на пьедестале, предназначенном ей самой природой.

И подсознательно он подходил к женщинам, которыми увлекался, с теми мерками, какие воспринял от матери.

Когда она умерла, Тейдон понял, что ни одна женщина не займет ее место у него в душе.

После ее смерти он чаще и легче стал вступать в любовные связи, которые, начинаясь со страстного увлечения, скоро теряли для него всякий смысл и оставляли после себя только скуку и разочарование.

Теперь он понял, что искал не только любви, которой дарила его мать и которая была невозполнима, но и любви, ко-

торой мать любила его отца.

Только встретив такую любовь, он мог бы жениться и обрести надежду на счастье.

Именно поэтому он отчаянно боялся ошибиться, именно поэтому твердил своему другу Д'Арси Чарингтону, что женитьба – не для него.

Тейдон считал, что никогда ему не встретить женщину, похожую на его мать, женщину, чей характер и личность дадут ему желаемое.

Женщину, которая полюбит его всем сердцем. Для которой другой мужчина в ее жизни невозможен.

Лорд Сэйр часто вступал в любовную связь с дамами, у которых были вполне добропорядочные мужья.

Он способствовал распаду многих браков, пусть не публичному разводу, но распаду, так сказать, внутрисемейному, и слишком хорошо знал, чего следует опасаться и избегать в личной жизни.

«Никогда, – клялся он себе, – никогда, никогда не женюсь я на женщине, которая станет заводить бог весть какие знакомства у меня за спиной или обманывать меня с моими лучшими друзьями. На женщине, способной заводить интрижки в мое отсутствие, пошло грешить в чьих-то чужих домах и, уж конечно, в моем собственном».

Жившая в нем порядочность, некий идеализм заставляли его возмущаться, когда женщины, твердившие ему о своей любви, издевались и смеялись над своими мужьями.

Он питал отвращение и к таким, как леди Элвинстон, – к тем, кто пренебрегает своими обязанностями по отношению к собственным детям и подает этим детям дурной пример.

Все это вкупе и внушало лорду Сэйру страх перед браком, страх обречь себя на безвозвратный путь, в конце которого – отчаяние.

Теперь, когда все, что он испытал в жизни и что чувствовал, прошло перед его мысленным взором, он вспомнил вчерашний поцелуй в саду.

Всю ночь он вспоминал мягкость губ Бертилле и трепет ее тела, прильнувшего к нему.

Он понимал, что чувство, охватившее их обоих, было совершенно иным, чем все испытанное им до сих пор.

Бертилла была красива иной красотой, нежели все женщины, каких ему довелось знать.

Между ним и Бертиллою было нечто более глубокое и значительное, чем только желание, которое она возбуждала в нем.

Он чувствовал что-то еще и знал, что оно священно, но не смел облечь это в слово.

Бертилла была очень молода и неопытна, но обладала чувствительностью, порожденной не чисто физическими, а духовными ее свойствами.

Всего несколько недель назад лорд Сэйр и вообразить себе не мог подобных мыслей.

Он дал и получил тысячи поцелуев, но среди них не бы-

ло ни одного, похожего на вчерашний. Поцелуя, на который Бертилла откликнулась всем своим существом.

Она отдала ему свою душу – дар, какого ему никто не предлагал до сих пор.

В то же время она пробудила в нем давно, казалось бы, угасшее его качество – идеализм.

Он снова ощутил себя рыцарем, способным сражаться за честь дамы и любящим в ней не только земное, но и божественное ее естество.

«Именно это я искал всю жизнь», – сказал он себе.

Казалось невероятным, что оно было совсем рядом – протяни руку и дотронешься, а он осознал свершившееся чудо, когда оно исчезло.

Не сознавая, что он делает, лорд Сэйр встал с кресла и подошел к краю веранды.

– Куда же вы, лорд Сэйр? – спросила миссис Хендерсон.

Лорд Сэйр так погрузился в свои размышления, что совсем забыл о ней.

Теперь, желая утвердить себя в своем намерении, он ответил ей правдиво и твердо:

– Я отправляюсь в Саравак!

Глава 6

Пароход, пыхтя, прокладывал себе путь сквозь ночь, а Бертилла, лежа без сна, думала только о лорде Сэйре.

Снова и снова вспоминала она его объятия, его поцелуи, от которого она вся затрепетала.

Она не чувствовала, что в ее каюте, маленькой и грязноватой, душно и жарко; в эти минуты она даже не испытывала страха перед тем, что ей предстоит.

Она знала, что, покинув этого человека, оставила с ним свое сердце

Она знала, что больше никогда и никого не полюбит, и была уверена, что принадлежит к числу тех женщин, которые любят раз в жизни.

Больше она уже не станет – да и не сможет! – рисовать в воображении будущего мужа, как делала это прежде: отныне и навсегда ее мыслями и чувствами владеет единственный в мире мужчина.

– Я люблю его! – шептала Бертилла.

Она говорила об этом Тейдону; слова не могли выразить всю силу ее чувств.

Поднялась она с зарей; умылась и оделась как можно аккуратнее, насколько позволяла крохотная каютка, чуть ли не до потолка заваленная ее вещами.

Она подумала, что даже толком не поблагодарила миссис

Хендерсон за ее доброту и за то огромное количество одежды, которое едва уместилось в трех кожаных чемоданах.

В своем бурном желании уехать она думала только о том, что сама навязалась лорду Сэйру, как справедливо заметила леди Эллентон, и в дальнейшем станет ему обузой.

В Сингапуре лорда Сэйра ожидает не только губернатор и множество важных дел, требующих внимания, но и женщина, которую он когда-то любил.

Женщина красивая и утонченная, женщина, которая возродит то, чему он радовался в прошлом.

Бертилла вспомнила, как та же леди Эллентон не без сарказма назвала лорда Сэйра Пиратом в любви.

Хоть он и отнял у Бертиллы ее любовь и ее сердце, она для него лишь маленькая и незаметная лодочка в сравнении с большими кораблями, какие приходилось ему захватывать в прошлом и каких еще немало ждет его в будущем.

«Он забудет меня, – решительно сказала себе Бертилла, – но я никогда, никогда не забуду его, даже если доживу до ста лет».

Но несмотря на все свои нынешние переживания, Бертилла с захватывающим интересом думала о Кучинге – это был главный порт и столица Саравака, и пароход прибывал туда завтра.

Она вышла на палубу, полную народа. Большинство пассажиров провело здесь ночь. Бертилла обнаружила множество людей разных национальностей, в большинстве малай-

цев. Они улыбались ей, и девушка отвечала им улыбкой.

Она не могла вступить с ними в разговоры и, пожалуй, даже обрадовалась, когда с ней заговорил седовласый торговец.

Его она совсем не боялась: в обращении этого человека было что-то приятное и почти отеческое по отношению к ней, он ничем не напоминал пресловутого мистера Ван да Кемпфера.

– Это ваш первый приезд в Саравак, юная леди? – спросил торговец.

– Первый, – ответила Бертилла, – и мне кажется, это очень красивая страна.

– Она и в самом деле красивая, – подтвердил тот, – но еще очень неразвитая, с ее людьми трудно торговать.

– Почему?

– Потому что они вовсе не заинтересованы в деньгах. В отличие от населения других стран мира они счастливы и без них.

Бертилла поглядела на собеседника с удивлением, а он продолжал:

– Есть районы, где выращивают ананасы, где строят дороги, но очень трудно втолковать туземцам, что нам нужны их гуттаперча и саго.

– Это все, что вы можете у них покупать? – спросила Бертилла.

– Ну, еще алмазы, ласточкины гнезда, раковины, безоаровый камень, но большая часть населения предпочитает охо-

титься за головами, а не выращивать то, что мне нужно.

Бертилла вздрогнула.

– Они все еще... отрезают людям головы?

В голосе у нее был такой явный страх, что торговец улыбнулся доброй улыбкой.

– Вы будете в безопасности, – сказал он. – Они предпочитают не трогать белых женщин, но вам следует понять, что охота за головами – часть их жизни. Понадобится много лет, прежде чем белый раджа или кто-то еще убедит их отказаться от этого.

Бертилла молчала, охваченная мгновенно вспыхнувшим и совершенно абсурдным желанием, чтобы лорд Сэйр вдруг оказался здесь и был бы ее защитником, а торговец заговорил снова:

– Когда молодой даяк становится взрослым, то, как бы он ни был хорош собой, окрестные девушки не обращают на него внимания, пока он не обзаведется собственноручно отрезанными двумя или тремя головами.

– Двумя или тремя головами! – шепотом повторила Бертилла.

– Он может петь любовные песни и танцевать военные танцы, – продолжал старый торговец, – но его всегда подстерегает вопрос: «А сколько голов ты отрезал?»

– И что же в таких случаях делают мужчины? – задала Бертилла совершенно излишний вопрос.

– Идут на охоту, – услышала она ответ. – И когда мужчина

возвращается со своим трофеем, начинаются приготовления к великому празднику – празднику высушенных голов.

– Но... наверное, миссионеры могли бы объяснить им, что это плохо?

Торговец рассмеялся:

– Насколько я мог наблюдать миссионеров, от них только лишние хлопоты. Им в основном удается обратить в христианство только глупцов, которые их боятся, или хитрецов, готовых на все ради выгоды. Такие надеются получить что-нибудь от белых людей.

Бертилла снова примолкла, да ей и нечего было сказать. Она снова почувствовала себя одной в целом мире, где никому о ней позаботиться или хотя бы выслушать ее.

– Но вы, пожалуйста, не волнуйтесь, – сказал торговец, должно быть, сообразив, что напугал девушку. – Вы сами увидите, что даяки – люди приятные и выглядят весьма красиво, когда надевают свои воинские уборы из перьев и потрясают щитами, украшенными пучками волос, срезанных с голов убитых.

Бертилла невольно ахнула, а торговец добавил:

– Обычно у них такой вид, словно они и воды не замутят: нацепят на шею ожерелья из разноцветных бус, улыбаются вам так мило, просто любо-дорого поглядеть!

Он ни в малейшей степени не избавил Бертиллу от ее страхов, но, когда пароход вошел в устье реки Саравак и поплыл по ней, она была совершенно захвачена красотой ши-

рокой извилистой реки со светло-коричневой водой.

Надо всем царила гора Сантуборг, великолепных и величественных очертаний, поросшая густым лесом; у самого подножия горы росли казуарины, а вдоль реки протянулся мягкий песчаный пляж.

По берегам повсюду виднелись фруктовые деревья, некоторые из них в цвету.

То и дело попадались на глаза маленькие деревушки: крытые пальмовым листом хижины словно кто-то высыпал из корзины на илистые отмели, и каждая осталась на том месте, куда упала.

Кое-где в воде стояли обнаженные до пояса женщины с кофейно-коричневой кожей, держа на плечах бамбуковые сосуды для воды, а между ними плескались и даже плавали, словно головастики, совсем малые ребятишки.

Светло-зеленые мангровые заросли покрывали невозделанные участки берегов, а за ними начинались джунгли с высокими великолепными деревьями, по ветвям которых прыгали обезьяны.

Все было так красиво, что у Бертиллы просто дух захватило; ей очень захотелось рассказать об увиденном лорду Сэйру. Она знала, что он понял бы ее чувства и разделил их.

Он любил красоту, она для него много значила – как и для Бертиллы.

Она не сомневалась: лорд Сэйр ожидал бы от нее смелости и желания понять народ Саравака, как он сам понимал людей

разных стран, с которыми ему приходилось общаться.

Пароход причалил к просто и грубо сколоченной пристани; собралась немая толпа встречающих, которые приветствовали всех пассажиров – знакомых и незнакомых.

Шум и суета поднялись немалые.

Уже спускаясь вниз по трапу, Бертилла увидела в толпе красивых и смуглых улыбающихся людей высокую женщину, которую узнала сразу.

Тетя Агата выделялась бы в любой толпе, подумалось Бертилле, но здесь она была особенно приметна – этакий гигант среди пигмеев, причем гигант весьма непривлекательного вида и даже внушающий страх.

С годами она стала еще угрюмее и уродливее.

Не только из-за грубого, обветренного лица, которое показалось Бертилле еще более неприятным, чем годы тому назад, но и потому, что тетка потеряла передние зубы, и это придавало ей странное, почти зловещее выражение.

– Значит, приехала! – произнесла тетка резким, грубым голосом, который Бертилла запомнила с детства.

– Приехала, тетя Агата.

Тетка не сделала ни малейшего поползновения поцеловать племянницу или хотя бы пожать ей руку; она повернулась к трем носильщикам и заговорила с ними в требовательном и даже угрожающем тоне.

Бертилла испытывала неловкость оттого, что чемоданы ее были такими большими, а люди, которые их несли, казались

совсем маленькими.

Тетка отдавала носильщикам приказания таким тоном, что Бертилла смутилась еще больше. Покончив с переговорами, тетка повернулась к ней.

– Я уже в третий раз встречаю пароход, – сказала она. – Это вполне в духе твоей матери – не сообщить точную дату твоего приезда.

– Думаю, мама не знала, что пароход уходит из Сингапура раз в две недели, – объяснила Бертилла. – Кроме того, я задержалась потому, что пароход, на котором я плыла из Англии, загорелся и потерпел кораблекрушение в Малаккском проливе.

Если она хотела удивить тетку, то потерпела неудачу.

– Загорелся? – все тем же резким тоном спросила Агата Элвинстон. – У тебя пропала вся одежда? Если это так, то имей в виду, что я не в состоянии снабдить тебя новой.

– Нет никакой необходимости чем-то снабжать меня, тетя Агата, – спокойно ответила Бертилла. – Миссис Хендерсон, у которой я остановилась после того, как мы добрались до берега, заказала мне все новое. Это очень щедро и любезно с ее стороны.

– Значит, у нее больше денег, чем здравого смысла! – Отнюдь не любезно заметила тетя Агата.

Тем временем они удалились от пристани и теперь двигались по улице, застроенной по обеим сторонам деревянными домами.

Видимо, все население собралось на набережной у пристани, потому что людей на улице почти не было.

По пути им встретилось что-то вроде базара; Бертилла заметила разносчиков, которые выкрикивали свои товары, услышала она удары в гонг, доносившиеся из мечети, и заунывные звуки какого-то однострунного музыкального инструмента.

– Кстати, – заговорила тетка. – У тебя есть деньги?

– Боюсь, что не слишком много, – ответила Бертилла, – но больше, чем я предполагала, так как мне не пришлось платить за гостиницу в Сингапуре.

– Сколько? – поинтересовалась тетка.

– Точно не знаю, – ответила девушка. – Сосчитаю, когда мы придем.

С этими словами она посмотрела на сумочку, которую несла с собой.

– Дай ее мне!

Агата Элвинстон протянула руку, и Бертилла, удивленная, но послушная, отдала тетке сумочку.

Не замедляя шаг, тетка открыла сумочку и не глядя вытащила оттуда кошелек и несколько банкнотов.

Эту добычу Агата опустила в карман своего хлопчатобумажного платья, потом почти пренебрежительным жестом вернула сумочку Бертилле.

– Я бы хотела оставить немного денег для себя, тетя Агата, – сказала Бертилла.

Она была крайне удивлена поступком тетки и полагала, что остаться без единого пенни не слишком-то хорошо – мало ли что может случиться!

– Деньги тебе вовсе ни к чему, – отрезала Агата Элвинстон. – К тому же я подозреваю, что твоя мать не собирается платить за твое содержание, стало быть, тебе придется работать, и работать как следует!

Бертилла со страхом взглянула на тетку.

– Я очень нуждаюсь в рабочих руках, – продолжала та, – а здешним людям нельзя доверять ни на грош. Они хватают все, что ты им даешь, убегают в лес, и – поминай как звали!

Бертилла подумала, что они поступают вполне разумно, пускаясь наутек от ее тетки, но не посмела высказать свое суждение вслух; некоторое время они шли молча.

Город остался позади, вокруг были джунгли. Бертилла любовалась лесом, в особенности орхидеями, с которыми не могли соперничать по красоте цветы из сада Хендерсонов. Сиянием только что распустившихся орхидей был как бы освещен весь лес.

Некоторые деревья были почти сплошь скрыты под поселившимися на них прекрасными цветами, окутавшими их целой радугой красок – от бледно-желтой до густо-фиолетовой.

С ветвей свешивались гирлянды орхидей длиной не меньше ярда, а земля была покрыта ковром крошечных и хрупких растений, тоже похожих на орхидеи.

Бертилла надеялась увидеть малайского медведя – единственное опасное животное в Сараваке, или же крошечного оленя канчиля, о котором сложено множество сказок и легенд.

Но вынуждена была довольствоваться только созерцанием королевского фазана.

Особенно старательно искала она глазами птицу-носорога – одну из самых необычайных в мире птиц, с огромным желтым клювом и странным наростом ярко-красного цвета у его основания.

Некоторые из них, как читала Бертилла, достигали размеров индюка, но те, которых она заметила здесь на деревьях, были поменьше.

Птицы были восхитительны, но бабочки – еще восхитительнее и прекраснее.

У Бертилле перехватывало дыхание от восторга, когда она видела, как они, сверкая всеми цветами радуги, порхают по лесу.

Глядя по сторонам, девушка на время позабыла о своей несносной и противной тетке.

– Ах, как красиво! – воскликнула она. – Просто невероятно!

Сварливый голос тетки вернул Бертиллу к реальности:

– Двигайся поживее! Сейчас не время для прогулок, ты и так отняла у меня чуть не целый день!

Они прошагали еще с полмили; Бертилле стало очень

жарко, но тут дорога кончилась, и девушка увидела дом мисси.

Дом был деревянный, низкий и длинный. Он мог бы выглядеть так же привлекательно, как и туземные домики, которые Бертилла видела по берегам реки, но на самом деле казался уродливым и неприветливым.

Все пространство перед домом было вытоптано – ни травинки, ни единого цветочка, которых было так много повсюду, только твердая глинистая площадка.

Три молодые женщины в бесформенных ситцевых платьях, надетых прямо на голое тело, судя по всему, должны были присматривать за множеством малых ребятишек.

Но до появления Агаты Элвинстон женщины сидели в удобных и свободных позах и улыбались каким-то своим тайным мыслям.

А ребятишки тем временем вертелись, катались, носились по площадке, причем многие из них были совершенно голые.

Едва показались Бертилла и ее тетка, картина переменялась точно по волшебству.

Женщины вскочили на ноги и принялись кричать на детей и гоняться за ними.

Смеха как не бывало, дети перестали играть – стояли и смотрели испуганными глазенками.

Как только мисс Элвинстон подошла на расстояние окрика, она начала бранить женщин на непонятном Бертилле языке, однако ошибиться в общем смысле ее слов было

невозможно.

Она не просто бранила их, как решила девушка, но и угрожала им.

Женщины ни слова не отвечали тетке, а лишь смотрели на нее бархатными карими глазами, похожими на анютины глазки, до тех пор пока она не замолчала и не повернула к дому.

Грубо сколоченное здание миссии – Бертилла разглядела его – почти не отличалось от большой хижины по своей конструкции.

Внутри дом был разделен на одну большую комнату – очевидно, класс для занятий, и две поменьше, в одной из которых жила тетка, а другая, вероятно, предназначалась Бертилле.

Все было просто, даже аскетично, без малейшего намека на домашний уют.

Едва Бертилла вступила в это жилище, она поняла, что в доме не знали любви, что весь он пропитан недоброжелательством.

Но тут же сказала себе, что нельзя, попросту глупо судить по первоначальному впечатлению; она должна быть благодарна тетке, которая предоставила ей кров, когда все от нее отказались.

– Я решила, что ты будешь спать в этой комнате, – брюзгливо объявила Агата.

Она ввела племянницу в крохотную комнатенку, где толь-

ко и помещалась туземная деревянная кровать, на которой лежал тощий, почти не заметный матрас.

– Я использовала эту комнату для больных, – продолжала Агата, – но больше мне нечего тебе предложить.

– Жаль, что я причиняю вам столько неудобств, тетя Агата.

– Иначе и быть не могло. Я так понимаю, что теперь, когда твоя тетя Маргарет умерла, мать от тебя отказалась. Она вечно уваливала от своих прямых обязанностей.

Тетка говорила о матери так пренебрежительно, что Бертилле захотелось ее защитить, но в глубине души она сама думала так же. Однако спорить с теткой было бессмысленно, и девушка промолчала.

Малайцы, тащившие чемоданы Бертиллы всю дорогу с самой пристани, внесли их в спальню.

– Может быть, вы им заплатите, тетя Агата? – спросила Бертилла. – Ведь у вас все мои деньги.

Тетка немедленно вступила, как догадалась племянница, в долгий и бурный спор по поводу оплаты носильщикам.

Бертилла хотела бы вознаградить их достойно – ведь дорога была долгая и утомительная, а чемоданы они тащили на спине.

Но поскольку у нее не осталось ни пенса, Бертилла только и могла, что беспомощно стоять рядом с теткой, которая в конце концов одержала победу, и носильщики, презрительно взглянув на то, что она им дала, ушли прочь весьма недо-

вольные.

– Ты бы лучше сняла свой изысканный наряд и надела что-нибудь подходящее для работы, – пробрюзжала тетка.

– Может, вы сначала дали бы мне попить, – произнесла племянница. – Очень жарко, и меня мучит жажда.

– Напейся сама, только не заставляй себя долго ждать.

– Разумеется, – заверила ее Бертилла. – Вы только покажите мне, где что находится.

В тот же день Бертилла поняла, почему тетка такая тощая. Есть было почти нечего.

Девушка узнала, что дети, посещающие миссию, чтобы воспринять основы христианской веры, а также научиться грамоте, получают в полдень чашку самого дешевого риса.

Трапеза дополнялась фруктами, сорванными в джунглях; иногда детям давали немножко сахара.

Плоды были большей частью неизвестны Бертилле, но она узнала дуриан по его ужасному запаху – какой-то смеси запахов лукового соуса, сливочного сыра и темного хереса.

Были еще кокосовые орехи, покрытые волосатой оболочкой и содержащие внутри жидкость, цветом напоминавшую сливки.

Бертилла была голодна и заставила себя попробовать кокос, по вкусу он напоминал богатый маслом сладкий крем.

Тетка ела то же, что и она; Бертилла глотала рис и думала, что диета здесь по меньшей мере скудная.

Тетка выпивала за день огромное количество чашек мест-

ного чая; она сказала Бертилле, что при необходимости можно нарезать курицу.

Куры клали яйца в траве возле дорожки, протоптанной детьми. Отыскивать и собирать эти яйца стало обязанностью Бертилли.

Больше всего угнетало Бертиллу отношение тетки к ее помощницам.

Это были красивые молодые женщины с изящными фигурами и длинными черными волосами, свободно ниспадающими на талию. Когда тетка за ними не наблюдала, женщины смеялись и переговаривались между собой.

Они были полны того естественного счастья, которое бурлит и переливается; через край при самых неблагоприятных обстоятельствах.

Одна из женщин явно была даячкой, мочки ушей ее были вытянуты из-за тяжелых круглых серег, какие носили женщины этого племени.

Насчет двух других Бертилла решила, что они малайки.

Тетка не оставила у Бертилли никаких иллюзий относительно этих женщин в первый же вечер после ее приезда.

В конце дня Бертилла вышла из домика миссии, где ей было приказано вымыть пол и убрать за ребяташками вещи, и, к ужасу своему, увидела, как тетка хлещет женщину-даячку прутом по плечам.

Она ударила женщину несколько раз, и та с громкими воплями убежала в хижину из пальмовых листьев, где, как уже

знала Бертиллу, обитали все три женщины.

Агата Элвинстон выкрикивала ей вслед бранные слова. Потом повернулась и встретила испуганный взгляд племянницы.

– Вы... били ее, тетя Агата!

– Била! И тебе придется еще не раз это видеть, – ответила тетка.

– Но за что? Разве вам разрешается?

– Разрешается? С этим отребьем я могу делать все, что угодно! Они должны сидеть в тюрьме, но вместо этого отбывают свой срок, работая у меня.

Бертилла начала понимать, почему женщины не убегают отсюда.

Ни один слуга, думала она, не говоря уж о преподавателе, не стал бы терпеть тон, каким тетка разговаривала с этими женщинами, и заявил бы об уходе.

– Вы говорите, они должны сидеть в тюрьме? – спросила она. – А что они сделали?

– Воровали, нарушали законы, хоть здесь их и не слишком много, нарушать почти нечего, – ответила Агата Элвинстон. – Им следует нести наказание за грехи, как и любому, кто совершает грех.

Тетка смотрела на племянницу таким жестким взглядом, что Бертилла невольно вспомнила, как та советовала отцу бить ее в детстве.

Девушка повернулась и ушла с чувством отвращения и

подавленности.

Вечером чувство подавленности еще увеличилось после того, как Агата Элвинстон рассказала ей о своих методах внедрения христианской веры.

На следующий день Бертилле посчастливилось найти в зарослях рододендронов несколько яиц, и тетка позволила ей съесть маленькое яичко на завтрак.

Дети вернулись утром в дом миссии, и Бертилла имела случай наблюдать тетушкин метод в действии.

Сначала дети встали на колени и долго слушали, как Агата читает молитвы, затем последовало еще более долгое чтение Библии.

После этого дети пели гимн на английском языке, не понимая, что они поют; пели с ними и так называемые учительницы, которые перевирали чуть ли не каждое слово.

Но все же, как показалось Бертилле, и женщины, и дети с удовольствием слушали музыку, исполняемую Агатой на старой, задыхающейся фисгармонии, которую тетка велела племяннице тщательно протирать каждый день и следить, чтобы ее не повредили термиты.

Когда пение и музыка окончились, трое старших мальчиков стали отвечать урок по катехизису, что сопровождалось, как тут же убедилась Бертилла, крепкими шлепками и, соответственно, слезами обучаемых.

Три туземные помощницы должны были обучать детей чтению простых слов и начаткам счета.

В качестве наглядных пособий для обучения арифметике употреблялись кокосовые орехи, камешки и палочки, и Бертилла заметила, что, как только тетка поворачивалась к ученикам спиной, учительницы теряли всякий интерес к делу, а дети начинали играть.

Очень неприятный инцидент имел место с самого утра, поскольку даячка вошла в здание миссии с пучком орхидей в волосах.

Цветы были очаровательные, и Бертилла невольно подумала, что совсем юная женщина, почти девочка, сама напоминает цветок.

Но сам факт, что она решилась украсить свою внешность, привел Агату Элвинстон в ярость.

Она разоралась, выдернула у женщины букетик вместе с несколькими волосинками и швырнула на землю.

Потом она схватила прут и принялась бить женщину по плечам, как и накануне.

Это выглядело так постыдно и недостойно, что возмущенная Бертилла ушла из классной комнаты в другую половину дома.

Однако и туда доносились звуки ударов и вопли разъяренной тетки.

«Она ненормальная, – твердила себе девушка. – Жизнь в полном одиночестве свела ее с ума!»

И с ужасом подумала, что в случае чего ей самой не к кому обратиться, некого попросить о помощи.

Ей было очень беспокойно, и, после того как они раздали детям рис, Бертилла спросила у тетки:

– Есть ли в Кучинге европейцы?

– Раджа и его жена, – с кислой физиономией ответила тетка, – но они не в состоянии оценить мою работу здесь, и вообще, на мой взгляд, раджа не соответствует своим обязанностям.

– Что вы имеете в виду? – спросила Бертилла.

– Я своими ушами слышала, как сэр Чарлз говорил, что английский язык не стоит того, чтобы, на нем говорить, такой он грубый и варварский. Сам он предпочитает французский или этот чудной гортанный язык даяков.

Слово «французский» тетка произнесла так, словно говорила о чем-то непристойном.

– Ты хочешь знать, есть ли здесь европейцы? – продолжала Агата. – Ну, если угодно, есть лакей-француз у раджи, есть три семейные четы, от которых я не получаю никакой пользы, есть пять или шесть холостяков, но они не станут за тобой ухаживать.

– Я об этом и не думала! – запротестовала Бертилла.

– Подонки! Глупые, невежественные люди, которые не чтут Господа и готовы оставить язычникам их варварские, отвратительные обычаи!

Агата Элвинстон встала из-за стола и возвысила свой голос до крика:

– Я одна! Только я несу слово Божие и свет Его пути в

кромешную тьму.

То, как она говорила, и вспыхнувший в ее глазах огонь еще сильнее напугали Бертилли.

Тетка и в самом деле не в себе, думалось ей. Есть ли хоть малейшая возможность довести это до сведения Чарлза Брука в его дворце Астана? Вряд ли: радже, управляющему всем этим краем, явно не до забот и тревог Бертилли.

В таком небольшом сообществе все, конечно, знают ее тетку и работу, которую она старается вести. Может, кто-то и заглянет в миссию, и тогда у нее, Бертилли появится возможность рассказать о своих страхах.

Но никто сюда не заглядывал. Они с теткой жили в полной изоляции, в уродливом и неудобном доме, к которому почти вплотную, если не считать вытоптанной площадки, подступали джунгли.

В миссии не было книг, кроме Библии и религиозных трактатов; их регулярно присылали сюда из Англии, и они хранились здесь с тех самых пор, как тетка приехала в Саравак.

По ночам, лежа на своей жесткой постели, Бертилла в страхе думала о том, что, в сущности, попала в тюрьму, из которой нет выхода.

Днем ей некогда было думать об этом, она была слишком занята работой: тетка ничуть не преувеличивала, когда предупреждала, что работать племяннице придется не на шутку.

Бертилла убирала все жилые помещения миссии, а на дру-

гой день после приезда на нее было возложено и приготовление пищи.

Пожилая женщина, готовившая рис для детей, то ли заболела, то ли просто сбежала.

Полы приходилось скрести ежедневно из-за постоянных нашествий муравьев и других насекомых, которых Бертилла терпеть не могла.

Надо было еще и стирать одежду детей, вернее, то, что ее заменяло.

Бертилла обнаружила, что большинство ребятишек приходило в школу голыми, а у тетки имелись такие мешкообразные одеяния, их набрасывали на детей, чтобы прикрыть коричневые замурзанные тельца.

Поскольку три женщины-заключенные старались не переутруждаться и поступать тетке наперекор, Бертилла вскоре поняла, что проще сделать все за них, лишь бы не слышать, как Агата ругает женщин, и не видеть, как она их бьет.

Только ночью девушка избавлялась от шума, криков, неурядиц и работы, которой буквально не было конца.

Она лежала в своей душной комнатке и прислушивалась к хору ночного леса: квакали огромные лягушки-быки, древесные лягушки, жужжали жуки – каждый на свой лад.

Бертилла слушала, слушала, и скоро ей начинало казаться, что каждый лист, каждое дерево, каждая травинка – это живые существа, обращающие свой призыв к бархатной тьме в поисках друга.

Они звали, но звала и она – звала через море человека, который дал ей великое счастье.

– Я люблю его! – шептала она. – И буду любить всегда.

Спустя неделю после своего приезда Бертилла пережила нечто ужаснувшее и сильно напугавшее ее.

Два старших мальчика затеяли ссору и подрались, вцепившись друг другу в волосы. Бертилла, однако, была уверена, что ссора эта не серьезная, да и драка тоже.

Но подоспевшая на площадку тетка посмотрела на дело иначе и принялась дико орать на даячку, которая как раз в это время дежурила.

Агата довела себя собственным криком до полного бешенства и принялась избивать женщину прутом, который всегда был у нее под рукой.

Женщина бросилась бежать, но, то ли споткнувшись, то ли от толчка тетки, упала.

И таким образом полностью оказалась во власти Агаты Элвинстон; несчастная билась и извивалась на земле, а изувечка продолжала бить ее по плечам, по голове, по спине – словом, по всему телу.

Женщина была так хрупка и мала по сравнению с рослой англичанкой, что Бертилле казалось, будто тетка бьет ребенка.

В неудержимом порыве, почти бессознательно, девушка бросилась вперед.

– Перестаньте, тетя Агата! – выкрикнула она. – Прекра-

тите немедленно! Это жестоко, вы не имеете права избивать человека!

Тетка, видимо, даже не услышала ее и в безумной ярости продолжала хлестать женщину.

– Перестаньте! – снова крикнула Бертилла. Она протянула руки, чтобы удержать Агату, но та повернулась, изо всей силы дважды хлестнула прутом Бертилле, потом оттолкнула ее и снова набросилась на даячку.

За время небольшой передышки та успела встать на колени и с криками поползла прочь, преследуемая новыми ударами прута.

От толчка тетки Бертилла тоже упала.

Лежа на земле, она увидела, как даячка все-таки сумела вскочить на ноги и кинулась под защиту хижины, которую она занимала вместе с двумя другими женщинами.

И вдруг в кустах за этой хижинкой Бертилла увидела чье-то лицо.

Лицо мужчины, и Бертилле не надо было говорить, что перед ней даяк.

Она заметила синюю татуировку на теле, увидела перья в черных волосах.

Лицо даяка исказил гнев. И почти в ту же секунду зеленые ветви сомкнулись и скрыли человека.

Позже, когда у Бертиллы разболелась спина от нанесенных теткой ударов и она с глубоким сочувствием думала о том, как же страдает сейчас жестоко избитая даякская жен-

щина, ей вдруг пришло в голову: а не следует ли рассказать тетке о том, что из кустов выглядывал мужчина?

После приезда в миссию Бертилла впервые увидела мужчину-туземца.

Все-таки непонятно, чего ради женщины-туземки остаются в миссии и терпят изо дня в день тяжелое обращение.

Сегодняшнее избиение было особенно страшным, такого Бертилла до сих пор не наблюдала; в эту ночь она уже не воспринимала звуки как волшебный хор – это просто подавали голоса обитатели джунглей.

Зато она знала теперь, что в лесу затаились даякские воины, чье самое ценное достояние – прокопченные и высушенные головы тех, кого они умертвили.

Лорд Сэйр прибыл в Саравак на канонерской лодке.

Он сообразил, что после отъезда Бертилла придется две недели ждать парохода, курсирующего между Сингапуром и Кучингой.

Это его не устраивало.

Поскольку частью его миссии были встречи' с командирами военных судов, он вполне мог попросить, чтобы его отправили на канонерке на любой из островов.

Пожалуй, вызовет удивление, что он начнет с Саравака.

Впрочем, беспокойство внушало положение на всех островах, везде были свои проблемы.

Ожидалось, что лорд Сэйр благодаря своему официальному статусу в состоянии всюду оказать посильную помощь;

Тейдон обнаружил, что и в самом Сингапуре полным-полно людей, желающих с ним встретиться.

У каждого были претензии и жалобы, и каждый рассчитывал, что лорд Сэйр доведет их до сведения правительства Британии.

Намечена была также обширная программа официальных встреч, на которых он должен был присутствовать.

Но он отменил все это одним мановением руки и заявил, что первым долгом намерен посетить Саравак.

Все настолько привыкли, что он обычно действует по собственному разумению, особенно в делах служебных, что ни о каких серьезных возражениях не было и речи.

Отплытие канонерки с лордом Сэйром на борту теперь было лишь вопросом времени, и он почувствовал облегчение оттого, что наконец может последовать за Бертиллоу.

Проявив осторожность, он никому не стал сообщать об истинной цели своего визита, чтобы оградить Бертиллу от ненавистных ему сплетниц.

Тейдон не позволит, чтобы она еще раз пострадала от сплетен.

Именно поэтому он договорился о том, что канонерка бросит якорь как можно ближе к лестнице, ведущей во дворец Астана.

Прибытие канонерки вызвало великое возбуждение. Люди толпами рвались к берегу реки, и задолго до того, как канонерка встала на якорь, по обоим берегам выстроились

длинные ряды любопытных.

Представители власти тоже прибыли встретить лорда Сэйра и препроводить его и капитана канонерки во дворец.

Дворец представлял собой длинное белое здание с покатою крышей; возле большой каменной башни стояла на карауле стража.

Внутренние покои дворца отличались колоссальными размерами, и лорда позабавило то, какую фантастическую смесь красоты и дурного вкуса являло собой их убранство.

Раджа наполнил их пугающе пестрым и разностильным собранием английской и французской мебели всех времен.

Вдоль стен выстроились образчики ранневикторианского стиля, сплошь красное дерево, повсюду торчали зеркала с подзеркальными столиками на оловянных ножках, а фигурки дрезденского фарфора держали шкатулки в порядке оббитых руках.

Однако потолки, как сразу же заметил лорд Сэйр, были прекрасны: китайские мастера покрыли их великолепными резными изображениями драконов и лепными цветочными узорами.

Впрочем, лорду Сэйру недолго пришлось оглядываться по сторонам, так как его пригласили к радже, сэру Чарлзу Бруку. Это был весьма достойный на вид человек с пышными седыми усами и выющимися, тоже седыми волосами над высоким лбом.

У него были густые белые брови, мешки под глазами, мор-

щинистая, словно у черепахи, шея и выступающий раздвоенный подбородок.

Надменное выражение лица и холодная строгость в обращении свидетельствовали о том, что этот человек живет по собственным правилам и считает, что все должны им подчиняться.

Как и Бертилла, лорд Сэйр был предупрежден, что белый раджа имеет пристрастие ко всему французскому.

Сэр Чарлз был поклонником Наполеона и знал наизусть все его кампании.

Английским газетам раджа не доверял и черпал сведения о мировой политике, внимательно читая «Фигаро» – французскую газету, которая приходила с опозданием на четыре-пять недель.

Чтобы войти в доверие и завоевать расположение белого раджи, лорд Сэйр со своим обычным дипломатическим чутьем привез ему в качестве подарка две книги, недавно изданные во Франции.

В одной из них речь шла о наполеоновских войнах, в другой – о новых картинах, которыми пополнился Лувр.

Первую ему посчастливилось купить в Сингапуре, а вторую он попросту стянул у секретаря губернатора из только что полученной почтой партии книг.

Раджа был в восторге и разговаривал с лордом Сэйром не столь сурово, как с другими людьми.

Леди Брук была в молодости очень хороша собой и лю-

била веселиться, но ей пришлось пережить страшную трагедию.

Трое ее старших детей, девочка и мальчики-близнецы, возвращаясь в Англию на пароходе «Гидасп» компании «Пи энд Оу», умерли один за другим в течение нескольких часов.

Еще накануне они чувствовали себя хорошо, а на следующий день, во время плавания по жаркому району Красного моря, начали задыхаться.

Причина их смерти так и не была установлена точно: то ли холера, то ли тепловой удар, то ли попросту кружка отравленного молока – были высказаны все три предположения.

Детей похоронили в море, а раджа никогда не пользовался больше услугами этой паровой компании.

С фантастической смелостью рани вернулась в Саравак и родила новых детей.

Она вела скучный и уединенный образ жизни с мужем, который работал по расписанию, никогда не прислушивался к ее мнению и не принимал ее советов. Ей не разрешалось танцевать с другими мужчинами и носить открытые платья.

Лорд Сэйр очаровал ее своими манерами и вниманием с первой минуты их встречи.

Вечером они сидели за столом в огромной столовой, освещенной висячими масляными лампами; возле каждого гостя стоял даяк с опахалом из пальмового листа, стол сиял серебром и хрусталем, и лорд Сэйр не мог поверить, что находится на изолированном острове, в варварской глуши.

Раджа восседал в зеленом с золотом мундире, с \$ орденами на груди.

На обед были приглашены в честь встречи с лордом Сэйром все члены европейской колонии, а также все офицеры с канонерки.

Лорд Сэйр заметил, что рядом с собой раджа усадил самую красивую из присутствовавших женщин.

Перед самым обедом раджа заговорил с лордом Сэйром о женщинах как мужчина с женщиной и при этом высказался так:

– Красивая женщина, породистая лошадь и отличная яхта – вот самые большие радости в жизни.

Лорд Сэйр согласился и был вполне уверен, что раджа никогда не лишал себя этих радостей.

После окончания обеда лорд Сэйр сел возле рани в надежде, что сумеет поговорить с ней о том, что его больше всего занимало.

– Я слышал, что у вас в Сараваке есть миссионерка, – сказал он. – Ее зовут мисс Агата Элвинстон.

Рани только руками развела.

– Совершенно верно, лорд Сэйр! На редкость неприятная женщина! Не счесть хлопот, которые она тем или иным путем причиняет моему мужу. Но откуда вы о ней узнали?

– Ее золовка, леди Элвинстон, частая гостья в Мальборо-Хаусе.

– О, конечно! Я совсем позабыла, – сказала рани. – К со-

жалению, я совершенно отстала от светской жизни в Англии. Расскажите мне об этой леди.

– Леди Элвинстон весьма хороша собой.

– Чего никак не скажешь о ее здешней родственнице. Она просто уродлива и к тому же, как мне кажется, с каждым годом делается все более безумной.

– Безумной? – переспросил лорд Сэйр.

– Она вытворяет совершенно недопустимые вещи и, как говорят, ужасно обращается с детьми, которые приходят в миссию.

Рани вздохнула.

– Мне хотелось бы, чтобы миссионеры оставили даяков в покое. Если их не задевать, они очень приветливы и добры, а мой муж сделал для них немало хорошего.

Она увидела вопрос в глазах лорда Сэйра и рассмеялась.

– Да, они еще охотятся за головами, но значительно реже, чем прежде, а пираты – я имею в виду так называемых морских даяков – в прошедшем году вели себя вполне мирно. И это, как я понимаю, лорд Сэйр, вы должны поддерживать.

– Разумеется, – согласился лорд Сэйр.

Не желая, чтобы разговор ушел слишком далеко в сторону от занимающего его предмета, он продолжал:

– Не знаю, осведомлены ли вы об этом, но дочь леди Элвинстон приехала в Саравак, чтобы жить со своей теткой.

– Помилуй Боже! – воскликнула рани. – Так вот кто это был! Мне говорили, что белая девушка приехала в начале

недели на пароходе.

Рани резко взмахнула веером и продолжала:

– Я-то полагала, что она остановилась у кого-то из членов нашей европейской колонии, но они все сегодня здесь, а поскольку никто из них не попросил разрешения привести с собой гостью, то я решила, что ошиблась.

– Мисс Элвинстон плыла вместе со мной на «Короманделе», – пояснил лорд Сэйр.

– Бедное дитя! Ее, должно быть, сильно напугал пожар. Но я слышала, что все успели спастись.

– Нам повезло, что это случилось в Малаккском проливе. Плыли мы по Красному морю, все могло бы кончиться иначе.

Лорд Сэйр, сказав это, увидел, как по лицу рани пробежала мгновенная судорога, и понял, что был бестактен.

– Я считаю своим долгом сообщить леди Элвинстон, что ее дочь в безопасности, – поспешил он сказать, – и хотел спросить у вас, как девушка устроилась у своей тети.

– К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос, – ответила рани, – но завтра я непременно посетю миссию с самого утра и повидаюсь с мисс Элвинстон. – Помолчав, она добавила: – Я удивлена, что леди Элвинстон послала дочь сюда, но, возможно, девочка пробудет в миссии недолго.

– Думаю, завтра мы сможем об этом узнать, – светски произнес лорд Сэйр.

Он уяснил себе то, что хотел, и теперь перевел разговор

на другую тему.

Поскольку раджа вставал в пять утра по сигналу выстрела из единственной пушки форта, он не любил, чтобы гости засиживались у него допоздна.

Местные европейцы, чрезвычайно обрадованные приемом, который внес хоть какое-то разнообразие в их монотонную жизнь, неохотно поднялись и начали прощаться.

Все они были чрезвычайно любезны с лордом Сэйром, который обещал побывать у них на плантациях, если выкроит время.

Он понимал, что при одной мысли о его визите жены владельцев плантаций начинают волноваться: а вдруг он посчитает их недостаточно гостеприимными?

Лорд Сэйр попытался успокоить их, уверяя, что для него не надо ничего специально готовить, что он привык довольствоваться тем, что есть в доме, но все его заверения, ясное дело, пропадали втуне.

В конце концов все разъехались, остался только капитан, который как раз собирался отправиться на корабль, когда в огромный зал для приемов вбежал один из слуг и в сильном возбуждении прошептал что-то на ухо радже.

Тот выслушал и провозгласил громовым голосом:

– Чертова баба! Она вполне это заслужила!

– Что произошло? – спросила рани.

Глаза раджи так и сверкали гневом из-под нависших бровей, когда он отвечал:

– Мне только что сообщили, что даяки напали на миссию. Выходит, я должен послать своих солдат, чтобы они спасали эту надоедливую идиотку от мести, которую она сама на себя навлекла!

– Напали на миссию? – воскликнул лорд Сэйр. – Сэр, я должен просить позволения отправиться вместе с солдатами, и выступать нам, как я понимаю, надо немедленно!

Благодаря энергичным действиям лорда Сэйра уже через несколько минут отряд солдат в белых мундирах и черно-красных головных уборах вышел из дворца и двинулся по дороге, ведущей к миссии.

Отряд сопровождали лорд Сэйр и капитан канонерки, и когда они добрались до просеки, то услышали звуки выстрелов.

Командующий солдатами офицер сказал шагавшему с ним рядом лорду Сэйру:

– Это палит старая леди. Она мастерски владеет ружьем и убила в свое время нескольких даяков, которые докучали ей.

Лорд Сэйр не видел лица говорившего, но понял, что офицер усмехается, очевидно, находя сопротивление Агаты Элвинстон забавным.

Сам лорд Сэйр боялся за Бертиллиу – боялся больше, чем когда-либо в жизни. Он даже представить себе не мог, что в состоянии до такой степени страшиться за кого-то.

Он в ярости спрашивал себя, как же он, зная, что такое Саравак, допустил, чтобы она уехала сюда одна и без всякой

защиты и осталась у тетки, которую все терпеть не могли и о которой говорили с открытым пренебрежением?

Он вспоминал, какой нежной и хрупкой показалась ему Бертилла, когда он держал ее в своих объятиях.

Оба они испытали небывалый восторг, едва их губы соприкоснулись... Нет, если что-то случилось с Бертиллой из-за его полнейшей глупости, то он не захочет больше жить!

Подобный всплеск эмоций всего несколько недель назад показался бы ему просто невероятным.

Он приходил в отчаяние от страха, что может быть уже поздно и, добравшись до миссии, он найдет Бертиллу обезглавленной.

С ума можно сойти от этой бесконечной дороги в джунглях; отряд движется так медленно, – хоть криком кричи от ярости!

Возбуждение его достигло такой степени напряженности и остроты, что голос его стал звучать сдавленно и неестественно.

«Бертилла! Бертилла!»

Все его существо взывало к ней; при этом он понимал, что для даяков, пусть и вооруженных всего лишь кинжалами-криссами, ворваться в дом и расправиться с женщиной, которая в них стреляет, всего лишь вопрос времени.

Агата Элвинстон все еще отстреливалась, когда лорд Сэйр наконец услышал, что офицер отдает приказ солдатам заряжать ружья.

Они шли почти в полной тьме, ветви деревьев сомкнулись над тропой и не пропускали лунный свет.

Но теперь дом миссии был освещен ярко, как днем, и едва отряд ворвался на утоптанную площадку перед зданием, лорд Сэйр увидел, что даяки убегают в джунгли.

Ошибиться невозможно: они вооружены по-военному, в волосах пучки коротких перьев.

Лунный свет играл на их щитах и кривых криссах.

Едва даяки скрылись среди деревьев под треск ружейных выстрелов солдат, лорд Сэйр помчался к открытой двери миссии.

Он вбежал в дом и увидел на полу ружье, которым, очевидно, пользовалась Агата Элвинстон, и множество разброшенных вокруг пустых гильз.

Однако никаких признаков присутствия самой миссионерки не было видно, и лорд Сэйр поспешил в другую половину дома.

Кухня была пуста, и Тейдон почувствовал, как ледяная рука сжала его сердце.

Он понял, что потерял Бертилли – единственное существо, дорогое ему в этом мире.

Он попробовал окликнуть ее, но пересохшие губы не слушались.

Потом он увидел, что в противоположной от него стене кухни есть еще одна дверь.

Он открыл эту дверь без всякой надежды и увидел, что

прямо напротив него стоит, прижавшись спиной к стене, Бертилла с выражением полного ужаса на лице.

Так они и стояли, глядя друг на друга при лунном свете, пробивающемся в окно. Потом с нечленораздельным, но, безусловно, восторженным возгласом Бертилла бросилась к Тейдону.

Он был не в силах говорить, он даже не смог поцеловать ее волосы, когда они коснулись его лица.

Он лишь понимал, когда она прижалась к нему, что его сердце, разум и душа поют, ликуя: самого страшного не случилось.

Бертилла жива!

Глава 7

Бертилла вся дрожала в объятиях лорда Сэйра. Потом произнесла неразборчивым шепотом, который он еле слышал:

– Мне было... очень страшно. Я спряталась под кроватью... И я молилась, чтобы вы пришли и с-спасли меня.

– Вы знали, что я в Сараваке? – спросил он неуверенным голосом.

– Н-нет, но я думала о вас... и старалась сказать вам, где бы вы ни были, как мне страшно.

Он ощутил, что напряжение оставляет ее, и поднял голову, чтобы посмотреть на ее волосы и на глаза, обращенные к нему.

– Ну вот я и спас вас, Бертилла, – сказал он. – Все позади. Вам больше нечего бояться.

Она держалась за него обеими руками – так ей и в самом деле было не страшно.

– Все хорошо, – повторил он.

– Позади них слышались шаги, и голос офицера произнес:

– Я искал вас, милорд.

– А я нашел мисс Бертиллу, – ответил лорд Сэйр.

И в его словах прозвучал такой триумф, словно он сообщал, что покорил высочайшую вершину или переплыл глу-

бочайшую реку.

– Могу я минутку поговорить с вами, милорд? Лорд Сэйр взглянул на Бертилли, а она крепче уцепилась за него, словно боялась потерять.

– Посидите немного здесь, на кровати, – ласково сказал он. – Я на минутку отойду и буду у вас на глазах, так что не бойтесь. Я привел с собой солдат, даяки убежали.

Он понял, что Бертилле понадобилось сверхчеловеческое самообладание, чтобы справиться с собой и позволить ему подвести ее к кровати, не возразив ни слова. Она села на краешек.

Только теперь лорд Сэйр заметил убожество и неуютность этой комнаты, и ярость вспыхнула в нем при мысли о том, что Бертилла была вынуждена терпеть совершенно ненужные страдания.

Он улыбнулся, чтобы успокоить ее, и вышел в кухню, оставив дверь открытой, так что Бертилла видела его и не чувствовала себя в одиночестве.

Офицер заговорил, понизив голос:

– Нет никаких следов мисс Агаты Элвинстон, милорд, но обнаружены пятна крови, они цепочкой тянутся в джунгли. Может, это ее кровь, а может, кровь раненого даяка.

Офицер помолчал и добавил смущенно:

– Мои люди до наступления дня не хотели бы заниматься поисками.

Лорду Сэйру это было понятно.

Он знал, что даяки большие мастера затаиться, пока жертва не подойдет совсем близко, и тут же снести ей голову одним взмахом крисса.

– Я считаю разумным отложить поиски до утра, – сказал лорд Сэйр и увидел явное облегчение на лице у офицера.

– А как быть с молодой леди, милорд?

– Мы возьмем мисс Бертиллиу Элвинстон с собой во дворец, – твердо произнес лорд Сэйр. – Есть ли возможность добыть какой-нибудь экипаж? Ей было бы трудно идти пешком.

– Я пошлю за экипажем немедленно, – пообещал офицер.

– Отлично, – одобрил его лорд Сэйр, – но я предпочел бы, чтобы вы и часть ваших людей охраняли нас, пока мы не покинем миссию.

– Разумеется, милорд.

Лорд Сэйр окинул взглядом кухню и увидел на столе пару подсвечников со свечами.

Офицер, следивший за направлением его взгляда, поспешил зажечь свечи.

Свет луны был так ярок, что можно было обойтись и без свечей. Однако лорд Сэйр считал, что свет успокоит Бертиллиу.

Золотистое сияние разогнало тени, и вся обстановка сделалась не такой пугающей.

Но вместе с тем стало очевиднее убожество кухни с ее жалкой утварью и отсутствием в ней элементарных удобств.

Лорд Сэйр не сказал ничего, только сжал губы.

Как только офицер удалился, чтобы отдать приказания солдатам, лорд Сэйр вернулся в комнату Бертилла, сел рядом с девушкой и обнял ее за плечи.

– Я увезу вас с собой во дворец к радже и леди Брук, – сказал он. – Они позаботятся о вас не хуже, чем я.

Она подняла на него вопросительный взгляд: глаза казались огромными на бледном лице, но страха в них уже не было. Бертилла снова, как и прежде, полностью доверилась ему.

– Я очень сердит на вас за то, что вы уехали от Хендерсонов, даже не попрощавшись со мной, – проговорил Тейдон, но голос его вопреки смыслу слов прозвучал мягко и нежно.

Бертилла отвернулась от него к сияющему лунному свету.

– Я знаю, почему вы уехали, – продолжал лорд Сэйр, – но в этом не было необходимости. Мы поговорим с вами об этом потом, когда у нас будет больше времени, и в более благоприятной обстановке.

Она не отвечала, и лорд Сэйр произнес уже другим, обыденным тоном:

– Поскольку вы сюда не вернетесь, я предлагаю вам уложить ваши платья, мы возьмем вещи с собой во дворец.

– Я распаковала только часть одного чемодана, – сказала Бертилла. – Здесь и места не было, чтобы все разложить.

Лорд Сэйр увидел, что ее чемоданы и впрямь стоят нераспакованными в углу.

Бертилла встала и вынула из ветхого комодика какие-то вещи, потом сняла с крючков на стене два платья.

Меньше пяти минут понадобилось ей, чтобы уложить все это, а также гребень, зубную щетку и пару шлепанцев в чемодан.

Лорд Сэйр с какой-то особенной легкостью на душе наблюдал за девушкой.

Какая же она милая и скромная, движения ее своей грацией напоминают газель.

Она огляделась:

– Кажется, все. Не хотелось бы оставлять здесь ни одну из тех красивых вещей, что подарила мне миссис Хендерсон.

Лорд Сэйр, когда Бертилла закрыла крышку чемодана, поднялся с места.

– А теперь пойдете, – сказал он. – Солдаты затянут ремни и вынесут ваши чемоданы. Сейчас должен прибыть экипаж, который отвезет нас во дворец.

Он оказался прав: когда они с Бертилой вышли из дверей, экипаж, запряженный парой лошадей, уже дожидался их.

Солдаты уложили поклажу на задок. Лорд Сэйр помог Бертилле подняться в экипаж, а сам уселся рядом. Едва лошади тронули, Тейдон взял Бертиллу за руку.

– Вы уже не боитесь? – спросил он.

– Теперь нет... когда вы здесь. Потом она спросила тихонько:

– Что... с тетей Агатой?

Он знал, что вопрос этот она держала в голове с самого его прихода, и был рад сказать ей чистую правду:

– Не имею представления. Она могла спрятаться в джунглях, даяки могли увести ее с собой, но солдатам ничего не удастся выяснить до утра.

– Я опасалась, что произойдет нечто подобное, – все так же негромко продолжала Бертилла. – Опасалась с той самой минуты, когда заметила даяка, наблюдавшего, как нещадно она избивает одну из женщин.

– Ваша тетя била женщину? – в полном изумлении спросил лорд Сэйр.

– Она постоянно избивала женщин, которые должны были помогать ей в обучении детей. Этих женщин прислали в миссию вместо того, чтобы заключить в тюрьму.

Лорд Сэйр не сказал ничего, но он понимал, с каким негодованием отнеслись даяки к тому, что ненавистная им миссионерка измывается над их соплеменницей, какое бы преступление эта последняя ни совершила.

Его пальцы крепче сжали руку Бертиллы.

– Пока что забудьте о происшедшем, Бертилла, – сказал он. – Мы поговорим об этом завтра.

Бертилла, совершенно как ребенок, повернулась к нему и уткнулась лицом ему в плечо.

– Я... думаю, что тетя Агата... мертва, – залепетала она. – Это очень плохо с моей стороны, но... я не чувствую себя

несчастной из-за этого. Мне кажется, что она... была не в своем уме.

– Не думайте об этом сегодня, – повторил лорд Сэйр.

Чуть погодя они увидели впереди освещенные окна дворца Астана и вскоре уже ехали по аллеям отлично ухоженного парка.

Из коляски они вышли у парадного входа, и лорд Сэйр заметил, что Бертилла нервничает.

Но когда рани с приветливой улыбкой поцеловала ее, он понял, что девушка в хороших руках.

Бертилла лежала в шезлонге в саду и смотрела на бабочек, порхающих над цветами. Некоторые из бабочек были размером с небольшую птицу.

Крылья у них были покрыты зеленовато-синими чешуйками, яркими и сверкающими в солнечных лучах, словно перья в хвосте у павлина.

Бертилле казалось, что бабочки эти похожи на ее собственные мысли, такие прекрасные, что она не смела даже про себя назвать их.

Рани приказала слугам не будить девушку до позднего утра.

Одевшись, Бертилла спустилась вниз, и ей сказали, что шезлонг ждет ее в саду, а лорд Сэйр уехал вместе с раджой и повидается с нею позже.

Слуга принес ей прохладительные напитки, и Бертилла сидела в тени под деревом, усыпанным цветами.

Она любовалась орхидеями и другими цветами, распустившимися кругом в невероятном изобилии, и ей казалось, что она в раю.

Она и верила, и не верила в то, что лорд Сэйр в самом деле появился в ответ на ее молитвы и спас ее.

Прошлой ночью, когда она в свете луны заметила движение под деревьями вблизи миссии, ее охватил панический ужас. Движение это не было вызвано ветром.

В Саравак не бывает сумерек, и тьма опускается на землю мгновенно, словно темное покрывало.

Правда, на небе сверкали звезды, а лупа заливала все своим сиянием, но от этого тени казались еще более мрачными.

Малейшее движение могло означать ужас!

Весь день тетка Бертилле была еще более невыносимой, чем обычно, и осыпала женщин, а особенно даячку, крикливой бранью.

Бить она ее не била, быть может, поняв, что зашла чересчур далеко накануне.

Однако она угрожала ей и била других, била и детей, пока все вокруг не превратилось в сплошную какофонию громких криков боли и плача.

Бертилле все это казалось настолько кошмарным, что она несколько раз в течение дня убегала к себе в комнату, закрывала дверь и бросалась на постель.

Она зажимала уши руками, чтобы не слышать криков.

Тетка окликала ее, и Бертилла вынуждена была возвра-

щаться, чтобы помогать с детьми, а потом, когда они ушли, убирать за ними и готовить скудную трапезу для себя и для тетки.

Еды было немного, они быстро с ней покончили, после чего Бертилла подошла к окну полюбоваться ночью.

Она надеялась, что красота этой ночи поможет ей избавиться от тяжелых мыслей о сценах, свидетельницей которых ей пришлось быть в течение дня. Но, стоя у окна, она увидела, как шевелятся кусты.

Вначале она подумала, что это какое-нибудь животное или большая птица-носорог, которую ей так хотелось увидеть.

Но ветки двигались не в одном месте, а повсюду возле дома.

У Бертиллы перехватило дыхание от страха при мысли о том, чем было вызвано это движение.

На мгновение перед Бертиллою мелькнули перья головного убора даяка.

– Тетя Агата! – громко и с тревогой в голосе позвала Бертилла.

– Чего тебе? – отозвалась тетка.

– Там в лесу мужчины. Они прячутся, но я уверена, что видела их.

Тетка вскочила на ноги и кинулась к окну.

Тут она испустила некий восторженный вопль и, к удивлению Бертиллы, начала с грохотом закрывать деревянные

ставни.

– Я их проучу! Я им покажу! – яростно бормотала она. – Ишь ты, опять явились угрожать мне!

– Кто вам угрожал? Кто они такие? – спрашивала Бертилла.

Но тетка уже вынула из шкафа ружье и понесла его вместе с коробкой патронов в классную комнату.

Бертилла после уборки закрыла там ставни – не потому, что опасалась людей, нет, просто не хотела, чтобы в дом налетели насекомые, которыми кишел окружающий лес.

В помещение залетали не только ночные бабочки и жуки, но и летучие мыши, а порой и небольшие птицы, которые начинали метаться по всему дому в поисках выхода.

Тетка все еще бормотала про себя:

– Они у меня получают больше, чем заслуживают, я им преподам такой урок, что они вовек его не забудут. Варвары! Дикари! Убийцы! Пристрелю парочку, а то и тройку, тогда они узнают, кто здесь хозяин!

Бертилла в растерянности наблюдала за тем как тетка опустилась на колени возле одного из закрытых ставнями окон и оторвала нижнюю планку ставня.

В образовавшуюся щель тетка просунула дуло ружья, уже заряженного, прицелилась и выстрелила.

Грохот выстрела заставил Бертиллу подскочить, а по комнате пошло гулять эхо.

Снаружи донесся крик боли, и Бертилла подбежала к тет-

ке.

– Вы кого-то застрелили! О, тетя Агата, не делайте этого! Вы в кого-то попали и, возможно, убили человека!

– Иди и спрячься, ты, маленькая трусиха! – рявкнула на нее тетка.

В ее словах было столько презрения, что Бертилла попятилась.

Напуганная поведением тетки чуть ли не больше, чем тем, что происходило снаружи, Бертилла выбежала в кухню.

Она стояла в растерянности, потом вдруг заметила, что ставни хоть и закрыты, но в большие щели между ними пробивается свет.

Плохо сознавая, что она делает, Бертилла подошла к окну и глянула в щель, чтобы узнать, что происходит.

Она вскрикнула от ужаса, потому что в просветах между деревьями увидела по меньшей мере дюжину даяков и поняла их намерения.

Она безошибочно распознала их военный наряд, разглядела перья на головах и на плечах и пучки волос на щитах.

У каждого был кривой крисс, и остро отточенная сталь зловеще поблескивала в лунных лучах.

Девушка отлично видела продетые в уши куски слоновой кости и синюю татуировку на руках.

Их длинные черные волосы свисали почти до пояса, а на лицах застыло свирепое выражение – иным его не назовешь.

Тетка стреляла в даяков, и они явно боялись пуль, но не

отступали, а лишь перебегали от дерева к дереву, а случилось, даже выбегали на утоптанную площадку, но тут же снова скрывались в лесу.

Чем-то это напоминало детскую игру, но Бертилла отлично понимала, что нападающие маневрируют, постоянно меняя позиции.

Потом один из даяков испустил воинственный клич, полный вызова, и начал размахивать в воздухе своим криссом.

Все остальные мужчины подхватили клич, их криссы так и замелькали, рассекая воздух, и стало вполне ясно, что теперь произойдет.

Бертилла в ужасе закричала.

Она отскочила от окна и убежала в свою спальню, а там забилась под кровать – единственное, как ей казалось, место, где можно хоть как-то спрятаться.

Она принялась молиться – молиться о том, чтобы появился лорд Сэйр и снова спас ее.

Молитвы ее были бессвязны, слова путались, но всем своим сердцем Бертилла взывала к Тейдону отчаянно, словно испуганный ребенок...

Прошлым вечером, после того как рани, приветливая и ласковая, чисто по-матерински, какой никогда не бывала мать Бертиллы, оставила девушку в спальне и ушла, та перед сном горячо возблагодарила Бога.

Она благодарила Его за то, что он прислал к ней лорда Сэйра и избавил от страшной опасности быть обезглавлен-

ной даяками.

Съездившись во время нападения под кроватью, Бертилла думала, что в любую минуту ее могут обнаружить и вытащить из укрытия прямо за волосы.

Тогда последним, что она в жизни услышит, будет свист криксы, которым ей отрубят голову.

И вот она чудом спаслась!..

Лорд Сэйр шел прямо к ней по лужайке среди цветов, и Бертилле на мгновение показалось, что на нем сверкают рыцарские латы, а в руке он держит копье, которым поразил дракона.

Подойдя к ней, лорд Сэйр улыбнулся, а когда она в неосознанном порыве протянула к нему обе руки, он взял их в свои и поцеловал – сначала одну, а потом другую.

– Вы хорошо спали? – спросил он своим глубоким голосом.

Бертилла покраснела оттого, что он поцеловал ей руки, и не могла на него взглянуть, но немного погодя ответила:

– Леди Брук, должно быть, дала мне какое-то снотворное. Не знаю, что это было, но проснулась я безбожно поздно.

– Вы не слишком устали?

Бертилла молча покачала головой. Она хорошо понимала, о чем ей непременно следует спросить, и произнесла, понизив голос:

– Вы... слышали что-нибудь... о тете Агате? Лорд Сэйр присел на краешек плетеного диванчика и снова взял обе ру-

ки девушки в свои.

– Боюсь, что не смогу сообщить вам хорошие вести.

– Она... умерла?

– Да, Бертилла. Она мертва. Не думаю, чтобы она сильно страдала... во всяком случае, недолго.

Он не собирался рассказывать Бертилле в подробностях о том, как солдаты, обшарив нынче утром джунгли вокруг дома миссии, обнаружили тело мисс Элвинстон.

Даяки, очевидно, унесли ее с собой, когда, взломав дверь миссии, вдруг услышали приближение солдат и отступили в лес.

Тело было найдено на тропинке под деревьями.

Даяки ничего не взяли из карманов миссионерки, даже не тронули брошь-камею, которой она всегда застегивала воротник платья. Не хватало только головы.

Лорд Сэйр подумал, что этого и следовало ожидать. Но Бертилле не стоило знать ничего, кроме того, что ее тетя мертва.

Некоторое время Бертилла молчала. Потом, поняв, что лорд Сэйр ничего больше не добавит, сказала:

– Почему вы здесь? Вы обещали, правда, что приедете в Саравак, и я на это надеялась, но не ожидала вас так скоро.

Лорд Сэйр улыбнулся и выпустил ее руки.

– Именно об этом я и собирался поговорить с вами.

Она взглянула на него вопросительно.

– Когда вы покинули дом Хендерсонов с такой ненужной

поспешностью, – сказал лорд Сэйр, – я понял, что мне остается сделать лишь одно – последовать за вами.

Она молчала, но Тейдон видел, как разгораются румянцем ее щеки.

– Видите ли, дорогая, – очень ласково продолжал он, – когда вы уехали, я понял, что не могу жить без вас.

Она посмотрела на него недоверчиво.

– Это правда, – сказал он, как если бы она задала ему вопрос. – Я люблю вас, Бертилла. Вы мне нужны, я хочу вас так, как ничего и никогда не хотел в своей жизни.

В ее глазах вспыхнул свет, идущий, казалось, из самых глубин души, и разлился по всему лицу девушки.

Шепотом, который Тейдон едва расслышал, она проговорила:

– Наверное... я вижу сон.

– Это не сон, – возразил он. – Это действительность. Я люблю вас, дорогая, и мы поженимся так скоро, как только это можно будет уладить.

У Бертиллы дух захватило от нескрываемого изумления при этих его словах. А лорд Сэйр наклонился, обнял ее и прижался губами к ее губам.

Он поцеловал ее, подсознательно думая о том, может ли поцелуй быть таким же чудесным, как тот, первый, в саду у Хендерсонов.

Но, едва ощутив нежные губы Бертиллы, едва она легким, словно крылья бабочки, движением обняла его и задрожала

всем телом от его прикосновения, он вновь испытал тот же невероятный восторг.

Поцелуй соединил их еще сильнее, чем первый, и был еще чудеснее.

Прошло много времени, прежде чем их губы разъединились, и Тейдон произнес тихо и проникновенно:

– Я люблю тебя, мое драгоценное сердце, я тебя люблю! Я не чувствовал ничего подобного за всю мою жизнь, и это самая настоящая правда.

Она тихо вскрикнула – почти со слезами – и прошептала:

– Я люблю тебя, я полюбила тебя, вероятно, с первой минуты, как увидела, но я никогда не думала... не могла вообразить, что ты полюбишь меня.

– Мы созданы друг для друга, – сказал лорд Сэйр.

Их взаимная одержимость была так сильна, что только много позже в голосе у лорда Сэйра зазвучали юмористические нотки.

– Ты знаешь, милая, что меня называют Пиратом в любви? – сказал он. – Так позволь мне заверить тебя, что этот пират спустил свой флаг и больше не станет скитаться по морям. Он нашел сокровище, которое так долго искал, и удовлетворен целиком и полностью.

– Мне трудно поверить, что я могу быть достойной тебя... после всех прекрасных и умных женщин, которых ты... знал? – прошептала Бертилла, пряча лицо у него на груди.

– Они всегда меня разочаровывали, – ответил он искрен-

не, – и с годами я все больше утрачивал свои иллюзии. Вот почему я и не хотел жениться.

Она быстро подняла на него глаза, и в них он увидел страх.

– Пока не встретил тебя, – улыбнулся он. – Я понял, хоть и не сразу, что ты и есть тот идеал, который я создал в своем сердце, но не надеялся найти.

– Ты такой великолепный, такой значительный!.. Боюсь, что я не пара тебе. Что ты разочаруешься.

– Это может случиться только в том случае, если ты мало будешь меня любить.

– Для меня это невозможно... не любить тебя всей душой.

– Только об этом я и прошу тебя на будущее, – сказал Тейдон. – Мы станем взаимно раскрывать нашу любовь, пока она не сделается самым значительным в нашей жизни.

– Для меня никогда не было ничего значительнее тебя... – страстно проговорила Бертилла. – Я поняла, что ты и есть тот, о ком я всегда мечтала, когда ты был так добр ко мне там, на вокзале.

– А я считал, что ты существуешь только в моем воображении, – ответил лорд Сэйр, – но ты есть на самом деле, дорогая, и я не могу себе представить существо более совершенное, более прекрасное во всех отношениях, имея в виду не только твое прелестное личико, но и твой внутренний мир, твое сердце, твой разум.

Он говорил и думал, что ведь именно этого ему и не хватало прежде – внутренней, духовной красоты, без которой

ни одна женщина не может быть по-настоящему прекрасна.

Он приподнял пальцами ее лицо за подбородок и взгляделся в него совсем близко.

Бертилла покраснела.

– Ты меня смущаешь, – запротестовала она.

– Обожаю твое смущение, – ответил он. – Но я пытаюсь понять, чем ты так хороша.

– Не гляди так пристально... ты отыщешь много недостатков.

– А они есть? Я люблю твои глаза. Больше никогда я не увижу в них страха. – Он поцеловал ее в глаза и продолжал: – Я очарован твоим маленьким прямым носиком, но больше всего пленяют меня твои губы.

Бертилла ждала, что он ее поцелует, но он только обвел пальцем контур ее губ.

От незнакомого ей ощущения Бертилла вздрогнула, а он, ощутив ее дрожь и заметив румянец, вспыхнувший на щеках девушки, нежно рассмеялся.

– Любовь моя бесценная, я очень многому должен научиться тебя.

– Я так многому хочу научиться, – проговорила Бертилла. – Пожалуйста, о, пожалуйста, научи меня всему, чего ты хочешь и что принесет тебе счастье.

Он страстно поцеловал ее, так что она задохнулась и задрожала в его объятиях.

– У меня есть одно предложение, – сказал он.

– Какое?

– Официально ты в трауре, моя маленькая любимая, и хотя я считаю, что было бы лицемерием с твоей стороны оплакивать тетю, наше немедленное вступление в брак в Сингапуре вынудило бы людей считать тебя бессердечной.

Бертилла смотрела на Тейдона обеспокоенно и ждала, что он скажет дальше; он продолжал:

– Поэтому я хочу, если ты согласишься, предложить, чтобы нас обвенчал капитан канонерки, на которой я приплыл сюда.

Тейдон увидел, как вспыхнули от возбуждения глаза Бертиллы; слегка заикаясь от радости, она спросила:

– А-а это... в с-самом деле возможно?

– Это совершенно законно: капитан любого корабля властью, данной ему королевой, может обвенчать кого угодно во время плавания.

– Тогда давай поженимся именно так, если... если ты до конца уверен, что хочешь жениться на таком незначительном существе, как я.

– Ты существо весьма и весьма значительное, драгоценное для меня, – сказал лорд Сэйр, – и я подумал еще, что после вступления в брак мы могли бы вместе продолжать поездку по островам. – Он помолчал и, словно только теперь надумал это, добавил: – Мы можем путешествовать на канонерке, а через месяц-два или даже позже вернемся в Сингапур.

– Это звучит невероятно увлекательно, просто чудесно!

Не могу найти слов, чтобы выразить, насколько это много значит для меня.

– Это будет не совсем обычный медовый месяц, – заметил лорд Сэйр, – но в каждом месте, где нам придется оставаться, мы договоримся о том, что сойдем на берег на несколько дней. Уверен, везде найдутся люди, готовые сдать нам домик, в котором мы будем только вдвоем.

– Ну теперь-то я уж точно знаю, что сплю и вижу сон! – воскликнула Бертилла. – Находиться в этой сказочно прекрасной стране да еще вместе с тобой... такого не бывает в реальной жизни.

– Но тем не менее будет, – сказал лорд Сэйр. Он целовал ее до тех пор, пока она не ощутила неизведанные прежде эмоции и не захотела, чтобы он ласкал ее прикосновениями, которых она в своей невинности не понимала.

Они забыли о времени и вообще обо всем на свете, но тут явился слуга и доложил, что раджа хотел бы видеть их за ленчем.

Лорд Сэйр встал с шезлонга и спросил:

– Мы сообщим радже и рани о своем решении?

– Мне будет неловко, – сказала Бертилла.

– Предоставь это мне, – заявил лорд Сэйр.

– Именно этого я и хотела бы, – согласилась Бертилла. – Я была так напугана и одинока! Всю последнюю неделю я размышляла, с кем бы мне переговорить и рассказать о том,

что тетя Агата немного не в своем уме. – Она вздохнула и продолжала: – Но никто не приходил в миссию, а там ни один человек, кроме тети Агаты, не говорил по-английски.

По ее голосу Тейдон понял, как она страдала, и когда слуга направился вперед по дорожке, лорд Сэйр обнял свою нареченную за большим кустом рододендрона, усыпанным алыми и белыми цветами.

– Ты больше никогда не будешь одна, – пообещал он. – Я не должен был оставлять тебя, не должен был спускать с тебя глаз, но теперь клянусь, что отныне мы всегда будем вместе.

– Я люблю тебя, – ответила на это Бертилла. – Я люблю тебя так, словно., словно я вся состою из одной любви, я вся твоя!

Он обнял ее еще крепче и целовал до тех пор, пока весь сад не завертелся вокруг нее.

Все краски, все запахи цветов и полет пестрых бабочек слились воедино с чувством, переполнявшим сердце Бертиллы, но потом все это стало неразличимым.

Осталась лишь любовь – божественное чувство, священное и незапятнанное, истинное и верное чувство между мужчиной и женщиной отныне и навеки..

– Я люблю тебя! Господи, как же сильно я тебя люблю! – внезапно охрипшим голосом произнес лорд Сэйр.

И у самых его губ откликнулся шепот Бертиллы:

– Я люблю тебя... Люблю всем моим существом!